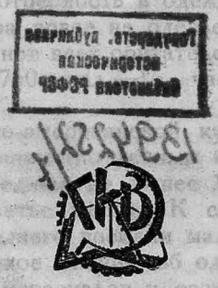
„БОГАТСТВА С. С. С. Р."

под общей редакцией А. Ф. АРСКОГО

ВЫПУСК VII

Проф. В. В. ЛЕОНТЬЕВ

ЛЬНЯНОЕ ДЕЛО



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—1925—ЛЕНИНГРАД

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1394252/7

Типография „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“ имени Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

Гиз № 8302. Ленинградский Гублит № 16798. Напечатано 5.000 экз.

ВВЕДЕНИЕ

ЛЕН В МИРОВОМ ТЕКСТИЛЬНОМ ДЕЛЕ И В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ С.С.С.Р.

Производство текстильного сырья и его обработка играют в народном хозяйстве нашей Республики чрезвычайно важную роль, — относительно бо́льшую, чем во всех других государствах.

С.С.С.Р. производит в очень значительных количествах все главные виды текстильного сырья: хлопок, лен и пеньку, шерсть и шелк; культура их имеет для сельского хозяйства отдельных частей Союза первостепенное значение. Фабричная обработка волокнистых веществ стоит на первом месте среди других отраслей нашей промышленности. Во внешней торговле лен—по вывозу, хлопок—по ввозу, занимают также одно из первых мест.

Главное значение волокнистых материалов и роль текстильного производства в мировой экономике объясняются тем, что они удовлетворяют одну из наиболее важных потребностей человека—потребность в одежде, хотя и до сих пор значительная часть населения земного шара вовсе не одевается. По прежним, конечно, очень грубым, подсчетам из 1.500 миллионов всех обитателей земли, лишь около 500 милл.—$^1/_3$—одевались полностью, около 750 милл.—$^1/_2$—частично, и около 250 милл.—$^1/_6$—вовсе не употребляют платья.

Но на территории европейско-американской культуры одежда является как бы обязательной. В личном потреблении (по данным бюджетной статистики) расход на одежду составляет 5—25%, в среднем не менее 10% всех расходов; он занимает рядом с жилищем второе или третье место. К сожалению, изучение потребления и потребностей является до последнего времени мало разработанным отделом экономической науки, и наше практическое знание об одежде, ее экономическая история, относительная роль текстильных материалов у разных народов и в разное время—еще очень мало изучены.

Известно, что в древности и в средние века наибольшее значение среди текстильных материалов имели лен, пенька и шерсть.

В натуральном крестьянском хозяйстве эти материалы домашнего производства и обработки, с различным значением для разных районов, давали сырье для одежных и других тканей. Поэтому зачатки культуры льна для собственного потребления уходят вглубь истории, и лен обычно стоял на первом месте среди промышленных растений сельского хозяйства.

Крупная фабричная промышленность произвела свои начальные завоевания как раз в области обработки волокнистых веществ. В то же время и в Европе получает широкое и все увеличивающееся значение соперник шерсти и в особенности льна—хлопок. О борьбе между льном и хлопком мы будем говорить дальше, здесь же отметим, что, хотя в течение XIX века абсолютное производство и потребление льна удвоилось, относительная роль хлопка и отчасти шерсти сделалась гораздо более значительной. В течение же XIX века, по преимуществу для пеньки, но отчасти и для льна появился еще один конкурент—джут.

По приблизительной оценке, потребление пяти основных текстильных материалов поднялось в районах, доступных статистическому изучению, в течение XIX века в таких количествах:

	Начало XIX стол.		Конец XIX стол.	
	Милл. пудов	%	Милл. пудов	%
Хлопок	6,6	12	122	46
Шерсть	13,5	25	52	20
Лен	17,4	31,5	39	15
Пенька	17,5	31,5	27,5	10
Джут	—	—	24,5	9
Всего	55	100%	265	100%

По другим данным, за последние два десятилетия до мировой войны, с 1890 по 1912 г., потребление тех же пяти волокнистых веществ изменилось в такой пропорции:

	1890 г.		1912 г.
Лен	с 28 милл. пудов	до	33 милл. пуд.
Пенька	„ 41 „	„	35 „
Джут	„ 51 „	„	81 „
Шерсть	„ 65 „	„	76 „
Хлопок	„ 160 „	„	260 „

Эти сопоставления говорят о разных сдвигах в относительном значении разных видов сырья прежде и теперь. Наиболее сильно изменилось, в разных направлениях, положение хлопка и пеньки,—первый увеличился в абсолютном количестве почти в 20 раз и достигает в настоящее время почти половины общего расхода; пенька в течение столетия упала в своем значении с $^1/_3$ до $^1/_{10}$, в текущем же столетии абсолютно идет на убыль.

Лен занимает среднее положение: обороты с ним увеличились абсолютно более чем вдвое, но в такой же пропорции упало его относительное значение. Хотя к началу XIX века он продолжает свой абсолютный рост, все же необходимо признать, что и в настоящее время позиция шерсти, особенно же хлопка, значительно тверже и будущее благоприятнее.

Но таково положение льна в общемировой экономике текстильного сырья и его обработки, для С.С.С.Р. же оценка льняного дела будет несколько иной.

Хотя, как уже сказано, все основные прядильные материалы (кроме джута):— из животного царства шерсть и шелк, из царства растений хлопок, лен и пенька— входят в состав продуктов нашего сельского хозяйства, роль их в этом хозяйстве не одинакова. Добыча шерсти сильно падает в довоенной России уже с конца прошлого века, а в последние годы до войны не удовлетворяла внутренней потребности со стороны шерстяной промышленности: ввоз сырой шерсти (главным образом тонких сортов) превышал вывоз. Шелководство Кавказа и Туркестана хотя и давало излишек, который в виде сырых коконов вывозился за границу, но как производство, так и сумма вывоза относительно незначительны и поэтому в общей экономике народного хозяйства большой роли играть не могут.

Из растительных волокон хлопок, как известно, успешно возделывался в бывшей Средней Азии и на Кавказе. Возрождение хлопководства является одной из насущнейших задач нашей экономической политики в указанных частях нашего Союза. Но все же эта культура к сельскому хозяйству Европейской части С.С.С.Р. прямого отношения не имеет, и в нашем вывозе хлопок не появлялся и вряд ли появится при чрезвычайном спросе на него со стороны нашей собственной хлопчатобумажной промышленности.

Из двух растений так называемого лубяного волокна—льна и конопли—второе имеет гораздо меньшее значение. Волокно конопли—пенька—в начале прошлого столетия играла в нашем вывозе даже несколько бо́льшую роль, чем лен, но постепенно спрос на нее падал; конкуренция колониального волокна—джута—была для нее нередко роковой. Уже до войны площадь посева под коноплей уменьшилась; в настоящее же время рынок пеньки за-границы дает еще меньше надежды на выгодность развития этой культуры для вывоза.

Из всех текстильных материалов лен является тем продуктом сельского хозяйства Европейской части С.С.С.Р., который имеет богатую достижениями историю и, насколько можно предвидеть, благоприятные шансы развития в будущем.

В целом ряде губерний лен составлял и составляет и в настоящее время наиболее важную из специальных сельскохозяйственных культур. В последние до войны годы площадь подо льном колебалась между 1.250 тысяч и 1.500 тысяч десятин, что составляет очень значительную величину по отношению ко всем сельскохозяйственным запашкам тогдашней Европейской России. Сельскохозяйственная перепись 1916 г. установила, что под льняными посевами находилось около 2% всей посевной площади, при чем по отдельным губерниям процент этот доходил до 15 и более (Псковская, Смоленская), и даже в целом Приозерном крае он составлял 10%. По сравнению же со всем валовым доходом сельского хозяйства С.С.С.Р. льноводство дает еще более высокий процент, потому что льняная культура является, вероятно, наиболее „трудоемкой“; десятина подо льном требует больше трудовых затрат и дает много больше дохода десятины зерновых хлебов. К сожалению, точного учета относительного веса в сельскохозяйственном доходе льняных продуктов нет, но по приблизительным оценкам довоенного времени лен давал около 3,6% всей сельскохозяйственной продукции (включая лесоводство, скотоводство, рыболовство и т. п.); по предположениям проф. Чаянова, это составляет 1,2% всего народного дохода Европейской части С.С.С.Р. Лен давал значительный денежный заработок не менее чем одному миллиону крестьянских хозяйств в сумме около 160 миллионов рублей, не считая дохода от кустарного ткачества и других видов домашнего использования волокна (А. А. Рыбников).

При этом льноводство в большинстве случаев представляет собою в нашем крестьянском хозяйстве определенно прогрессивный элемент. Оно и прежде было связано, главным образом, с мелким земледелием; с увеличением площади подо льном хозяйство получает характер товарного, денежного (часто, не совсем точно, говорят—промыслового хозяйства).

В наше время, когда весь строй экономики С.С.С.Р. покоится, более чем прежде, на сельском хозяйстве, культура льна приобретает сугубое значение.

Роль нашего льноводства в мировом производстве и значение льна во внешнем товарообмене делают для нас эту культуру еще более важной.

До войны Россия занимала первое место по площади льняных посевов,—на нее приходилось около 30%. В производстве же специально волокна наша роль была еще значительнее. Как известно, кроме волокна (лен „долгунец“), часть льняной культуры имеет целью добычу семян для производства масла (лен „кудряш“). В этом последнем направлении ведется льноводство стран, следующих за С.С.С.Р. по величине площади в таком порядке: Аргентина, Соединенные Штаты и Индия; при этом первая и вторая страны производят большее, чем мы, количество семян.

Совсем иным является положение в добыче волокна. Довоенный русский лен был в этой области решающим для мирового снабжения. В последние до войны годы мы поставляли на мировой рынок около $^4/_5$ всего потребляемого фабричной обработкой льняного волокна всех промышленных стран (за 1909—1913 г.г. 83,4%). В нашем вывозе довоенного времени лен стоял на третьем месте после хлеба и леса. И теперь, тотчас по возобновлении торговли с Западом, одним из первых вывозных товаров оказался лен (в 1921 и 1922 г.г. около 15% всей ценности вывоза).

Остающееся в довоенной России и в С.С.С.Р. льняное волокно частью идет в домашнюю крестьянскую и кустарную переработку, которая дает домотканный холст и т. д. Другая часть питает нашу крупную льняную фабричную промышленность. Ежегодная добыча льна в 25—26 миллионов пудов распределялась в таких приблизительно пропорциях: вывоз около 16 милл. пудов, кустарная переработка крестьян от 4 до 5 милл. и такое же количество льняной промышленности (в 1916 г.—6 милл. пудов). Фабричная обработка льна как за границей, так и у нас, уступает в значении хлопчатобумажной и шерстяной промышленности. У нас развитие льняной промышленности шло быстрее, чем на Западе, и все же в обработке хлопка и шерсти было занято много больше рабочих, и оборудование и производительность этих фабрик в несколько раз превышало работу льняной промышленности.

Соотношение между отдельными отраслями нашей текстильной промышленности в довоенное время представлено следующими цифрами:

Обработка:	Хлопка.	Шерсти.	Льна.	Шелка.
Число рабочих	509.510	139.294	85.464	36.184
Пряд. веретен	8.756.417	1.397.180	410.007	271.070
Ткацк. станков	224.411	57.571	15.425	7.909
Сумма производства .	1.405.255	285.822	115.972	53.175

За последние годы соотношение это несколько изменилось, о чем дальше. Льняная промышленность, обрабатывавшая сырье, производившееся в пределах нашего Союза, доступ для которого за границу был временно закрыт, пострадала меньше других, догоняя в последние годы довоенную сумму производства. С этой точки зрения можно утверждать, что льняная промышленность, уступая хлопчатобумажной и шерстяной в размерах, имеет перед ними решающее преимущество,—почти не зависит от иностранного рынка сырья. И в своем промышленном развитии льняное дело представляет значительный элемент народного хозяйства С.С.С.Р.[1]

Все перечисленные обстоятельства: значение льноводства в нашем сельском хозяйстве, роль нашего волокна в мировом снабжении и нашем вывозе, лен в крестьянской и фабричной промышленности,—все это определенно говорит за то, что льняное дело составляет действительно „богатство С.С.С.Р.“ и заслуживает поэтому особого внимания.

К сожалению, необходимо признать, что изучение и знание этой отрасли нашего хозяйства находилось далеко не на высоте. Мы вообще мало интересовались практической экономией и конкретными сведениями о нашем народном хозяйстве. Льноводство же и льнопромышленность были особенно в загоне и стали подробнее изучаться лишь в последние до войны годы. Проф. Прянишников („Приветствие первому льняному съезду“), а также А. А. Рыбников, усматривали причину этого в распыленности льняной культуры среди крестьянства, которое само не могло организовать опытное дело, поставить изучение экономики, агрикультуры и т. д. С созданием кооперативной организации, уже во время войны, льноводы выходят на путь сознательной и последовательной работы над улучшением своего дела.

На недостаточность разработки вопросов льняной промышленности жаловался А. А. Нольде (в русск. переводе книжки проф. Автальон). Но в этом льняная промышленность разделяла участь всего текстильного производства. Эта отрасль

[1] По данным, опубликованным по окончании настоящей работы (август 1924 г.) в сезон 1923—1924 г.г. выработка составила в хлопч.-бумажной промышленности 35,5%, шерстяной 51,6%, льняной же 89,1% производства 1912 г.; это подняло удельный вес льнопромышленности с 7 до 22,9% всей текстильной промышленности.

фабрично-заводского дела, развиваясь органически, работала на широкий народный рынок, без искусственной поддержки государственной власти, независимая от казенных заказов; поэтому она, не привлекая к себе внимания власти и общества, менее интересовала и исследователей.

Последующее изложение имеет целью дать краткий очерк истории и экономики льняного дела и современного его положения с точки зрения интересов народного хозяйства С.С.С.Р.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ЛЬНОВОДСТВА В ДОВОЕННОЙ РОССИИ

Нет достаточно точных данных о том, какое из волокнистых веществ является самым древним. Лен, хлопок, шерсть и шелк произошли из разных стран; начало их культуры скрыто в глубине веков. Все другие волокнистые вещества происходят, по всем вероятиям, из Азии (Индия, Китай и Тибет), только лен имел, повидимому, местом своей первоначальной культуры Северную Африку. В гробницах древнего Египта сохранилось изображение обработки льна; ткани, в которые завернуты мумии, первоначально предполагавшиеся хлопчатобумажными, при детальном микроскопическом исследовании оказались льняными. Судя по некоторым местам библии, евреи при выходе из Египта уже были знакомы со льном. В Европе лен известен с незапамятных времен. В средние века он во многих районах служил материалом для одежды, особенно сельского населения.

В России о льне упоминают первые летописцы. В эпоху Великого Новгорода и Пскова он был одним из основных товаров в торговле с заграницей. В тех районах, где хлеба не хватало и население продажей льна добывало средства для прикупки хлеба, льноводство явилось той частью сельского хозяйства, которая впервые, отклоняясь от натурального производства, создавала продукты обмена.

Льняная культура развилась в северо-западных районах России; после падения Новгорода вывоз льна шел через Нарву. Еще в допетровское время лен возделывался и в тогдашней Средней России—в Московском и Суздальском районах. Местности по речным путям сообщения — других тогда не было — выделялись производством этой культуры, поскольку она производилась на продажу. Из этих районов пути за границу шли к берегам Балтийского, а также и Белого морей. Путь на Запад через Архангельск установился после появления здесь англичан в 1553 году; одно время правительство заставляло для развития Архангельска вывозить лен через этот город, даже из очень отдаленных районов.

Помимо вывоза, и во внутренней торговле лен уже с первых веков русской истории играл известную роль. В договорах новгородцев с кн. Ярославом и его сыном, а также Михаилом Тверским (XIII и XIV века), значился сбор со льна во внутренней русской торговле—(„с короба“). Существовали и натуральные налоги, связанные с льноводством. Значительно позже, например в XVII веке, известны подати, собираемые холстами; они поступали в так называемую „белую казну“, которая всецело находилась в ведении царицы. Уже в это время были попытки правительства ввести улучшения в технику первичной обработки. В селе Измайлове (в окрестности Москвы) был устроен льняной двор с приспособлениями для улучшенной обработки; было желание испробовать механические приемы, для чего вызвали из Англии инженера Густава Декенти, соорудившего „колесную механику“.

Со стороны правительства были попытки сделать льняную торговлю своей монополией, главным образом в фискальных целях; иногда отдавали ее на откуп. Но монополия, вредная торговцам, да и льноводам, не могла быть закреплена; впервые

установленная в 1636 г., она вводилась и вновь отменялась в течение долгого времени вплоть до XVIII века. Окончательная отмена ее произошла при Екатерине II.

Пряденье и ткачество льна на продажу существовало также еще в допетровское время, особенно в местностях, из которых было трудно организовать вывоз за границу сырого льна—волокна.

Со времени Петра правительство принялось еще энергичнее воздействовать на льняное дело. Петр поощрял фабричную обработку льна, имея в виду также и вывоз за границу холста и полотна. Он приказывал ткать широкие ткани, имевшие на Западе более верный сбыт. Понятно, что эта политика была связана с интересом к льноводству. Был издан указ о расширении посевов льна и конопли; имелось в виду распространение этой культуры на более широкий район, и поэтому, как говорилось в указе, „где тому не обыкновенны, как лен и пеньку учреждать — дабы обучали крестьян".

При Петре же для более успешного вывоза волокна была введена в 1713 г. (по просьбе англичан) казенная браковка льна, по примеру уже действовавшей в прибалтийских немецких городах — Кёнигсберге и Риге. К сожалению, и тогда не обходилось без иностранцев; было указано, чтобы назначить для браковки „доброго и верного человека из иноземцев, чтобы верно и праведно браковать". Сущность этой системы состояла в сортировке и контроле качества отпускаемого за границу товара. При правильной организации прием этот может быть целесообразным, но позже, в XIX веке, он стал ощущаться, как стеснение торговли. С 40-х годов прошлого века браковка была сделана добровольной, в Петербурге с 1844 г., а вскоре и совсем отменена.[1] Против бракованья в то время приводилось соображение, что продавцы льна практикуют отделку волокна „на указный брак", т.-е. на определенный сорт; без бракованья же каждая партия получает оценку сообразно ее индивидуальным качествам.

До XIX века главное производство льна для торговли находилось в северной России — как на западе, так и на востоке. В западной части были известны льны псковские, прибалтийские, литовские и белорусские; в восточной — владимирские, ярославские, костромские, вятские,—губернии, которые и до настоящего времени культивируют лен-долгунец. Развитие льноводства в южных и юго-восточных губерниях, где добывается лен для семян на масло, относится уже ко второй половине XIX века.

Кроме указанных ранее воздействий на внешнюю торговлю льном, необходимо отметить, что современная практика вывозной пошлины на льняное волокно имеет в прошлых столетиях длинную историю. По нашему первому таможенному тарифу, если только его можно так назвать, — Новоторговому уставу 1667 г.—лен входил в число отпускных товаров, продаваемых по весу. С этих товаров взималась четырехпроцентная пошлина. По петровскому тарифу 1724 г. пошлина была установлена в зависимости от сорта, начиная от пакли до высших сортов льна волокна — новгородского и псковского — от 10 коп. до 45 коп. за берковец (10 пудов). Далее, до конца XVIII века, пошлина в связи с общей экономической политикой повышалась, и в 1796 г. ставки ее были от 1 р. до 6 р. за берковец. С этого года ставки эти идут на понижение; в 1816 г. они установлены в 50 к. и 1 р. 50 коп. (пакля и волокно); на этой высоте обложение осталось до 1850 г. В тарифах этого года она была вновь понижена до 8,3 кред. коп. за пуд, а с 1865 г. совсем отменена.

Количества вывозимого до XIX века льна были для того времени довольно значительны. Более или менее точная ежегодная статистика нашей внешней торговли стала проводиться лишь с начала XIX века, но отдельные данные касаются и XVIII века. По сведениям за 1726 г., из двух главных в то время портов вывоза — Петербурга и Архангельска — отпуск льна составлял 59.424 пуда. В половине

[1] Интересно, что с Ленинграда же началось в наши дни ее возрождение.

XVIII века—в 1749 году—по всем границам было отпущено 502 тысячи пудов. Средний годовой вывоз за 1758—1762 г.г. составлял 671 тыс. пудов; 1763—1777 г.—891 тысячу пудов (по данным Г. Небольсина). К концу века вывоз превысил миллион пудов в год: так, за трехлетие 1793—1795 г.г. он в среднем составил по 1.261.000 пудов ценностью в 5.270 тыс. рублей. Это была вторая по количеству и ценности статья нашего вывоза в те годы (первой была пенька и пакля—3.062 тыс. пудов на 8474 тыс. рублей). К общей сумме продуктов и изделий льняного и пенькового дела надо еще отнести семена и масло—на 1.415 тыс. и 702 тыс. рублей, изделий льняных и пеньковых на 4.285 тыс. рублей; кроме того, отдельно грубых полотен на 999 тыс. и веревок и канатов на 459 тыс. руб. Соединив все эти статьи, мы получим ценность в 21.504 тыс. рублей, при общей ценности вывоза в 43.466 тыс. рублей. Почти 50% всего вывоза. Это было время наивысшего значения в нашей внешней торговле культуры этих двух технических растений.

С XIX века мы обладаем периодической статистикой нашего вывоза, данные которой по льну и пакле приведены в таблице на стр. 11.

Таблица показывает сильный рост вывоза льна—за столетие; по количеству он увеличился в восемь, по ценности—более чем в семь раз. Наблюдающиеся скачки объясняются колебаниями в урожаях, частью другими причинами. В начале столетия, достигнув высшей точки в 1810 г., вывоз в течение пятнадцати лет сильно падал. Причиной этому были Наполеоновские войны, а также уменьшение сбыта льняных изделий за океан из-за политических волнений в Южной Америке. Со второй половины 20-х годов вывоз вновь быстро увеличивается.

Введение в 30-х годах машинного прядения льна, сперва в Англии, увеличило отпуск и пакли, потому что фабричная обработка давала возможность и из пакли получать низшие сорта пряжи. Но этот повышенный спрос совпал в начале 30-х годов с рядом неурожаев льна и с массовым появлением вредителей, особенно в Псковской губернии. Это привело к некоторому падению вывоза в первое пятилетие с повышением цен (с 10 до 12 руб. ассигн. за пуд). Но в следующие пять лет вывоз резко пошел вверх. Новая задержка отпуска в 50-х годах связана с повышенной потребностью в полотне для армии в самой России во время Крымской кампании и расстройством по той же причине внешней торговли (блокада Балтийского моря). Далее вывоз почти без задержки растет до конца века. Особенно резкий подъем, более чем на два милл. пудов в год, наблюдается во втором пятилетии 60-х годов. Гражданская война в Соединенных Штатах и связанный с этим кризис в производстве и доставке хлопка явился причиной этого скачка. Последние два-три десятилетия отличаются значительным замедлением в быстроте роста вывоза. Кризис льняной промышленности на Западе был причиной этой задержки; общее число веретен в льнопрядении с конца 60-х годов до 1900 г. не увеличилось. Одновременно с этим явлением по таблице видно и сопутствующее ему понижение цен. О положении вывоза в XX веке мы будем говорить в следующих главах.

Главным потребителем нашего льна в течение всего XIX века была Великобритания. Спрос других стран, которые покупали наш лен, был гораздо менее устойчив. До 30-х годов крупная фабричная обработка льна существовала только в Англии, и туда направлялся почти весь наш лен. Из прочих государств небольшое количество получали Дания, Испания и Португалия, Франция, Пруссия и Бельгия. В следующие десятилетия значение Франции, Пруссии и Бельгии в нашем вывозе несколько увеличилось, для Дании же и Испании с Португалией оно падает. В первых трех странах развивалась промышленность, сперва на ввезенных контрабандным путем из Англии машинах; волокна от собственного льноводства, которое в то время отнюдь еще не уменьшалось, не хватало, и ввоз русского льна быстро возрастал. В 50-х годах по сравнению с 40-ми относительное значение Франции удвоилось, Бельгии учетверилось (Тернер).

ГОДЫ.	Лен.		Кудель и пакля.	
	Количество в 1.000 пуд.	Ценность в 1.000 руб. асс.	Количество в 1.000 пуд.	Ценность в 1.000 руб. асс.
1802—1804	1.353	7.025 за 1802—6 г.	—	—
1805—1809 (без 1808)	1.836	7.276 за 1807 г.	—	—
1812—1814	1.367	15.697	—	—
1815	—	14.893	—	1.256
1816—1820	1.207	19.272	185 вместе с пеньковой паклей	954
1821—1825	1.741	28.309	223	1.073
1826—1830	2.378	24.245	181	664
1831—1835	1.921	23.055	310	1.842
1836—1840	2.740	29.176 руб. кред.	382	2.006 руб. кред.
1841—1845	3.222	9.064	498	707
1846—1850	3.516	9.300	614	986
1851—1855	2.810	7.241	592	777
1856—1860	4.049	13.838	814	1.466
1861—1865	4.525	17.758	808	1.744
1866—1870	6.687	31.662	898	2.222
1871—1875	8.953	44.592	732	2.265
1876—1880	9.732	55.602	1.438	4.535
1881—1885	11.317	59.652	1.691	5.946
1886—1890	10.070	52.518	1.532	4.808
1891—1895	11.647	54.171	1.406	4.302
1896—1900	12.669	50.651	1.931	5.317

В половиче XIX столетия с 1846 по 1850 г. наш общий вывоз в 21.548.987 пудов распределяется в разные страны, по данным Тенгоборского, в таких пропорциях:

в Англию	65,7%
„ Францию	8,5%
„ Пруссию	3,7%
„ Данию	3,1%
„ Испанию и Португалию	2,4%
„ Бельгию	1,3%
„ др. страны	15,3%

При этом надо отметить, что и 15,3% в „другие страны" шли главным образом в Англию же (значительные отправки в „Зунд" направлялись дальше в эту страну).

Во вторую половину века вывоз в Англию нашего льна, сохраняя первое место абсолютно, относительно уступает в своем значении вывозу в другие страны, что видно для последней четверти столетия из следующей таблицы:

Вывоз льна, льняной пакли и кудели по государствам:

ГОДЫ.	Германия.	Великобритания.	Франция.	Бельгия.	Довоенная Австро-Венгрия.	Голландия.
1871—1875 . . .	2898	4603	1095	420	130	150
1876—1880 . . .	4247	4013	1511	507	417	218
1881—1885 . . .	4931	4514	1787	755	698	115
1886—1890 . . .	4366	4091	1482	1057	218	145
1891—1895 . . .	4140	4062	2475	1613	498	71
1896—1900 . . .	3489	4190	3093	2038	788	73

Хотя с конца 70-х до половины 90-х годов вывоз в Германию как будто и абсолютно превышает вывоз в Великобританию, но по отправке в Германию надо внести поправки. Значительная часть покупаемого ею льна перепродается в другие страны; Великобритания же посреднических функций не выполняла.

До сих пор мы характеризовали развитие льняного дела в довоенной России в XIX веке, главным образом, по данным о внешней торговле, о вывозе волокна за границу. Но эта сторона, которая действительно играла и играет чрезвычайно значительную роль для русского льноводства, и поэтому является очень показательной, гораздо легче поддается подсчету и изучению, чем статистика посевов и урожаев льна.

Посевы и урожаи, как не связанные с вопросами финансового хозяйства и вообще с экономической политикой государства, до конца XIX века почти не учитывались, и сведения о них носят отрывочный и недостоверный характер.

Во второй половине XIX века, по приблизительным расчетам проф. Чаянова на основании данных Вильсона, „Военно-стат. сборника", „Стат. современн. Росс. импе-

рии",—в 19 наиболее льноводных губерниях России посевная площадь под волокнистым льном росла в таких пропорциях:

	1860 г.	1881 г.	1887 г.	1892 г.	1895—1897 г.
Тыс. дес.	642,0	749,0	725,3	789,3	940,1
Тыс. пуд. волокна	10,914	—	—	17.011,6	25.573,0

Развитие запашек шло неоднообразно в разных частях тогдашней России. Разделим наиболее важные волокнисто-льноводные губернии на два главных района — западный район преимущественно „моченцовый", куда войдут тогдашние губернии: Лифляндская, Курляндская, Эстляндская, Псковская, Петербургская, Новгородская, Ковенская, Гродненская, Виленская, Минская, Могилевская, Витебская, Московская, Тверская, Смоленская и Калужская, и северо-восточный исключительно „сланцевый район", с губерниями: Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Вологодской, Архангельской, Олонецкой, Вятской и Пермской.

Рост площади посева льна за пятидесятилетие — здесь приходится захватить и XX век — дает такую таблицу:

	Площадь посева в 1000 десятин.		
	Начало 60-х г.г.	1887 г.	1910 г.
Запад	370	471	583
Северо-Восток	280	307	340
Всего	650	778	923

Как видно из этих цифр, запашка повышалась очень значительно.

Во всех 25 губерниях в среднем за полстолетие рост льняного поля составил около 42%, но в западном районе повышение достигло 58%, в восточном же всего 21%.

Причины этой разницы в росте льноводства очень разнообразны. Мы укажем только на связь этого вопроса с тем же экспортом льна. Из западного района почти весь лен, кроме потребляемого в крестьянском хозяйстве, шел за границу; на востоке значительная часть его скупалась и перерабатывалась нашей фабричной льнопромышленностью. Спрос в довоенное время на русский лен увеличивался быстрее, чем потребление фабрик, что и является причиной относительно более быстрого роста льноводства в Псковской, Тверской, Смоленской и др. губерниях.

Эти последние соображения официального исследования (Совр. сост. льноводства в 25 губ. Г.У.З. и З.) можно подтвердить сопоставлением между относительными цифрами запашек и вывоза за тот же период.

Если 1860 год принять за 100, то в 1881 г. площадь посева увеличилась до 116,6, вывоз же до 250,2. И далее до конца столетия и начала XX несоответствие продолжалось, хотя, правда, не в столь резких расхождениях. В 1895—1897 и 1905—1907 г.г. производство повышается до 146,5 и 146,3, вывоз же растет до 280,1 и 310,2.

Более подробно о XX веке мы будем говорить в следующих главах. Укажем еще на изменение строя льняного дела в тогдашней России в XIX веке. В прежние столетия, и в первой половине прошлого, гораздо большее значение, чем продажа сырого волокна, имела кустарная переработка его в пряжу, холст и другие изделия. Эти изделия употреблялись не только в крестьянском быту, продавались на внутренний рынок, но в очень значительных размерах, как отмечено выше, вывозились за границу. Еще в начале XIX века, кроме кустарной обработки, насчитывалось 285 мелких фабрик с выработкой на 2 миллиона рублей льняных изделий. В течение

XIX века, с ростом заграничного спроса на волокно, далее с развитием русской льняной и хлопчатобумажной промышленности, домашняя выработка холста, особенно же кустарная на продажу, все более и более падает, и льняное дело становится в деревне исключительно волокнодобывающим. Особенно резко происходили эти изменения с 60-х годов, в связи с ростом цен на лен из-за хлопкового кризиса и потребностью крестьян в денежном доходе после освобождения. В то же время происходил быстрый рост выработки хлопчатобумажных изделий и фабричная обработка льна: прядение и ткачество своей дешевизной побивает кустаря.

ГЛАВА II

ВОЗДЕЛЫВАНИЕ ЛЬНА И ЕГО ПЕРВИЧНАЯ ОБРАБОТКА

В настоящее время промысловое значение имеет один вид льна—лен обыкновенный, особенность которого заключается в том, что коробочки его, в которых помещаются семена, закрыты. Другой вид, с растрескивающимися коробочками—лен самосей („прыгун" или „скакун"), очень низкого роста, более не культивируется.

Но и обыкновенный лен имеет разновидности. У нас известны две — долгунец и кудряш. Первый, он же ростун, с длинным прямым стеблем и небольшим числом веток на верху стебля, с малым числом коробочек, возделывается на волокно, хотя дает и семена. Второй—кудряш, более южный „степной" лен, культивируется почти исключительно ради зерен-семян, из которых приготовляется масло; он ниже, стебли толще, больше ветвей и коробочек, с чем связано и бо́льшее количество семян.

Особенности этих двух разновидностей льна имеют своим основанием как наследственность, так и специальность культуры и различие в климате. Долгунец высеивается чаще, родится лучше в более прохладном и сыром климате, кудряш же должен высеваться реже, требует теплого и сухого лета.

Разница между долгунцом и кудряшом видна, например, из опытов 1917 г. в быв. Петровской Академии: при равных условиях первые имели в среднем всего по 5 ветвей, вторые по 16,3. Распределение общего веса на семена, тресту (солома льна) и мякину (головка без семян) дает такое отношение:

	Псковские долгунцы	Кудряш
Семян	18,5%	27,1%
Тресты	67,1%	46,5%
Мякины.	14,4%	23,7%

Эти цифры ясно показывают, как значительно своеобразие в строении наших двух основных разновидностей льна. Но, как отмечалось, лен принадлежит к растениям с очень слабой устойчивостью как разновидностей, так и отдельных экземпляров. Почва, климат, культура очень быстро, иногда в первый же год, меняют свойство данного сорта: причина так называемого „вырождения" льна. Этим определялся очень значительный вывоз посевного семени из довоенной России за границу. На Западе уже давно русские семена считались лучшими, особенно псковские, рижские („Ригой" по месту вывоза нередко назывался весь русский лен). Непосредственно из России, „оригинальное семя", „семя из бочки" (graines de tonne, Tonnenlein — по упаковке в бочках) считалось особенно хорошим; употреблялись еще и первое и второе поколения этих семян („дети", „внуки" Риги; „après-tonne" — после бочки), дальше же на 4 и 5 засев лен „вырождался". Но еще в довоенное время делались указания, что при внимательном уходе и на Западе можно получать доброкачественный семенной материал. В 1905—1913 г.г. опыты, произведенные в Германии (Силезии и Баварии), показали, что лен из оригинального русского семени оказывается не лучше льна 1-го, 2-го до 8-го поколения. Эти опыты нашли свое подтверждение в период военного времени, когда, не испытывая особых затруднений, обхо-

дились без русских семян. Такие же испытания, сделанные проф. Ф. Бредбюри, показали, что и в Ирландии местное семя получается качеством не хуже, чем из довоенной России или Голландии.

По данным опытных исследований всхожесть семян падает при посеве из сбора прежних лет (Прянишников). Утверждали, что выдерживание семян благоприятствует их всхожести (напр., указание об этом Лазеркевича для Фландрии и Германии), но, вероятно, эта ошибка объясняется тем, что на всхожесть имеют влияние очень много разнообразных обстоятельств, которые могут превышать значение возраста семян.

По поводу встречающегося приема сушки семян для лучшего развития растений исследования венской опытной станции показывают, что это надо делать осторожно; температура в 40° С не вредна, но при более высокой температуре, в 50 и более градусов, всхожесть страдает.

Кроме оценки качества семян по внешнему виду—на ощупь, по цвету сердцевины и т. д., применяется, особенно на Западе, объективный прием взвешивания. Его выражают обыкновенно весом 1000 зерен, который должен быть для посевного семени не менее 4,2 грамма; иногда это требование повышают до 4,5 граммов. Однообразие в весе (обычно взвешивают несколько раз по 500 зерен) также является важным признаком для оценки доброкачественности семян.

Климат и почва играют в льноводстве относительно менее важную роль. Климат для льна на волокно предпочтителен несколько влажный в умеренном поясе. Поэтому лучшие сорта льна получаются в прибрежных районах Бельгии, Голландии и северной Франции; наш, особенно в восточном районе, уже несколько грубее. На север посевы льна идут довольно далеко (до 62—63°); у нас в южных частях бывш. Архангельской и Олонецкой губерний, ныне Каркоммуны (напр., пудожский лен), волокно получается весьма доброкачественное. Семена же не дозревают, а для посева приобретаются из более южных губерний.

Еще менее притязателен лен в отношении почвы; выбор почвы под лен очень широк, в общем же для него наиболее благоприятна почва среднего состава. У нас, при сравнении почвенной карты с картой льняных посевов, замечается преобладание его в районах с почвами суглинистыми и супесчаными. Чисто песчаные почвы, а также чисто глинистые и моховые торфяники неблагоприятны (Прянишников).

Песчаные почвы не удерживают достаточно влаги. На глине лен не имеет для корней необходимого для него притока воздуха; при засухе корка на поверхности мешает взойти молодым всходам.

Удобрение земли имеет в льняной культуре серьезное значение. Вопрос о применении под лен нашего обычного естественного удобрения—навоза—решается отрицательно. Удобренный непосредственно навозом, лен дает грубое волокно, ветвится, засоряется травами, подвержен полеганию; кроме того, трудность вполне равномерного распределения навоза ведет к разнообразию в качестве волокна, что усложняет первичную обработку (мочку) и дает лишнее количество пакли. Эти же соображения надо иметь вообще в виду, когда хотят проделать опыты с удобрением и другими приемами обработки в разных частях поля. Полученный в результате неровный урожай создает серьезные затруднения в дальнейших работах с волокном.

Замена навозного удобрения искусственным является в льняной культуре целесообразной еще и с той точки зрения, что в льняном хозяйстве чаще наблюдается не излишек, а недостаток навоза.

Из минеральных удобрений лен всего более нуждается в калийных веществах, менее других ему надо азота; селитра необходима лишь для поправления слабых всходов, при избытке ее волокно грубеет, несмотря на богатую растительность.

У нас нередко удобряют костяной мукой и золой. Первое удобрение целесообразнее вводить за год до посева льна, например, под рожь; в этом случае оно действует хорошо и на рожь, и на последующий лен. При посеве на клеверищах, что очень распространено, целесообразно во время роста клевера посыпать его гипсом.

У нас до сих пор не пользовались так называемым зеленым удобрением для льняного посева. На Западе для этого подсевают по ржи сераделлу или хмелевидную люцерну, под овес—клевер. Вероятно, и у нас это было бы целесообразным (проф. Прянишников).

Как сказано, лен, особенно на волокно, не требует продолжительного периода роста,—ему достаточно 3½, даже 3-х месяцев. У нас обычно сеют в 20-х числах мая (21 число Елены в народе зовется „Аленой льняной“ или „ленницей“).

Сам посев должен быть возможно равномернее. Рекомендуют производить его с этой целью в два раза — крест-накрест или идя вперед и назад по той же полосе. На Западе, в Бельгии и Голландии, употребляют механическую ручную сеялку, которую называют там „скрипкой“ (violine). Она состоит из ящика с семенем, под которым приделано колесо с лопастями. При движении поперечной палки—„смычка“—из стороны в сторону, семена, попадающие на лопасти, рассеиваются по окружности на расстоянии шести, семи метров. В настоящее время за границей нередко для льна употребляют рядовые сеялки. Этим посевом достигается укладка зерен на одинаковую глубину, что для льна имеет большое значение.

Интенсивность льняной культуры сказывается еще до сбора льна. В противоположность зерновым хлебам, при которых после посева и до жатвы никаких работ не производится, лен во многих местностях находят нужным полоть. Необходимость этого определяется, с одной стороны, такими причинами, как погода или качество высеянных семян. При достаточных дождях и тепле лен обычно всходит и растет дружно, заглушая сорные травы; холод и засуха действуют в противоположном направлении. При плохом качестве семян с точки зрения чистоты их, засоренность поля может заставить прибегать к полке. Исследования показали, что более чистыми являются семена нашей северной области, хуже запад и, наконец, юг. Наиболее опасными сорными травами на льняном поле являются—повилика, далее плевел, лебеда, вьюнок.

Но обычно решающим моментом в вопросе о полке является соображение хозяйственной целесообразности: есть ли лишние рабочие руки и окупается ли труд, затрачиваемый на полку. Эти соображения и эти причины ведут к тому, что есть районы, где полка почти-что отсутствует (у нас Московская губ.), в других местах, как у нас, так и за границей, к ней прибегают два, а иногда даже и три раза в лето.

Лен цветет мелкими голубыми цветами, но существует разновидность того же обыкновенного льна с белым цветком—американский лен. Его пробовали культивировать в Бельгии, он в среднем дает более грубое волокно, но зато и менее прихотлив. Цветение продолжается дней 8—10.

Уборка льна иногда производится еще во время цветения. Вообще же срок уборки, в противоположность другим растениям, варьирует в очень больших границах. По степени зрелости можно установить три главных периода, когда убирают лен (Стебут и Коссов, „Лекции о льне“). Первый период от цветения до образования головок, при чем семена еще молодые, белые; нижняя часть стебля только начинает желтеть. В эту пору лен дает самое нежное, но зато и слабое волокно и в малом количестве; семя не только на посев, но и на масло не годится, а идет прямо на корм скоту. Обычным временем сбора этого первого периода, который называют стадией „зеленой зрелости“,—через неделю после цветения. Волокно этого сбора известно в Бельгии под названием „голубой лен“.

Второй период характеризуется дальнейшим пожелтением стебля и листьев—выше половины его длины. Сообразно западно-европейской терминологии, эту стадию можно назвать „ранней желтой зрелостью“. Головки начинают желтеть, семена окрашиваются в бурый цвет; но и в эту пору семя еще не созрело и в лучшем случае идет на масло. Как и в первый период, чем относительно раньше созрел лен тем нежнее, но вместе с тем и слабее волокно; отбелка раньше собранного льна легче.

Наконец, третий и последний период заканчивается вызреванием семян. Головки постепенно совершенно буреют, семена затвердевают и при сотрясении шелестят. Весь стебель желтеет, листья опадают, вид всего поля делается желто-бурым. Сбор льна все-таки почти всегда производится до полного вызревания семян, последнее происходит уже после уборки. Этой стадии „поздней желтой зрелости" за границей обычно не ждут, так как волокно такого льна очень грубо и трудно отбеливается. У нас же и в районе волокнистого льна, не говоря о юге, значительная часть урожая снимается в этот период.

Сбором льна оканчивается чисто сельскохозяйственная часть льноводства и начинается стадия его первичной обработки. Работа этой стадии является, в сущности, промышленной (переработка сырья), но фабричная, механическая техника ее до сих пор не имеет решающих экономических преимуществ перед ручной. Поэтому первичная обработка и до настоящего времени в подавляющей массе своей, особенно у нас, производится в сельском хозяйстве—преимущественно крестьянами.

Для выяснения роли льна в строе нашего крестьянского сельского хозяйства необходимо иметь хотя бы краткие сведения о технике этой первичной обработки.

Уже сбор льна имеет особенности по сравнению с другими полевыми растениями. Для снятия жатвы его не косят и не жнут, а выдергивают из земли с корнем—„теребят". Для семенного льна, в Америке и у нас на юге применяется отрезанье стеблей, но волокно при этом укорачивается и портится.

Выдернутый лен просушивается короткое время в поле или на сушилках. Далее от него отделяют головки с семенами, что делается при помощи молотьбы или же гребнями с железными зубьями—„драчками"; иногда головки отрезают косой. И лен-долгунец дает довольно много семян; так, из северной части довоенной России вывозилось больше семян, чем с юга семян посевных. Поэтому деление на районы „волокнистого" и „семянного" льна надо понимать в том смысле, что из первого, кроме семян, получается и волокно, из второго—только семена.

Льняные стебли, после отделения от них головок, называются трестой или трестами. В таком виде лен продается в случае, если первичная обработка не производится в самом сельском хозяйстве. Например, из Франции и Голландии перевозят тресту даже за границу, в Бельгию — для мочки и дальнейших операций. Но у нас, как сказано, и дальнейшие операции — мочка или стланье, сушка, мятье, трепанье, расческа—происходят в самом крестьянском хозяйстве.

Эти операции отнимают у наших крестьян в общем до 50% общих трудовых затрат на производство волокна. На разнице в технике первой из этих операций—мочке—происходит разделение двух районов нашего волокнистого льноводства—мочевого и стланцевого. Задача этой операции состоит в биологическом или химическом разделении лубового вещества, то-есть самого волокна, от древесины для того, чтобы дальше можно было отделять его и механически. В крестьянском хозяйстве употребляются два названных естественных или биологических способа (брожение)—мочка и стланье. Мочка распространена на западе С. С. С. Р., стланье—на востоке; первый способ дает лен „моченец", второй „стланец". Мочка состоит в погружении льняной тресты на определенное время в стоячую или проточную воду, где она остается от 5 дней до 2 недель и более. В это время процессом брожения части стебля разлагаются и освобождают волокно.

При стланье или „росении" стебли тресты раскладываются тонким слоем на лугах и остаются в таком положении в продолжение нескольких недель. Действием росы, дождя, солнца и воздуха они подвергаются такому же частичному разложению, как и при мочке; лен в это время переворачивают для того, чтобы процесс этот происходил равномерно со всех сторон. Вместо первого способа нередко применяется смешанный, при котором часть процесса производится в воде, часть—на росе, или погружение происходит несколько раз с промежутками.

Кроме этих двух наиболее распространенных приемов, есть несколько систем уже гораздо более сложного характера, где для той же цели применяется горячая вода и пар, с прибавкой щелочей и кислот. Эти способы не могут применяться в крестьянском хозяйстве, а носят фабричный характер.

Каждый из трех указанных приемов дает волокну особые качества, частью благоприятного, частью отрицательного характера. Стланец в общем слабее моченца, но он легче отбеливается; цвет его нежнее, и сам он мягче. Моченец, как правило, белее цветом, грубее, но значительно крепче стланца. Количество волокна при мочке получается больше, чем после стланья. За границей, кроме нескольких местностей Германии, господствует мочка, наиболее широкая организация которой находится на реке Лисе в Бельгии, где этой операцией занято более десяти тысяч рабочих.

Фабричная мочка при помощи горячей воды, пара и некоторых химических материалов до сих пор не выявила каких-либо особых преимуществ. Сложность и относительная дороговизна фабричной мочки препятствует ее распространению.

Следующей операцией является просушка вымоченного льна. Она происходит или на воздухе, или в сараях. Последнее возможно в тех случаях, когда лен не продается до весны (как, например, в Бельгии). У нас же, при отсутствии у крестьян оборотных средств и необходимости зимой реализовать волокно, сушат сразу после мочки или стланья. Поэтому производить это приходится в овинах или банях; этот способ нередко вредит достоинству волокна.

Высушенный лен подвергается мятью. Самый простой способ при помощи деревянной мялки или мялицы — доски, которая имеет с одной стороны ручку, с другой укреплена на шарнире. Нижней неподвижной частью этого прибора служит бревно или доска на двух стойках. В ней выдолблены вдоль два-три зуба, на которые попадают промежутки между зубьями верхней доски с ручкой. У тресты, положенной на нижние зубья и притиснутой верхними, ломается древесина, но иногда при употреблении этого примитивного прибора обрывается само волокно. Существует много машин, как ручных, так и с конной паровой тягой, для мятья тресты, но сущность и цель этого процесса однородна — сломать древесину стеблей, после того как органическая связь между ними разрушена.

Приготовленный мятьем лен треплют для механического отделения волокна от так называемой кострики-древесины и других отбросов. Работа эта производится также или ручным способом — треплами — механическими инструментами в роде ножей (иногда косой без рукоятки) или ручными или механическими машинами. Процесс работы состоит в том, что ударяют или проводят по стеблям острием, которое отделяет от волокна все другие вещества стебля.

Наконец, уже трепаный лен прочесывается. Для этой цели служат металлические щетки, на которые накладывают волокна льна и пропускают между зубьями. Иголки щеток могут быть грубыми или нежными, в зависимости от толщины волокна. Чаще для продажного льна употребляют деревянный гребень и даже щетинистую щетку. При фабричной обработке и расчесывание производится гребнями, помещенными на бесконечных ремнях с двух сторон от обрабатываемого волокна.

После трех последних операций—мятья, трепанья и чесанья—остаются отбросы: отделяется кострика, далее очесы—пакля и кудель. Кострику прежде бросали, но теперь она употребляется как топливо; например, на известном заводе по первичной очистке льна в Кухельне (Чехо-Словакия) почти не употребляют угля из-за громадных количеств кострики (Лазаркевич). У нас проф. В. Г. Шапошниковым установлена возможность получать из кострики материал, подобный целлюлозе, названный им „кострозой". Очес, получаемый при трепании и чесании, называется паклей— с бо́льшим количеством костричной примеси, куделью — с меньшим, но все же не состоящий из достаточно длинных волокон.

Обратимся теперь к организации льноводства в нашем крестьянском хозяйстве нечерноземного района средней и северной части С. С. С. Р.

ГЛАВА III

ЛЕН В СТРОЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Рядом с производством пищевых и кормовых продуктов, сельское хозяйство занято и другими культурами, среди которых добыча сырья для промышленности является одной из наиболее важных. В противоположность зерновым хлебам, которые в разной комбинации служат главной основой сельского хозяйства почти во всех губерниях С.С.С.Р., льноводство распространено лишь в некоторых губерниях, в других же серьезного значения не имеет. Во многих, вероятно в большинстве, районах нечерноземной области лен возделывается для собственного потребления, но в таком случае его производство очень незначительно. В ряде же губерний с его культурой связан как бы особый тип хозяйства. Конечно, выбор того или иного типа хозяйства не является случайным. Вопрос о том, какие причины вели и ведут к развитию посевов льна, к увеличению его роли в общей работе на земле, долгое время подробно не рассматривался и не изучался, и лишь в последнее десятилетие до войны им стали заниматься как агрономы, так и экономисты; а в настоящее время в этой области уже есть серьезные работы, на основных положениях которых мы вкратце и остановимся.

Большое значение имеет в льноводстве его трудоемкость, возможность, благодаря этой культуре, при том же количестве земли вкладывать в нее больше трудовых затрат, которые в цене льна возвращаются в денежной форме. Уже картофель является среди яровых культур довольно трудоинтенсивной, но лен превосходит его в этом отношении. Так, по взятым из действительности интересным расчетам известного исследователя крестьянского хозяйства проф. А. В. Чаянова, три главных яровых растения — овес, картофель и лен — дают такое соотношение затрат рабочих дней на одну десятину пашни, считая овес за 100:

	Картофель.	Лен.
Волокаламский уезд Московской губернии	209	369
Вологодский уезд	177	274
Гжатский уезд Смоленской губернии	137	264

Доход, получаемый в виде ценности продукта, то-есть валовой доход, по тем же трем уездам дает, при сравнении ржи со льном, такие цифры в рублях с десятины:

	Рожь.	Лен.
Волоколамский уезд	37,05	90,66
Вологодский „	46,09	84,62
Гжатский „	32,06	61,02

Эти примеры были приведены Чаяновым еще до войны, но сущность крестьянского хозяйства, да и относительные цены на сельскохозяйственные продукты не изменились значительно.

Конечно, высший валовой доход соответствует большим расходам, при чем в цене льна трудовые затраты на него нередко возмещаются отнюдь не щедро. Но в этом случае необходимо принять во внимание трудность калькуляции трудового хозяйства в противоположность учету капиталистическому.

Отвлекаясь несколько от главного предмета изложения, остановимся, для лучшего уяснения особенностей льняного хозяйства, на общей теории хозяйства трудового. Теория крестьянского трудового хозяйства наиболее последовательно развита, рядом с Челенковым и Н. Макаровым, тем же Чаяновым. Такое хозяйство оценивает затрату труда разной меркой, в зависимости от разных условий, а не определенной ставкой зарплаты капиталистических предприятий. В зависимости от обеспеченности средствами существования хозяин-крестьянин оценивает свой труд или труд своих домочадцев иногда очень низко, иногда чрезвычайно высоко. Значение годового дохода крестьянской семьи особенно ярко выявляется при сопоставлении разных бюджетов в связи с числом „работников“ и „едоков“, т.-е. работающих членов семьи, и всех вместе живущих на общий доход.

В вологодских крестьянских бюджетах приходилось издержек на одного работника и одного едока в зависимости от числа последних:

На 1 „работника“ приходится „едоков“ . . .	1,0—1,15;	1,16—1,30;	1,31—1,45;	1,46—1,60;	1,61—....
Приходится на 1 едока рублей в год	55,4	54,7	56,0	53,2	55,2
На 1 работника дохода в рублях в год	57,3	65,2	76,4	80,9	95,7

Потребление едока варьирует очень незначительно; работник регулирует норму дохода, главным образом количество работы, по этой средней высоте расхода. Здесь как бы проявляется закон финансового хозяйства, теперь, впрочем, особенно трудно выполнимый, чтобы по расходам устанавливать доходы.

Эта особенность крестьянских трудовых хозяйств делает для них в определенных условиях культуру льна особенно „выгодной“. В нечерноземном районе в очень многих уездах земля не впитывает в себя при одном зерновом хозяйстве всей трудовой энергии населения, ее нехватает, получается избыточный труд. Прежде это вело к „голодным“ арендам помещичьей земли и к отхожим промыслам.

Ту же роль выполняла интенсификация сельского хозяйства, которая удачно достигается развитием льноводства. Обратное соотношение отхожих промыслов и льноводства ясно видно из таблицы, приводимой Чаяновым по данным Кислякова по Новоторжскому уезду:

Волости с посевом льна в яровом поле	% семей с отхожим промыслом в тех же волостях
0—20%	32,5%
20—40%	17,7%
40 и выше %	12,6%

Сокращение отхода крестьян на промыслы с ростом посевов льна проявляется с достаточной убедительностью.

Кроме общей особенности своей—трудоемкости, льняная культура делается для многих крестьян дополнительно выгодной, благодаря еще двум частностям: качеству необходимого для обработки льна труда—и времени, когда этот труд, главным образом, должен прилагаться.

Обработка льна в значительной степени может производиться женским трудом. По данным земской статистики Смоленской губ. (Гжатский уезд) около $^2/_3$ всех

работ по льну падает на женщину (рожь ½, овес ¼, картофель 2/5). Во многих районах все льняное дело считается в деревне как бы находящимся на попечении женщин. Это условие, конечно, является во многих случаях благоприятным для общего строя крестьянской работы.

Известно, что сельское хозяйство вообще, на нашем севере особенно, страдает неравномерностью в годовом „бюджете времени". В этом отношении работа надо льном исправляет в значительной мере эту неравномерность,—главная часть этой работы падает на глубокую осень, а отчасти и на зиму, когда сельскохозяйственные работы уже закончены.

Учет рабочего времени крестьянина по Волоколамскому уезду, Моск. губ., показывает такое распределение работ на разные полевые культуры (приведено в лекциях А. А. Рыбникова „Промышленное льноводство, условия и формы его развития"):

На одну десятину в мужских рабочих днях.

ВРЕМЯ	Рожь.		Овес.		Картофель.		Лен.	
	Абсолютно	%	Абсолютно	%	Абсолютно	%	Абсолютно	%
Апрель—май . . .	—	—	7,2	33	28,2	48	7,9	9
Июнь—июль . . .	26,7	60	—	—	4,8	8	—	—
Авг.—сент. . . .	18,1	40	14,4	67	25,4	44	35,2	41
Окт.—ноябрь . . .	—	—	—	—	—	—	23,0	26
Дек.—январь . . .	—	—	—	—	—	—	21,0	24
	44,8	100	21,6	100	58,4	100	87,1	100

Это сопоставление еще раз ярко выделяет трудоинтенсивность обработки льна, который требует на десятину пашни в 4 раза больше времени, чем овес, и в два раза больше, чем рожь. Относительные же цифры таблицы показывают, что с сентября по январь, в наиболее свободное время от других сельскохозяйственных работ крестьянина, лен берет у него такое количество часов, которое покрывает полные 50% общего расхода на его обработку. Понятно, что оценка часа работы в ноябре или декабре и в августе или сентябре, когда сконцентрирована главная часть всех сельскохозяйственных работ, будет различна. Это удешевляет производство льна и дает возможность возделывать его и при сравнительно низких на него ценах.

К положительным сторонам льноводства в сфере крестьянского хозяйства относится то обстоятельство, что эта культура вносит „денежность" в сельскохозяйственное производство, делает само земледелие товарным. Еще в древней Руси, как упомянуто, лен сеялся на продажу в районах нехватки хлеба. В Псковской губернии уже давно лен представлял собою „первые деньги"[1]. В XIX веке эта роль льна, как промышленной, товарной культуры, еще более усилилась. Указанные особенности

[1] „Военно-статистический сборник". Цитировано у В. И. Ленина (Ильина): „Развитие капитализма в России".

льноводства—его трудоемкость, замена им отхожих промыслов, связь с мировым рынком—все это вносит в само земледелие черты товарного производства, денежного хозяйства. Другие приемы противодействия малоземелью, избытку населения, излишку труда в крестьянской семье—отхожие промыслы, работа в лесозаготовках, даже кустарничество—такие явления даже при сравнительно значительном развитии мало меняют сущность крестьянского хозяйства, как хозяйства натурального.

Денежный доход от этих занятий служит добавлением к натуральному доходу от сельского хозяйства, само земледелие и его система ими не затрагивается. Не то при льняной культуре: денежность и коммерческие соображения проникают в самую сущность земледелия, оно делается меновым, товарным.

А товарно-денежное земледелие ведет за собой неизбежное следствие—стремление к высшей производительности, большей „хозяйственной свободе", более целесообразную организацию всего дела и т. п.

Но рядом с этими благоприятными условиями, льноводство имеет для крестьянского хозяйства и отрицательные стороны.

Лен является растением, очень опустошающим почву[1]. Поэтому в севообороте запашка льна не должна часто повторяться. На Западе придерживаются правила не сеять лен на одном и том же участке чаще, чем через 7—8 лет. В Бельгии существует поговорка, по которой лен, исключительно густо засеваемый для нежных волокон, не должен быть видим хозяином на своем участке более одного раза в течение своей жизни.

В патриархальном трехполье довоенной России льноводство являлось нередко причиной сокращения скота из-за уменьшения покосов и за отсутствием от льна соломы. Следовавшее за этим уменьшение навозного удобрения вело еще к большему истощению земли. „В итоге резкое падение урожайности, разгром скотоводства, голодовка и, несмотря на все большие доходы от льна, медленное разложение хозяйства". (Чаянов, „Лекции").

На эту сторону льняных запашек указывал еще в 70-х годах прошлого столетия И. И. Васильев, имея в виду Псковскую губернию („Лен в Пск. губ.", Псков, 1872 г.). О том же говорил в начале 80-х годов известный писатель по сельскому хозяйству и земледелию А. Васильчиков. „Мне известны земледельцы и селения, которые решительно разорились на этой культуре". Лен и его культура привели „некоторые губернии, в особенности несчастную Псковскую, к окончательному бесплодию". („Семейный быт и сельское хозяйство в России", 1881 г.).

Эта губерния, по его мнению, ведет „самую безобразную систему хозяйства", положение крестьян является „безвыходным" („Землевладение и земледелие", т. II, 1876 г.). Между прочим в материалах, приводимых Васильчиковым, перепечатано освещение этого вопроса в докладе Псковской земской управы. В этом докладе указаны цифры губернских железнодорожных перевозок хлеба и льна, которые показывают, что в 60-х годах произошел в Псковской губернии особенно сильный сдвиг в сторону „товарного" земледелия—переход к покупкам хлеба за счет продаваемого льна.

Вот три года из приводимой там таблицы:

ГОДЫ	Вывезено из губ. льна.	Ввезено в губ. хлеба в зерне и муке.
1860	233.555 пуд.	20.677 пуд.
1864	535.724 „	508.923 „
1869	1.069.525 „	1.780.647 „

[1] Указания проф. Д. Н. Прянишникова, что следует говорить „об истощении хозяйства", а не почвы, на наш взгляд, не является с экономической точки зрения меняющим сущность вопроса.

Сами по себе эти цифры, конечно, ничего не говорят о кризисе сельского хозяйства; он явился в силу связанного с переходом к льноводству истощения земли, сокращения количества скота и т. д.

Как предотвратить эти отрицательные стороны льноводства, сохраняя все же эту чрезвычайно ценную культуру?

Тип крестьянского хозяйства определяет собою и место и значение льна в этом хозяйстве.

Одна из первых систем нашего сельского хозяйства, переложная или подчетная, играла, а местами и теперь еще играет важную роль в посевах льна.

При большом изобилии и необработанности земли, отдельные участки под лесом или кустарниками вырубаются, сучья и хворост сжигаются, и по гареву, на „лядинах" происходит посев. Запаханная зола дает „нови" большую плодородность, и урожай на этих участках, особенно в первый и второй год, бывает очень велик. Через известное число лет участки эти опять забрасываются, чтобы пойти в обработку после новых зарослей кустарником и лесом. На такой земле лен удается очень хорошо, и если она не входит в общую пашню, то эта как бы добавочная культура льна, естественно, не вредит севообороту хлебов, скотоводству и т. д.

Теперь эта система применяется лишь на севере—в Архангельской, Череповецкой губерниях, раньше же она господствовала во многих, гораздо более южных, районах. А. Гагстгаузен, „открывший" русскую общину в своих „исследованиях", относящихся к 40-м годах прошлого века, указывает, что лен сеется „только" на таких участках и не вводится в севооборот. Но в наше время эта система с ростом населения почти потеряла значение.

В обычном нашем трехполье главным недостатком, как известно, является нехваток корма для скота. В противоположность „нормальному" трехполью, где по руководству Гольца на 1 десятину пашни приходится $1^1/_4$—$1^1/_2$ дес. луга, у нас в большинстве губерний у крестьян кормовая площадь составляет менее $^1/_2$ остальной. При таком положении яровая солома и гуменные остатки дают 80% общего корма (Чаянов).

„Там, где развитие льна выбивает и эту последнюю опору организации кормления скота", все хозяйство должно рушиться, „увлекая за собою и полеводство, лишенное удобрения, и самого виновника несчастья—культуру льна".

Выход из этого положения—травосеяние. Таким образом лен является как бы проводником этой более прогрессивной системы в нашем сельском хозяйстве. В этом же направлении воздействует особенность льна давать большие урожаи после снятия клевера (на „клеверищах").

Связь льна с посевом клевера была определенно установлена Кисляковым для Псковской губернии, где в отдельных уездах процент льна колебался от 4—14,5; параллельно с тем клевер по тем же уездам дает возрастающий процент с 0,2—3,5.

В чистом своем виде вопрос о причинах истощения почвы льняными посевами до сих пор является неясным.

По сообщению Лазаркевича, и на Западе необходимость больших промежутков между посевом льна, так называемое „льняное утомление" земли не изжито в достаточной мере. Повидимому, это явление не зависит от обычного истощения почвы, т.-е. растраты тех или других основных частей, хотя оно определяется в значительной части составом почвы, и в разных районах период этого утомления бывает очень различен. Лазаркевич приводит пример имения-завода первичной обработки льна Кухельна, где в течение 8 лет, с 1911 г. по 1919 г., производились опыты, показавшие, что даже ежегодный засев льна не понижал его качества. Поэтому был введен севооборот трех культур: сахарной свеклы, льна и пшеницы, и он дает очень хороший результат без истощения почвы. Но все же, как норма, считается, что лен не должен возвращаться ранее как через 7—10 лет.

У нас наиболее известны севообороты Волоколамского у., Моск. губ., шестипольный—пар, рожь, клевер, клевер, лен и овес и другая восьмипольная система того же уезда („Шиповская")—пар, рожь, клевер, клевер, ярь (лен), пар, рожь, ярь. Последний севооборот может быть легко, по мнению проф. Д. Прянишникова, обращен в девятиполье с пропашным клином, если после второй ржи вставить картофель.

Существует как за границей, так и у нас целый ряд севооборотов, в которых входит лен, 6, 8 и даже 10-летних. Мы не можем подробнее останавливаться на других системах, еще раз подчеркнем только, что льняная культура требует для своего здорового проведения определенных мер против истощения земли и общего вырождения хозяйства.

Чаянов хочет видеть еще одну отрицательную сторону льноводства. Она лежит в меньшей устойчивости валового дохода от этой культуры по сравнению с зерновыми хлебами и, например, картофелем. Из приводимых им колебаний цен на рожь, пшеницу, картофель и лен за 1901—1910 г.г. выходит, что по ряду губерний валовой доход от льна гораздо менее устойчив, чем от картофеля или ржи. Он объясняет это связью льняных цен с мировым рынком. Валовой доход определяется урожаем и ценами; в продуктах местного потребления, например картофеля, больший урожай понижает цены, меньший—повышает: это ведет к выравниванию валового дохода. Цены на продукты мирового рынка, как лен, не находятся в зависимости от местного урожая и могут быть выше при большом урожае, и наоборот, а это ведет к неустойчивости валового дохода.

Годы, перед мировой войной, цены которых приводятся Чаяновым, отличались, особено на Западе, ростом дороговизны. Дороговизна эта проявилась и у нас, но не в столь резкой форме. Лен, как продукт в наибольшей своей части вывозной, претерпел большие изменения в цене, чем другие сельскохозяйственные продукты, цены на которые были связаны с более устойчивым внутренним уровнем цен. Кроме того, лен является, вероятно, почти единственным продуктом мирового рынка, подавляющая (более 80%) масса которого производится в С.С.С.Р. Поэтому и мировая цена его, казалось бы, должна быть связана с русским же урожаем. Между тем, нельзя отрицать, что, повидимому, Чаянов прав не только для приводимых им лет, но и вообще подчеркивая меньшую устойчивость дохода от льна. Объяснение этого явления можно найти, как нам кажется, во-первых, в том, что цена на лен находится в чрезвычайной зависимости от цен на хлопок, как на соперничающий с ним и имеющий еще большее значение текстильный материал. Во-вторых, спрос на промышленное сырье вообще более подвержен колебаниям и зависит от большего числа разнообразных причин, чем спрос на продукты питания, непосредственного потребления,— поэтому и цена на картофель устойчивее, чем цена на лен.

Рассмотренные моменты, понижающие значение льноводства в нашем сельском хозяйстве, не могут превысить положительных сторон этой культуры. Лен был и будет прогрессивным элементом крестьянского трудового хозяйства, хотя бы он и вел эту эволюцию через временные затруднения и опасности. Заполняя излишки труда, особенно женского, и выравнивая его в течение года, заставляя вводить травосеяние и более рациональный севооборот, создавая денежный доход, ведущий к большей производительности, льноводство улучшает материальные условия жизни крестьянства и приобщает наше сельское хозяйство к мировой экономике.

ГЛАВА IV

ЛЬНОПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ДОВОЕННОЙ РОССИИ

Мы уже говорили во введении, что относительное значение льна в текстильном деле за последнее столетие понизилось. Это явление сказывается и в развитии промышленной обработки льна в довоенной России. Относительное значение производства и потребления льняных тканей и других изделий упало. Вывоз на Запад льняных изделий, который играл, как это ни странно, довольно значительную роль в XVIII веке, со времени развития на Западе механической обработки льна сошел на-нет.

Если исключить из льнопромышленности домашнюю и кустарную выработку льняных тканей, то начало фабричной, скорее мануфактурной, выделки полотна, холста и т. д. относится к царствованию Петра I.

Вначале полотняные фабрики, повидимому, находились в казенном управлении,— год основания первой из них неизвестен. Но в 1711 году указом от 28 февраля полотняные, скатертные и салфеточные дела, заводы и в Новонемецкой слободе купленные дворы... „также и призванных к тому делу из-за моря мастеров иноземных, по договорам их, и русских людей, обучившихся тому делу, отдать купецким людям... Андрею Турке и Степану Цымбальщикову и другим, и тот завод им распространять с прибылью своим коштом...“ (П. С. З. № 2324). Через семь лет им были предоставлены добавочные льготы „на размножение полотняного завода“. „Когда содержатели на письме подадут ведения о том, что у них довольно полотна на расход будет“, то ввоз льняных тканей из-за границы не разрешался.

Как просто разрешался вопрос о протекционизме—запрещением ввоза, независимо от цены внутреннего производства, так же не церемонились и в рабочем вопросе—рабочих, видно, не хватало. „Для умножения полотняной фабрики тонких полотен, отсылать к ним (Андрею Турке с товарищами) для пряжи льна баб и девок, которые будут в Москве из приказов, также из других губерний по делам за вины свои наказаны, а пропитание им давать они станут от себя“. Что таких подневольных женщин-работниц льнопрядильщики получали немало, видно из того, что специально для них Турка с товарищами получили „Аврамов двор Лопухина с каменными палатами“ и „другой из загородных опальных же дворов, где они сами приищут“. Кроме этой компании, в те же годы было организовано еще несколько льняных фабрик, между прочим и в Ярославле, где пленные шведы научили ткать широкие полотна. О широте полотен—такие оплачивались на Западе выше—Петр издавал строгие указы, но безрезультатно.

Преемники Петра продолжали политику покровительства, фабриканты получали льготы и привилегии, производство пытались регламентировать. Как при Петре, так и после него попытки вести фабрики казенным управлением успеха не имели. „Уже Петр Великий находил более согласованным с интересами промышленности сдавать казенные фабрики разным „компанейщикам“. То же практиковалось и после него. Так, в 1727 году именным указом Верховного Тайного Совета велено было продать коломенковую фабрику в Петербурге и екатерингофскую фабрику полотняных изделий,

потому что обе эти фабрики обходились казне в убыток. (Весин. в „Ист.-ст. обзоре пром.“, 1833 г.).

Но в технике производства улучшений в XVIII веке не наблюдалось. Даже для беления полóтна отправлялись в Голландию, откуда дозволялось возвращать его беспошлинно.

Количественно же производство увеличивалось:

	Число фабрик	Сумма производства
в 1761 г.	54	641.506
„ 1765 г.	60	902.870
„ 1776 г.	70	—

Значительная часть льняных изделий фабричного производства вывозилась за границу—до половины всего вырабатываемого количества. Во второй половине XVIII до половины XIX века в разные годы вывоз главных льняных тканей—полотен парусных, фламских и равендуков—составлял в среднем в год:

в 1758—1762 г.	77.374	куска
„ 1763—1777 г.	129.516	„
„ 1793—1795 г.	251.371	„
„ 1800—1813 г.	211.807	„
„ 1814—1823 г.	203.053	„
„ 1824—1833 г.	196.078	„
„ 1834—1843 г.	194.894	„
„ 1844—1846 г.	121.461	„

Мы видим, что наибольший вывоз, до 250 тыс. кусков, был достигнут в конце XVIII века, далее он падает, и увеличивается отпуск льна волокна.

Параллельно этому идет сокращение льняных фабрик и всего льняного производства. О последнем у нас, к сожалению, нет сведений, число же фабрик, доходившее в 1804 г. до 285, сокращалось в такой пропорции:

в 1820 г. было . . .	214	фабрик
„ 1825 г. „ . . .	196	„
„ 1830 г. „ . . .	190	„
„ 1835 г. „ . . .	171	„
„ 1840 г. „ . . .	188	„
„ 1845 г. „ . . .	156	„
„ 1861 г. „ . . .	100	„

Причин „свертывания“ тогдашней русской льняной промышленности было несколько.

Во-первых, отсталость нашей техники производства и развитие за границей машинного прядения и ткачества. Далее, успешная борьба с льняной промышленностью — промышленности хлопчатобумажной. Кроме того, во многих государствах в это время были введены ввозные пошлины, которые также противодействовали нашему вывозу. Наконец, некоторая искусственость в их прежнем росте из-за казенных ссуд и других мер поощрения.

Рассмотрим главные вопросы борьбы хлопка и льна, которая началась уже тогда. Как уже сказано, исход этой борьбы привел в конечном счете к относительному поражению льняного дела.

Льняные ткани, хотя и прочнее хлопчатых, но дороже и не поддаются с той же легкостью окраске и печатанью: в среднем, хлопчатая ткань дешевле и красивее.

Результат этот получается не из-за дороговизны сырья, — необработанный пуд хлопка стоит дороже чем пуд льна. Разницу создают расходы по обработке. Развитие

и дешевизна прядения и тканья хлопка, успехи машиностроения и всей техники бумажной промышленности, вот что дает хлопковым тканям громадные экономические преимущества перед льняными.

Французский экономист проф. Автальон, специально обследовавший этот вопрос, подробно проанализировал расходы по обработке льна и хлопка и указывает на следующие основные пункты.

Лен дает больше отбросов—угара, оческов, особенно русский лен, 30% которого отпадают; у хлопка же всего около 15%. Лен плотнее хлопка, его удельный вес больше, поэтому из того же количества льна выходит значительно меньше пряжи (по длине); так, 10.000 метров № 30 льняной пряжи весят 547 грамм, соответствующей ей бумажной пряжи № 14—всего 357 грамм. Это ведет к тому, что для выделки того же, по размерам, количества льняной ткани необходимо затратить значительно больше сырья, чем при работе из хлопка.

Уже эти обстоятельства нейтрализуют относительную дешевизну льняного волокна, прядение же и тканье еще более изменяют относительную стоимость изделий не в пользу льна.

Само свойство льняного волокна, его малая гибкость и эластичность, особенно же неоднородность, делает весь процесс обработки гораздо более трудным и дорогим. Основные изобретения в области прядения были сделаны в XVIII веке, но они были применены только к хлопку, лен же не поддавался этой технике.

Только в XIX веке французу Жирару, отчасти для получения премии, назначенной Наполеоном I за изобретение льняного механического прядения, удалось создать ряд соответствующих машин; но улучшение и практическое применение их было сделано лишь в 30-х годах в Англии. Филипп Жирар имеет отношение и к нашей промышленности. В Польше им организована была льнопрядильня вблизи Варшавы, в посаде, получившем название Жирардово; но через несколько лет польское восстание расстроило эту работу, и льнопрядильни начали возникать у нас лишь с 50-х годов.

Но все же механическое льнопрядение, а также ткачество очень далеки от совершенства соответствующих операций хлопчатобумажной промышленности. Конечно, без названных изобретений льняное дело было бы вообще обречено на гибель, но и в настоящих условиях преимущества обработки хлопка очень значительны.

Оборудование льнопрядилен относительно дороже, число рабочих на ту же выработку больше, и хотя оплата их ниже, но расход на трудовые затраты для выработки льняной ткани выше. Во Франции, например, на 10.000 веретен приходилось в льнопрядении 482 рабочих, в бумагопрядении—62 человека. И в ткачестве наблюдается разница в том же направлении, хотя и менее разительная, чем в прядении. Механический станок увеличивает вдвое производительность ручного станка при хлопке, и лишь на 50% при льне. Все это ведет к тому, что, например, метр ткани среднего достоинства обходится во Франции из хлопка в 51 сант., смешанной ткани в 87 сант., а льняного полотна в 1 фр. 04 сант.

Это последнее сопоставление можно изобразить графически (см. диаграмму в конце выпуска). Причина победы хлопка ясна. При небольшой разнице в цене сырья (хотя уже здесь в стоимости утилизируемого сырья расход не в пользу льна), обработка ложится на лен в отношении прядения в четыре, ткачества в два раза дороже, чем на хлопок—в абсолютных цифрах. Относительно, в хлопчатой ткани сырье составляет несколько больше половины всех расходов, в льняной—около трети.

Последнее условие ведет к тому, что при относительно высших, по сравнению за труд, ценах на сырье, т.-е. на хлопок и лен, шансы льна подымаются. Этим объясняется несколько более быстрый рост льнопромышленности перед войной из-за хлопкового голода на Западе, и меньшее падение выработки льняных изделий у нас в последние годы.

О борьбе хлопка и льна еще не раз придется говорить, теперь же вернемся к нашей льняной промышленности.

Как уже сказано, кроме хлопчатобумажного производства внутри довоенной России (сперва оно работало ткани из привозной английской пряжи), нашему льняному производству, особенно вывозу им изделий за границу, повредило развитие механического льнопрядения в Англии.

Здесь с 30-х годов водворяется механическое льнопрядение и удешевляется обработка, что рядом с успешной конкуренцией хлопковых тканей приводит к сильному падению цен на вывозимые нами льняные изделия. Сокращение количества отправляемых за границу тканей уже приведено, если мы сравним два пятилетия— 1824—1828 г. и 1839—1843 г.г.—в отношении количества, с одной, и ценности, с другой стороны, то получим такие ряды:

	Количество		Ценность	
	1824—1828 г.г.	1839—1843 г.г.	1824—1828 г.г.	1839—1843 г.г.
Парусное полотно	100	89	100	63
Равендук	100	90	100	69
„Фламское" полотно	100	75	100	59

Падение ценности вывозимых тканей далеко превосходит слабое, само по себе, сокращение по количеству. Для тогдашней России становится выгоднее продавать вместо изделий лен-волокно.

Но все же и без механической обработки льняное производство играло в 50-х годах еще очень большую роль. Имея в виду общую выработку льняных изделий, Тенгоборский обзор льняной промышленности 50-х годов начинает указанием на то, что, несмотря на удары со стороны хлопка, „льняная промышленность еще сохраняет в России первое место по своему развитию и по своему значению". По его расчету, в то время в прядение шло около 5 милл. пудов льна. Он подробно рассматривает, какое количество льняных тканей нужно считать изготовляемым фабричной и кустарной промышленностью — на 65 милл. тогдашнего населения России; считая по 10 арш. на человека, он оценивает выработку приблизительно в 650 милл. арш. (в прошлом 1923—1924 году в теперешнем положении С.С.С.Р., с населением вдвое больше, хлоп.-бум. тканей было произведено около 800 милл. квадр. метров, льняных 95 милл.) Но то была оценка громадного значения льняного дела для внутреннего потребления.

Сокращение же вывоза и уменьшение числа фабрик создало в правительстве беспокойство, и в 1844 г. была Мин. Гос. Имущ. и Мин. Фин. организована специальная комиссия для обследования льняного дела. Комиссия посетила главные льноводные и льнопромышленные губернии, собрала разнообразные сведения и отзывы 264 лиц и опубликовала результаты своих работ под заглавием — „Исследования о состоянии льняной промышленности в России" (С. П. Б., 1847 г.).

Трое из членов комиссии были в 1846 г. командированы за границу для изучения тех же вопросов и, посетив главные центры льняного дела, изложили свои наблюдения и предложения об улучшении нашего льноводства и введении механического прядения в докладе: „О состоянии льняной промышленности в Праге, Бельгии, Франции и Великобритании".

По обсуждении всех данных были приняты разнообразные меры для улучшения льняного дела. Специально по поводу фабричной обработки льна, особенно механического прядения, для фабрикантов, которые организуют такие предприятия, был установлен ряд льгот и преимуществ: освобождение от налогов, бесплатное предоставление земли и леса. До этого времени серьезные попытки широкой постановки прядения льна были проведены на казенной Александровской мануфактуре. Она была учреждена еще в 1798 г. М. Оссовским, но с пособием от казны. Льнопрядение началось в ней с 1811 г. В 40-х годах она была реорганизована; кроме своей работы она

вела посредничество по выписке из-за границы текстильных машин, частью выделывала их сама.

В 50-х годах в результате всех этих мер, особенно льгот фабрикантам, возникли механические прядильни в Москве, Петербурге и других губерниях.

Далее крымская война усилила требование на полотно для армии, что оживило промышленность. Подобную же роль сыграла в начале 60-х годов американская междоусобная война, когда из-за нехватки хлопка появился усиленный спрос на льняные изделия. Но все же льняная промышленность развивалась и у нас значительно медленнее, чем хлопчатобумажная. Так, в 1866 г. насчитывалось всего около 20 механических льнопрядилен, тогда как бумагопрядилен в том же году было уже 46.

Турецкая война создала вновь спрос на полотно и некоторое оживление производства.

Но все же необходимо сказать, что хотя у нас по сравнению с другими странами до конца XIX века замечается значительный рост льняной промышленности (например, % русских веретен поднялся в общемировой сумме с 1868—1900 г.г. с 5,4% до 10,5%), развитие это в абсолютных цифрах (за то же время с 110 до 185 тыс. веретен) отставало от роста хлопчатобумажного производства.

Кроме других причин, в это время сыграли роль, во-первых, замена некоторых потребностей армии в полотне хлопчатобумажными тканями, во-вторых, новый конкурент льна для более грубых тканей—джут. Это также лубовое волокно, возделываемое главным образом в Индии, проникло в Западную Европу в 30-х годах и с половины столетия стало составлять конкуренцию льну и пеньке в изготовлении мешков, канатов и т. д. У нас ввоз этого волокна, особенно же мешков из него, стал значительным с конца 70-х годов, и хотя в 1881 г. на джут была введена пошлина (40 коп., на мешки увеличена до 2 р.), все же этот суррогат льна и пеньки и в дальнейшем составлял им значительную конкуренцию. Это особенно важно именно для нашей льняной промышленности, потому что она, в то время тем более, изготовляла преимущественно грубые №№ пряжи и тканей; более тонкие же обходились гораздо дороже и были хуже.

Остановимся немного подробнее на нашей льняной промышленности в начале XX века до мировой войны.

Для оценки положения нашей льнопромышленности в это время интересно поставить ее в ряд с промышленностью других стран. Но при этом надо отметить, что в льняной, как и в других отраслях текстильного производства, Запад и тогдашняя Россия не являлись конкурентами. В последние десятилетия наше фабричное производство, кроме самых высших №№ пряжи и тонких льняных тканей, почти полностью удовлетворяло внутренний спрос. С другой стороны, и вывоз льняных изделий, имевший когда-то столь серьезное значение, совершенно его потерял, разве в самых скромных количествах в страны Востока (Персия, Китай).

О потреблении Западом нашего волокна будем говорить дальше, здесь же—об изменении размеров производства в последние до войны десятилетия.

Сильным подъемом льняной промышленности было время междоусобной войны в Северной Америке. Как и в других отраслях текстильного дела, признаком развития льняной промышленности может служить рост льнопрядения по числу веретен. В Ирландии, Бельгии, Голландии, Франции и Германии в 60-х годах отмечается громадный рост числа прядилен и веретен; например, во Франции общее число веретен с 1861—1866 г.г. увеличилось с 500 до 750.000 штук.

Но это продолжалось недолго, и с 70-х годов льняная промышленность быстро падает с высоты, на которую она поднялась из-за случайной причины. В течение 70-х и 80-х годов льняная промышленность Франции теряет 265 тыс. веретен, Соединенное Королевство 440 тыс., Австро-Венгрия 65 тыс., Германия 40 тыс. веретен.

С конца 80-х годов промышленность, вернувшись к прежнему положению, вновь начала, хотя и медленно, развиваться.

Падение и рост в последние десятилетия XIX века видны из следующей таблицы (По данным А. А. Нольде, „Льняная промышленность". Лекции, 1915 г.)

Развитие льнопрядения

СТРАНЫ	Количество веретен. 1868 г.	1878 г.	1888 г.	1900 г.
Англия	1.588.125	1.315.000	1.140.000	1.320.000
Франция	657.000	500.000	410.000	471.800
Довоенная Австро-Венгрия	360.000	390.000	325.000	292.200
Германия	210.000	310.000	270.000	295.800
Бельгия	250.000	285.000	310.000	287.200
Довоенная Россия	110.000	160.000	185.000	295.200
	3.193.124	2.960.000	2.640.000	2.777.600

В течение первых лет текущего столетия до войны в большинстве стран [1] наблюдается дальнейший рост льняной промышленности; но все же к 1913 году общее число веретен немногим превысило три миллиона штук, которое распределяется между странами в такой пропорции:

	Число веретен.	В % %
Соед. Королевство	1.161.900	37%
Франция	577.300	18%
Россия	367.200	12%
Бельгия	315.400	18%
Германия	300.000	10%
Австро-Венгрия	297.000	10%
Др. страны	118.400	3%
В том числе Соед. Штаты	67.400	—
Всего	3.137.200	100%

Во главе льнопрядения стояла Англия: более трети всех веретен. Значительно меньше, но все же более полумиллиона штук, имела Франция; третье место занимала довоенная Россия. Почти равное количество работало в Бельгии, Германии, Австро-Венгрии; все же остальные страны, включая и Америку, даже в сумме их оборудования, значения не имеют. Центром льнопромышленности Западной Европы является на континенте Бельгия с прилегающим районом сев. Франции, Голландии и Вестфалии в Германии, вторым районом — стык Германии и бывш. Австрии: Саксония, Силезия, Богемия и Австрия. В Соединенном Королевстве льнопромышленность сконцентри-

[1] Для Англии цифра за 1900 г. кажется сомнительной; для сравнения приведем цифры английского „Общества повышения добычи льна":

	Льняные веретена. 1874 г.	1901 г.
Соед. Королевство	1.491.000	1.128.000
Франция	600.000	448.000
Австрия	414.000	277.000
Германия	326.000	295.000
Бельгия	320.000	287.000
Россия	150.000	300.000
Италия	59.000	65.000
	3.360.000	2.800.000

рована в Ирландии и Шотландии. По данным А. А. Нольде, первый район имеет более 1 милл. веретен, второй — 450 тысяч, Британские — около 950 и 200 тыс. веретен. Относительный рост промышленности был наиболее значительным как раз у нас. Поднявшись в последнюю четверть XIX века вдвое (с 150 до 300.000 веретен), число веретен увеличилось и в XX веке, хотя и не в столь резкой степени.

О росте льняного производства можно судить также по количеству потребленного сырья и по вывозу готовых изделий промышленных стран. В новейшем исследовании мировой текстильной промышленности А. Кертесс дает такие сопоставления процентного роста этих явлений с 1890 — 1913 г.г.:

	Потребление сырых матер. и полуфабрикатов льняного дела. Рост в % %	Вывоз готовых изделий. Рост в % %
Англия	43%	45%
Франция	81%	132%
Германия	88%	30%
Довоенная Австро-Венгрия	207%	186%

Выяснив относительную роль довоенной русской льнопромышленности, остановимся на ней подробнее.

Эта отрасль промышленности, как и все текстильное производство, имела главными районами своего развития три части довоенной России: Центральный промышленный район, Прибалтику и Польшу. Но льнопромышленность еще более, чем другие отрасли, сконцентрировалась еще до войны в первом районе.

Только в трех основных губерниях по фабричной обработке льна—Ярославской, Костромской и Владимирской—сосредоточено было главное количество оборудования и производства (по данным Всеросс. о-ва льнопромышленников):

	Центр. район.	Другие районы.
Количество веретен:		
а) прядильных	261.050	96.814
б) крутильных	25.725	11.048
Число ткацких станков	10.628	5.329
Переработка льна пудов	3.432.001	1.287.518
Потребление пряжи пудов	2.217.752	821.484
Число рабочих	48.198	16.530

Прядение льна производится на сравнительно крупных предприятиях, поэтому число отдельных прядилен было невелико: в 1880 г. их было 28, через 20 лет, в 1900 г.—33 и в 1914 г.—46; из них 30 были соединены с ткацкими фабриками (А. А. Нольде). Прежде число веретен на предприятие было очень велико, но перед войной были устроены небольшие прядильни во Владимирской губернии.

Относительный рост и значение отдельных губерний в нашем льнопрядении видно из таких данных (взято у того же автора):

ГУБЕРНИИ:	1880 г.	1900 г.	1912—1913 г.
	Веретен в % % к общему числу.		
Костромская	36,4	36,8	30,0
Владимирская	14,7	23,0	26,2
Ярославская	18,0	13,1	13,3
Остальные губернии	39,9	27,1	30,5
	100	100	100

Из остальных губерний по числу веретен на первом месте стояли—Курляндская, Рязанская, Витебская, Лифляндская[1].

Соответственно веретенам и ткацкие станки были распределены по тем же губерниям. Общее число их равнялось в 1880 г. — 6.446, в 1900 г. — 11.001 и в 1912—1913 г.г.—15. 957 станков, т.-е. почти утроилось. Ручные станки играли в льняном деле и на фабриках значительную роль еще в конце прошлого столетия, но перед войной число их сильно упало: в те же годы их насчитывалось в указанных общих суммах 2.217, 1.374 и 642 штук (конечно, не считая кустарную и домашнюю промышленность.)

Указанное число станков было распространено в процентах по тем же губерниям.

	Ткацких станков на фабриках в %% к общему числу.		
	1880 г.	1900 г.	1912—1913 г.г.
Костромская	17,0	25,1	28,5
Владимирская	26,6	24,1	26,9
Ярославская	14,3	11,1	11,9
Остальные губернии . .	42,1	39,7	32,7
	100%	100%	100%

Сопоставление этой таблицы с соответствующей о веретенах показывает, что за эти годы произошло сильное выравнение ткацкого и прядильного дела по губерниям,—в 1880 г. Костромская губерния имела 36,4% веретен и лишь 17,0% станков, перед войной эти проценты выровнялись до 30,0% и 28,5%, Владимирская, наоборот, повысила за это время свои прядильные возможности с 14,7% до 26,2%, что почти совпадает с % ткачества—26,9%.

Относительно видов и сортов товара, производимых на наших льнопрядильных и ткацких фабриках, надо указать, что у нас вырабатываются преимущественно грубые сорта пряжи и тканей.

Уже названный нами французский специалист по льнопромышленности проф. Автальон в исследовании о положении льняного дела (по-русски—„Борьба хлопка и льна“) установил, что лен сохраняет свои позиции и может конкурировать, с одной стороны, в выработке самых тонких, ценных изделий — полотна, батиста; с другой—наиболее грубых товаров—холста, парусины,—во-первых, благодаря своему блеску, элегантности; во-вторых, в виду большой прочности, твердости и крепости.

На наших фабриках, расположенных, главным образом, в районе стланцевого льна, идет в работу, преимущественно, этот лен; лен же моченец в гораздо меньших количествах (он скупается на вывоз).

У нас в большей мере перерабатывается кудель и пакля, и пряжа очесочная превышает пряжу льняную,—так, в 1913 году соответствующие количества были:

	В пудах		В пудах
Лен	3.495.858	Пряжа льняная	777,6
Кудель и пакля	1.223.661	Пряжа очесочная	2.261,4
Всего	4.719.519	Всего	3.039,0

Средний номер пряжи был 14, чему соответствуют и главные сорта изготовляемых тканей, среди которых на парусину, брезент, равендук, мешечный и упаковочный товар приходилось около 70—75%, на полотно, столовое белье и пр.—только 25—30%.

[1] Ныне значительная часть территории, занимавшейся этими губерниями, входит в состав самостоятельных государств—Латвии и Эстонии.

Количество рабочих, занятых в нашей льняной промышленности, было сравнительно невелико. Например, в 1912 г., при общем числе текстильных рабочих в 819.246 человек, из которых по хлопку работало 509.510 чел., в обработке льна, пеньки и джута вместе было занято всего 85.464 чел. („Фабрично-заводская промышленность Европ. России 1910—12 г.г.").

По данным „Сводки фабричных инспекторов", за 1913 год 104.544 человек, из которых взрослых мужчин 48.727, женщин 39,989; остальные подростки и малолетние.

Главную массу этих рабочих составляли рабочие льняных фабрик. Так, в льнопрядении, по отчетам Всеросс. общества льнопромышленников, числилось 33.610 чел. рабочих: 11.689 мужчин, 16.574 женщин и подростков с малолетними 5.347 чел. В ткацком деле по тем же данным было занято почти столько же—30.118 чел.: 12.477 мужчин, 14.779 женщин и 3.862 подростков и малолетних.

ГЛАВА V

ТОРГОВЛЯ ЛЬНОМ В РОССИИ И ВЫВОЗ ДО ВОЙНЫ.

Очерк истории льняной торговли и вывоза за границу волокна уже дан нами в соответствующей главе. Теперь выясним организацию торговли, процесс скупки льна, состав лиц и учреждений этой торговли, положение в отношении сортов льна и цен на него. Так как подавляющая часть производимого нами льна шла за границу, то необходимо ознакомиться с мировым рынком и условиями снабжения сырьем тамошней льняной промышленности. Мы будем иметь в виду довоенный период XX века, об изменениях во время войны и положении дел в военные годы и в наши дни—в следующих главах.

Представим себе реальную картину прохождения льна-волокна от производителя-крестьянина до потребителя—английской льнопрядильни.

Первичная продажа льна крестьянином совершается в двух разных формах: он может продаваться „на дому" у крестьянина или отвозиться им на рынок—обычно в уездный город или крупное селенье.

Обыкновенно выбор той или другой формы продажи как со стороны продавца, так и покупателя решается всей суммой, главным образом, внешних условий. Для крестьянина преимущества базарного сбыта льна лежат в ознакомлении с ценами и настроением хотя бы первичного рынка. Имея дома против себя в определенный момент лишь одного покупателя, ему трудно решиться на продажу. Эти отрицательные стороны продажи „на дому" нередко усугубляются политикой торговцев, стремящихся сделаться монополистами в той или другой местности. Вот описание подобной практики торговцев в известном льняном Гжатском уезде, Смоленской губернии: „иногда торговец, чтобы занять исключительно выгодное для себя положение, так сказать „вне конкуренции", снимает в каком-либо уезде в арендное пользование в деревне торговое помещение, без права сдачи такого же помещения другому лицу, и таким образом, не допуская конкурента, производит скупку льна".

Понятно, что подобные условия нередко приводят к такому понижению цен, что продажа на рынке была бы выгоднее, хотя для нее крестьянин и должен терять время и нести добавочные расходы (доставка и т. д.). Но крестьянин часто предпочитает продажу дома еще из-за того, что при этой системе он получает, при желании, кроме уплаты за проданный товар, задатки за не вполне обработанное волокно, или даже дальнейший производственный кредит.

Внешние условия, влияющие на фактическое проведение той или иной системы, определяются в значительной степени состоянием рынка. При подъеме спроса и повышении цен торговец ищет продавца и едет к нему в деревню; наоборот, при вялом настроении и понижении цен — крестьянину-производителю приходится искать покупателя и везти товар на рынок. В отношении разных местностей можно было заметить, что в районах льна лучшего качества, лучшей обработки, который имел больший сбыт на внутреннем и внешнем рынках, торговцы доходили до крестьянского льноводного хозяйства. В противоположность этому в уездах или воло-

стях, лен из которых не считался особенно хорошим, крестьянам самим приходится искать покупателей.

В очень многих местностях и во многих уездах практикуется как бы средняя форма продажи. Крестьяне везут лен на рынок, но не довозят его, так как торговцы по дороге его скупают. Это является зачастую правилом, и лишь в исключительных случаях, как, напр., в период понижения цен, льняные возы достигают рыночных площадей. В местах скрещивающихся дорог к рынкам, где провозится лен, нередко поджидают несколько мелких торговцев или приказчиков городских фирм, хотя и конкуренты, они обычно входят друг с другом в соглашение сбить цену. Тогда торгуется как бы представитель скупщиков, а остальные не участвуют в переговорах, и по условленной цене товар получает один из участников соглашения по жребию и далее по очереди. (Сообщ. из Смол. губ. в „Совр. сост. льнов. в 25 губ. Европ. России".)

Для оценки дальнейшего прохождения льна в торговой организации надо иметь в виду, что в прежнее время особенно цепь посредников в этой торговле была очень длинна. А. А. Мурашкинцев, исследовавший постановку льняной торговли в конце прошлого века, насчитывал для экспортного льна участие в ней шести звеньев, из которых 4 — чисто посреднических. У производителя-крестьянина покупал мелкий скупщик (прасол), который сдавал волокно городскому торговцу; последний продавал иностранному или русскому экспортеру, далее следовал заграничный агент, и, наконец, лен попадал на льнопрядильную фабрику.

Главной отрицательной стороной организации льноторговли, которая в значительной степени сохранилась и до настоящего времени, была зависимость производителя от торговца и далее от фабриканта, особенно иностранного. Обычно дело происходило так, что задолго до октября, когда получались первые партии готового льна, в льноводные местности направлялись агенты экспортных фирм и знакомились с положением дела—остатком прошлого года, урожаем, предполагаемыми качествами льна и т. д. Иногда партии льна закупались ими в полуобработанном виде и даже на корню.

Образцы только-что отделанного льна посылались на фабрики, и по ним поступали требования на пробные вагоны. Большие партии заказываются лишь в ноябре, декабре, и лишь в это время устанавливаются цены.

Это положение вело к следующим основным взаимным зависимостям и приемам в установлении цен на волокно.

Как сказано, довоенная Россия была почти полным монополистом в льняной мировой торговле, остальное волокно (15—20%) почти не обращалось на международном рынке и перерабатывалось в странах производства. И, несмотря на это, не мы, продавцы, а западно-европейские фабриканты, покупатели, диктовали цены на наш лен. Происходило это из-за организованности иностранных покупателей и распыленности наших льноводов-крестьян, которые лишь в последнее десятилетие стали организовываться в кооперативные союзы. Заграничные же фабриканты уже давно были объединены, с 1911 года создано специальное „Интернациональное общество экспортеров русского льна", которое было учреждено в Генте в Бельгии. Вторым преимуществом иностранцев-покупателей, которое в противоположность первому сохранилось в полной мере до настоящего времени, это—наличность у них достаточного свободного капитала, что дает им возможность выждать при высоких ценах, итти на кредитование экспортных операций и вообще быть менее зависимыми. Наш же крестьянин-льновод, особенно до появления кооперации в льняном деле, был совершенно не организован, стеснен в средствах и нередко должен был для уплаты налогов и повинностей спешно продавать лен, независимо от цен на него.

Внешне зависимость наша от иностранцев до революции выражалась в том, что после описанной выше разведки об урожае и пр. и получения пробных вагонов, иностранцы дают русским и своим экспортерам заказы с указанием цен. Эти исхо-

дившие из-за границы цены являлись руководящими и даже определяющими для иностранных контор и крупных русских фирм. Но понятно, что чем дальше вниз по лестнице посредников—городской торговец, сельский скупщик-прасол,—тем ниже опускалась цена, и этот нажим сверху давил на цену, получаемую непосредственным производителем. Несколько лучше обстояли дела, когда скупкой льна занимались сами русские льнопрядильни через своих агентов, находящихся в льноводных же губерниях—Костромской, Ярославской; но и довоенные русские фабрики часто покупали большими партиями через торговцев или вступали между собою в стачку для понижения цен. Все же и проф. Чаянов, например, считает, что цепь посредников была в восточных и отчасти средних губерниях короче, и поэтому и цены, платимые крестьянам — выше.

В 1912 году Отдел торговли М-ва Торговли и Промышленности произвел анкету о торговле льном, которая еще раз подтвердила, что вывоз нашего льна проводился нами пассивно и главную роль, даже на нашей стороне, играли иностранцы. Данные этой анкеты о национальном составе и подданстве торговцев льном и торговых компаний показали, что даже во внутренней торговле на 1.136 человек торговцев приходилось с русскими именами—821, с иностранными—231, еврейскими—122. Понятно, что как раз на Западе в районе, преимущественно вывозящем за границу, нерусских торговцев было особенно много. Среди крупных торговых компаний иностранных было—47, русских—15; если же брать фирмы, непосредственно торговавшие с заграницей, то среди них процент русских был еще ниже, — среди единоличных торговцев: русских—28, евреев—34 и других—15; среди компаний: русских—всего 4, иностранных — 18 (по обработке данных Чаяновым).

Все это показывает, что внутренняя льноторговля отчасти, и почти всецело вывоз нашего льна за границу, находились в руках иностранцев.

Другие стороны торговли льном перед войной и революцией и отношение внешнего вывоза к внутреннему обороту, вывоз по странам, направление его по разным границам и тому подобные вопросы также представляют серьезный интерес для характеристики льняного дела в тогдашней России.

Следующие данные указывают на мировое производство и распределение льняного волокна по странам, в XX веке. При общем сборе около 30—35 милл. пудов, довоенная Россия давала около 26 милл. (более 80%), прежняя цельная Австро-Венгрия—2 милл., Германия—1 милл. другие страны—менее одного милл. пудов: Бельгия, Соед. Кор. и Голландия—0,8; 0,7; 0,6 милл. пуд. Так как развитие льнообрабатывающей фабричной промышленности находилось в обратном соотношении, то переработка по странам льна волокна составляла следующий процент собственного урожая: довоенная Россия—19%, Голландия—133%, довоенная Австро-Венгрия—160%, Германия—320%, Бельгия—487% и Соед. Королевство—1.288%.

„Все эти сопоставления доказывают, что льняная промышленность Англии и культура льна в России находятся в тесной зависимости одна от другой. Первая не могла бы держаться на ее современной высоте и далее развивать свою фабрикацию, если бы она не была уверена в возможности снабжения у нас сырым материалом в достаточном количестве и по очень дешевым ценам,— так же, как и для нас представляло бы большие трудности распределение избытка производства этого продукта, если бы сбыт этот не был для нас обеспечен на рынках Великобритании".

Это место, выписанное из первого солидного исследования об естественных богатствах России, четырехтомного сочинения Л. В. Тенгоборского „Etudes sur les forces productives de la Russie", вышедшего около трех четвертей века тому назад (второй том в 1852 г.), могло бы войти и в современную характеристику льняного дела в С.С.С.Р. и связи его с внешним рынком.

Конечно, в положении обеих этих стран произошли изменения: так, например, центр тяжести английской торговли льняными изделиями переместился в отношении рынка сбыта из Европы в Северную Америку; с другой стороны, в С.С.С.Р. льняное

дело если и не вернулось к положению XVIII и последующих веков, когда наши холсты в значительном количестве вывозились за границу, то во всяком случае наша льняная промышленность потребляет уже очень значительный процент производства льна. Но эти добавочные штрихи не изменили существа зависимости в льняном деле между этими странами.

Сравнение сбора льна и вывоза по годам дает большие колебания. Относительно сбора это объясняется, главным образом, урожаем. Вывоз же не должен бы давать столь значительных скачков, хотя при худшем урожае, связанном обычно с более низкими ценами, и вывоз возрастает, и в годы с меньшим сбором—наоборот. Наибольшая цифра была достигнута в 1912 г., когда нам удалось вывезти за границу более 21 милл. пудов.

Кроме урожая, на разницу в вывозе по календарным годам влияет еще одно обстоятельство, из-за которого такой учет не дает правильной картины. Сезоны вывоза продолжаются с ноября по март. Бывают года, когда главная масса экспорта приходится на конец года, в другие года скупка и отправка задерживаются, и вывоз сбора данного года приходится лишь после января, т.-е. в следующем году. Рассчитав вывоз по сезонам, Д. И. Зубков („Торговля льном". Лекции) дает такую картину довоенного экспорта:

СЕЗОНЫ.	В тысячах пудов.	СЕЗОНЫ.	В тысячах пудов.
1901/2	12.230	1907/8	15.408
1902/3	15.489	1908/9	15.655
1903/4	13.011	1909/10	14.159
1904/5	15.700	1910/11	15.355
1905/6	14.233	1911/12	18.915
1906/7	19.275	1912/13	18.700

Эта таблица показывает, что сезонный вывоз льна уже не обнаруживает таких резких скачков, как годовые цифры.

Из общей суммы нашего вывоза в 1913 г. в 16.632 тыс. пудов приходились на долю главных промышленных стран такие количества:

	В тысячах пудов.
В Бельгию	4.882
„ Англию	4.185
„ Германию	3.900
„ Францию	2.284
„ довоенн. Австро-Венгрию	1.126

При этом надо отметить, что относительное значение разных стран в качестве потребителей нашего волокна в первые 10—12 лет XX века довольно значительно изменилось. Но точно выявить и проанализировать эти изменения довольно трудно. С одной стороны, наша статистика внешней торговли не совпадает с заграничной, особенно велика разница как раз для стран, имеющих в нашем вывозе льна наибольшее значение—Англии и Бельгии. Данные Англии показывают в общем количество ввоза значительно меньшее, чем наши данные вывоза; например в 1906 г. мы отметили в Англию—4.258 тыс. пудов, в Англии же всего—2.931 тыс. пуд. В Бельгии вариации были в ту и другую сторону,—так, в 1909 г. мы вывезли 3.300 тыс. пудов. Бельгия отметила 5.195, в 1912 г. наоборот: наша цифра 5.364, бельгийская—4.413. Разницу может давать наш лен, поступающий, например, через Бельгию во Францию или наоборот, поступающий в Бельгию через Англию.

Кроме того, сами изменения за это время не представляли собой ясной и определенной тенденции. Если остановиться на четырех главных странах потребления, то оказывается, что из них Англия, Германия и Бельгия более или менее сохраняли свой процент ввоза около 30—50%. Первенство в среднем принадлежало Англии,

как и в XIX веке, отправка к ней в XX веке не спускалась ниже 21,5%, а в 1908 г., например, поднялась до 41,5%.

Участие Франции заметно снижалось: составляя около 20% в первые годы XX века, оно упало до 10% в среднем в последнее до войны пятилетие. К этим соотношениям мы еще вернемся в главе о современном положении.

Главная часть заграничного вывоза шла морем, через сухопутную границу лишь в Германию и довоенную Австрию (около $^1/_3$ экспорта). Из портов, откуда отправлялся лен, главные лежат вне теперешнего С.С.С.Р. Наибольшее значение имела Рига, через нее вывозилось от 3 до 8 милл. пудов; вторым портом, но с гораздо меньшим значением, была Виндава—до 2,5 милл. пудов, за ними Ревель, Пернов. Роль Петербурга в довоенное время постепенно падала, как и Архангельска (из первого было вывезено за границу в 1906 г. 557 тыс. пуд., в 1911—209; из второго—116 и 24). Внутри льноводных районов также были пункты скопления больших партий льна; лен подвозился к ним гужевым, отчасти и железнодорожным путем, и отправлялся за границу и на русские фабрики. Среди наиболее значительных центров отправки льна (по жел.-дор. статистике, обработанной Чаяновым) мы находим города и станции (начиная с наиболее важной): Ржев, Сычевка, Остров, Бежецк, Гжатск (количества отправки от 450 до 900 тыс. пудов), далее, Котельнич, Кашин, Вязьма, Витебск, Псков (от 250 до 400 тыс. пуд.). За последнее довоенное время порядок этих торговых пунктов, в связи с железнодорожным строительством, изменением значения разных уездов в льноводстве и др. причинами, стал другим; возросло значение Ржева, Сычевки, несколько сократился Остров, Витебск, Вязьма, Псков.

Ряд центральных и восточных губерний значительную часть своих отправок направляли на фабрики внутри страны: так, из Московской губ. 59% отправляемого льна шло в наши промышленные центры, Вологодской — 54,5%, Владимирской—48%, Костромской—43%, Калужской—39%.

Мы указали, что цены на лен определяются в значительной мере иностранными импортерами, но крестьянин-льновод, как изложено, получает эту цену с очень значительной скидкой в пользу ряда посредников.

Понятно, что импортер, как и фабрикант льняных изделий—согласны платить цену сообразно общим рыночным условиям. В цене на лен, как, впрочем, и в цене многих других товаров, большое значение имеет оценка смежных и конкурирующих видов текстильного сырья, в данном случае хлопка, отчасти джута. В разбираемых соотношениях, когда один вид сырья—хлопок—делается господствующим, или по крайней мере преобладающим, цена на него получает и для другого—льна—решающее значение.

Со времени широкого развития хлопчатобумажной промышленности цены на лен стали сильно падать. У нас цена значительно разнилась от западно-европейской благодаря всем тем условиям, о которых мы говорим выше. Но вот, например, как изменялись цены на лен на германском рынке во второй половине XIX века (по данным проф. Чаянова) и параллельно на хлопок в Америке:

	Цена на лен. (За центнер в марках.)			Цена хлопка в Нью-Йорке (в центах за фунт)[1].
	Высш. сорт.	Средн. сорт.	Низш. сорт.	
1856—1860	58	48	37	11,4
1861—1865	63	55	44	70,0
1866—1870	63	53	44	28,5
1871—1875	63	51	41	18,1
1876—1880	50	39	28	11,5
1881—1885	39	33	26	11,0
1886—1890	36	27	23	11,3
1891—1895	37	25	24	8,2

[1] Высчитано нами по таблице Бэркет и По, „Хлопок".

Это падение цен, прерванное на несколько лет подъемом, и в данном случае, в связи с ростом цен на хлопок во время гражданской войны в Соед. Штатах, представляет собою главную причину победы русского льноводства над западно-европейским.

Льняная культура, особенно из-за своей трудоемкости, требовала столь высоких цен на лен, которые не могли держаться в конкуренции с хлопком. Лишь наше русское льноводство могло выдержать это понижение цен и спасти льняную промышленность Запада от еще большего падения. Да и у нас в те годы не возлагали надежды на развитие льноводства; это и понятно, рыночные цены в тогдашней России упали еще сильнее—в среднем с 4 р. в 70-х годах до 2 р. в 90-х.

Последние годы XIX, а также первые пятнадцать лет XX века цена на лен, как и на хлопок, в связи с общим повышением товарных цен, несколько поднялась. Но в общих изменениях хлопковых цен и цен на иностранный (бельгийско-голландский) и русский лен с 80-х годов до мировой войны можно подметить некоторое своеобразие соотношений.

В конце прошлого века зависимость между ценами хлопка и европейского и нашего льна была такова, что хлопок и европейский лен находились в прямом взаимоотношении; русский же довоенный лен в отдельные годы имел цену обратной зависимости, т.-е. за него платили выше при повышении цен на хлопок и ниже при их падении.

Это расхождение зависимостей довольно правдоподобно объясняется А. А. Рыбниковым („Пром. льноводство". Лекции, 1915 г.). Он думает, что „при высоких ценах на хлопок, западно-европейские льноводы могли обеспечить местную промышленность сырьем (собственным В. Л.), и, следовательно, не такая большая нужда была в русском дешевом сырье. Но в годы обостренной конкуренции с хлопком, требования на русское волокно усиливались, и цены на него, несмотря на падение цен на хлопок, повышались". То-есть в это время (80-е, 90-е годы), в годы повышательной конъюнктуры, западно-европейское льноводство само использовало ее, в годы же низких цен на хлопок, когда требовалось хотя бы и низшего качества, но большее количество льна, довоенный русский лен несколько повышается в цене, и стоил относительно выше хлопка, хотя, конечно, не достигал цен льна бельгийского или ирландского.

В XX же веке западно-европейские льноводы в общем так повысили качество своего волокна, что оно перестало сообразоваться с ценами на хлопок, и линия изменения цен получила независимый от хлопка характер. Наш лен с этого времени должен был нести всю тяжесть борьбы с хлопком и расценивался в прямой зависимости от цен на него.

Эти данные еще раз подтверждают отсталость нашего льноводства, несмотря на его прогрессивный характер в строе сельского хозяйства нечерноземной полосы.

Общая оценка довоенной торговой системы выявляет ее малоудовлетворительную организацию с точки зрения интересов льновода-крестьянина. Засилье торгового аппарата вообще, в частности же господство иностранных фирм и их руководящее значение в установке цен и других условий продажи (нормальные контракты отсутствовали), отнюдь не давали довоенному русскому производителю льна того решающего влияния на мировой рынок этого волокна, на которое он имеет право рассчитывать по количеству добываемого льна.

Об изменении как этих, так и других условий во время мировой войны и после нее речь будет в следующей главе.

ГЛАВА VI

ПОЛОЖЕНИЕ ЛЬНЯНОГО ДЕЛА В ЦАРСКОЙ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И В С.С.С.Р. В ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Последние десять лет внесли в льняное дело значительные изменения. В общем изменения эти, начиная с первого года войны, как у нас, так и на Западе, выразились в расстройстве и разрушении одних, нездоровом росте других частей международной организации производства и обработки льняного волокна. Самое последнее время, за границей вскоре после перемирия, у нас со времени новой экономической политики—льноводство, торговля льном и льнопромышленность начинают как бы возвращаться в старое русло довоенного положения. Но эти изменения и это восстановление носили во многих отношениях довольно своеобразный характер, особенно у нас, так что настоящее, а поэтому и виды на будущее не вполне исчерпываются определением — возвращение к положению довоенного времени. Поэтому специальное изучение условий и состояния льняного дела во время войны и Революции имеет большое значение: настоящая глава должна дать краткое описание положения вопроса в С.С.С.Р. до периода новой экономической политики, при чем особое внимание будет уделено роли кооперации льноводов и других общественных организаций в льняном деле.

Уже с первых месяцев войны, то-есть со второй половины 1914 года, связь между тогдашним русским льноводством и западной промышленностью была серьезно нарушена. Хотя вывоз льна почти полностью прекратился лишь на короткое время как раз в середине этого тяжелого десятилетия (1919 год), все же в течение всего этого периода наше льняное дело, как и западная промышленность были в гораздо большей мере предоставлены сами себе, чем прежде, а это привело, как мы увидим, к некоторому подъему добычи льна на Западе и к сильному сокращению льняной культуры у нас.

Этот разрыв связей делает более целесообразным рассмотрение отдельно положения у нас и на Западе.

Наше льноводство последние перед войной годы, как мы уже видели, довольно сильно развивалось. В 1911, 12 и 13 г.г. общая посевная площадь под льном достигла, в среднем, полутора миллиона десятин. Если принимать во внимание только 27 наиболее льноводных губерний тогдашней Европейской России, то, считая 1901 год за 100, мы получаем за последнее военное шестилетие (1908—1913 г.г.) в отношении посевной площади такие цифры: 99,2; 96,8; 95,5; 101,2; 102,5; 108,4. Сбор волокна, который показывает также урожайность и подесятинное получение волокна, за те же годы дает относительно еще лучший по сравнению с 1901 г. результат, но все же падение за первое трехлетие и рост за второе проявляется и здесь. Сбор волокна с 1908 по 1913 г., считая 1901 г. за 100, составлял: 216,6; 136,8; 118,8; 134,0; 198,2; 220,4.

Из двух последних довоенных лет 1912 год был рекордным в отношении отпуска за границу,—в этом году вывоз составлял более 19 милл. пудов. Следующий

1913 г. отличался наивысшим сбором,—по данным Центр. Стат. Комитета, который давал сведения о нетрепаном волокне, треста составила около 51½ милл. пудов; по тому же источнику в 27-ми наиболее льноводных губерниях сбор волокна дошел до количества 36 милл. пудов слишком (до этого наивысший урожай в 1908 г. составлял 35 милл. пудов). Вывоз же в 1913 г. упал и не превысил 16 милл. пудов чистого волокна. (Добычу чистого волокна за 1913 год считали в сумме 26 милл. п.[1])

В отношении спроса на волокно и цен, 1912 год был для льноводов очень удачным. Несколько менее благоприятным в этом отношении был 1913 г., особенно вторая его половина. Главной причиной этого был пониженный спрос со стороны фабрикантов, особенно заграничных. Громадный вывоз предшествовавшего 1912 года пошел в значительной мере в запас, который обычно имеется на фабричных складах; кроме того, и у крупных торговцев льном сохранились порядочные остатки. Все же обильный урожай этого года дал хотя и не блестящий итог, но его нельзя было не считать в общем удачным для русских льноводов, как писалось в годовом обзоре „Льняного дела“ (в Сборнике „Народное Хозяйство“ Мин. Фин.).

Цены на волокно к 1914 г. все же были очень низки, и настроение рынка в начале этого критического года было сдержанным. По расчетам торговцев тогдашние русские фабрики имели запас на 80% годовой потребности, заграничная промышленность, по их предположениям, была обеспечена более, чем на год. Но с марта, в апреле и далее рынок немного оживился, особенно моченцевый, в связи с возобновившимся экспортным спросом. К лету 1914 г. урожай сезона 1913—1914 г. считался более или менее реализованным. Торговцы предполагали, что у крестьян сохранилось не более чем 10% урожая; льняной комитет, собрав данные из ряда льноводных губерний, определил остатки всего в 2,3%, то-есть совершенно ничтожную величину.

Так начался новый сезон 1914—1915 г. Относительно посевов летом выяснилось, что засев сократился менее чем можно было думать по настроению рынка зимой; весеннее оживление несколько подняло дух крестьян, и общая площадь подо льном составила около 1,250 тыс. десятин (против 1.500 тыс. в 1913—1914 г.). Интересно, что сокращение наблюдалось главным образом в тогдашнем Западном крае, который позже пострадал от военных событий, менее в центре; на востоке же местами засев даже увеличился. Но погода в том году была чрезвычайно неблагоприятна; почти повсеместно засуха и жара попортили всходы, и урожай предполагался много ниже среднего. По данным „Торгово-Промышленной Газеты“, сокращение составляло от 20 до 60% предыдущего года. Более поздние оценки урожая признали его еще меньшим: так, Льняной Комитет определил сбор в 17—18 милл. пудов, Совет съездов представителей льняного дела в количестве, приблизительно, 12 милл. пудов и, наконец, по мнению проф. Чаянова, он не превысил 9 милл. пудов (все чистое волокно).

Но еще до того, как урожай окончательно определился, разразилась война.

Большинство деятелей льняного дела считали, что война с сокращением, а, может быть, и полным прекращением экспорта явится для льноводства страшной катастрофой. По их мнению падение обычного спроса за границу, который нормально поглощал около ⅔ сбора, должно понизить цены на лен до чрезвычайности, принести громадные убытки и совершенно убить интерес к этому делу со стороны крестьян.

Но эти страхи были для первых лет войны напрасными. Как и во многих других вопросах, влияние войны оказалось иным, чем предполагали. В вопросе о ценах на лен, зависящих, конечно, от спроса и предложения, нельзя было предугадать ряда обстоятельств, противодействовавших понижательным тенденциям, которые первое время преобладали и понизили цены, особенно в районах, связанных с экспортом.

---

[1]) Между прочим следует строго различать количество собранной тресты (т.-е. льна в соломе) и чистое волокно, что иногда смешивают.

Во-первых, стал определяться громадный недобор льна, о котором мы уже говорили.

Далее потребление волокна тогдашней русской льнопромышленностью сильно увеличилось. Было много военных заказов; прежде они составляли лишь 7% оборота, с 1914 года—более 70%; номер пряжи сильно понизился (до 12-ти №№ в среднем), что потребовало большего количества волокна. Конкуренция со стороны хлопка в смысле понижения цен в то время еще не проявилась, так как этого сырья было еще достаточно; но запасы второго конкурента льна — джута — вскоре же иссякли, и часть потреблявших его фабрик перешла на обработку льна. В общем спрос тогдашней русской промышленности на лен поднялся с 5 до $6^1/_2$ и более милл. пудов. Несколько повысилось, насколько можно было судить, и крестьянское домашнее и кустарное производство льняных тканей.

Все это, вместе взятое, так сократило предложение и подняло спрос, что цены на лен только в первые месяцы, и только главным образом в западном моченцевом районе, немного сдали. Против затруднений в сбыте льна и понижения цен были сразу, после определившегося перерыва связей по западной границе и Балтийскому морю и опасений снижения цен, приняты некоторые мероприятия. Совет съездов представителей льняного дела, рассчитывая, что весной с началом навигации можно будет вывезти партии волокна через Архангельск в Англию, а также отправлять туда зимой через Торнео, выхлопотал у Государственного Банка широкий кредит, который льноводы могли получать через земства и кооперативные организации.

Но, как уже сказано, на рынок льна воздействовали два ряда противоположных причин. С одной стороны, понижение спроса и боязнь за невозможность вывоза за границу; с другой,—неурожай и, как выяснилось, очень низкое качество волокна. Пятибалльная система, которая применяется и ко льну, дала среднюю отметку в 2,2; распределение урожая на плохое, среднее и хорошее волокно дало соответственно 67,5; 28,9 и 3,6%%.

Поэтому после первых военных месяцев с небольшим понижением цен, льняные отметки стали расти и за зиму 1914—1915 г. все сорта волокна стали значительно дороже; особенно поднялись высшие сорта, начиная, например, от отборного бежецкого, цена на который за сезон поднялась на 27%, и кончая псковским, давшим прибавку в 62%. К концу сезона, как отмечалось в обзорах, „ощущался настоящий льняной голод высших и средних сортов".

Но первый год войны не убедил многих деятелей льняного дела, и опасения за излишек волокна и падения цен высказывались и в начале 1915 г. Поднимался вопрос об агитации за сокращение льняных посевов (А. Рыбников, Чаянов и др.), но были и противники этих взглядов.

Действительность вновь показала, что эти опасения были излишни. В следующем году, хотя посевы уменьшились лишь немного (процентов на 8), и урожай был значительно выше (17—19 милл. пудов, учитывая недобор в районах, охваченных военными действиями), цены и общее положение льноводства оставались благоприятными. В этом отношении в сезон 1915—1916 г. сыграло роль то обстоятельство, что из-за убыли мужчин, мужской труд резко поднялся в цене; льняная культура,—как сказано, в значительной степени культура женского труда—при достаточной оплате за лен оказалась сравнительно более выгодной, чем, например, зерновое хозяйство.

Летом 1915 года удалось отправить в Англию ряд партий льна через Архангельск, и, хотя некоторые пароходы и погибли от немецких мин, все же спрос за границу не прекратился. В сезон 1914—1915 г. Англия получила из царской России около половины закупки 1912—1913 г. (1.993 тыс. пудов против 4.059 тыс.). При этом из-за отсутствия тонких сортов из Бельгии и отчасти Голландии (закуплены немцами), англичане у нас стали искать тонкие льны восточных губерний—Вологодской, Ярославской, в которых до войны покупали исключительно наши фабрики.

Все это, вместе с продолжающимися военными заказами и увеличением кустарной выработки из-за роста цен на хлопчатые ткани, вело к неуклонному превышению спроса и росту цен, временами опережающему обесценение денег.

К концу сезона 1915—1916 г. почти весь лен как этого, так и прошлых лет был распродан. У производителей, по анкете съездов деятелей льняного дела, в противоположность значительным запасам в прежнее время, оставались остатки не более 3%, т.-е. 500—750 тыс. пудов.

Но в 1916 г. уже дали себя знать и в льняном деле разрушающие силы и последствия затяжной войны. Убыль работников, сперва ударившая по другим культурам, при посевах сказалась и в культуре льна; семян не хватало, живой и мертвый инвентарь износился. О посевной площади 1916 г. сведения расходятся. Данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (организованный особым совещанием по продовольствию) показали по сравнению с обычными данными Центр. Стат. Комитета значительное увеличение (во всех губерниях, считая занятые немцами, а также и Сибирь 1915 г. по Ц.С.К.—1.016.843 дес., 1916 г. по В.С.-Х.П. — 1.226.310). Но здесь сыграли роль разные методы исчисления, менее совершенные в Статистическом Комитете.

Данные статистического бюро Совета съездов представителей льняного дела показали, в значительно большем числе случаев, не увеличение, а уменьшение посевной площади; аналогичны сведения Центрального Кооперативного Товарищества льноводов. Учет кооператоров дает следующее изменение посевной площади за три года войны и три первых года Революции. Приведем разбивку его по районам, которая оттеняет сравнительно меньшее значение занятых неприятелем губерний и характеризует дальнейшее относительное усиление более восточных губерний.

Площадь посева составляла по сравнению с 1914 г.:

РАЙОНЫ	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Псковско-Лифл. [1]	100%	93,3	80,3	65,7	49,8	33,5
Смоленско-Тверской	100%	90,9	82,1	76,6	65,1	47,0
Ярославско-Костромск.	100%	96,1	94,1	88,6	80,7	62,6
Вятско-Пермский	100%	89,0	79,6	61,4	63,0	56,0
Всего по волокнистому району	100%	92,1	83,8	74,6	65,5	50,3

Подесятинный урожай 1916 г. был несколько ниже предыдущего года (приблизительно на 10%). Сократившееся предложение с продолжающимся спросом и уже высокими ценами к началу сезона 1916—1917 г. привело покупщиков льна к попытке организованно воздействовать в сторону снижения цен. Образовалось соглашение из иностранных фирм (франко-брит. комитет), русских фирм и крупной торговой фирмы „Рало". Были выработаны предельные цены и установлены районы скупки. Но эта попытка не удалась. Рынок продолжал отмечать рост цен, не вошедшие в соглашение скупщики продолжали покупку, и в половине декабря 1916 г. соглашение распалось. Цены поднялись с ноября по январь на разные сорта волокна с 18—25 р. 50к. до 27—34 р. за пуд.

В сезон 1916—1917 г. на все льняное дело стали особенно сильно воздействовать разные организации и регулирующие органы как со стороны представителей льноводов, так и со стороны льноторговли, особенно экспортной, связанной с иностранными фабриками, а также и общество русских фабрикантов.

Некоторые из этих объединений сорганизовались еще ранее, но мы вкратце укажем на них здесь в общей связи.

---

[1]) Часть этого района в настоящее время входит в состав Эстонии и Латвии.

Производство льна распылено по массе мелких крестьянских хозяйств. Такое мелкое, частное, собственническое хозяйство наиболее трудно поддается организации и совместным выступлениям. Поэтому мы и видим, что задолго до кооперации льноводов, создались объединения других заинтересованных в льняном деле лиц.

Уже было упомянуто об организации экспортеров нашего льна за границей, еще в 1911 г. учрежденной в Генте. До нее уже действовал союз льнопрядильщиков (с 1909 г.), также международного характера; в него входили объединения фабрикантов всех льнопромышленных стран: Англии, Франции, Бельгии, Германии, довоенной России. Понятно, что оба союза скупщиков и потребителей нашего волокна были заинтересованы в низких ценах, и хотя они и приветствовали тогдашние русские организации деятелей по льну, но по существу, конечно, не хотели выпускать льноторговли из своих рук. Отчеты иностранных фабрик нередко указывали, что „надлежащей" прибыли им удалось достигнуть благодаря „дружественному" воздействию на русский рынок, что привело к „довольно дешевой" цене сырья (Д. И. Зубков „Отчет о командировке 1912 г.").

Последний из двух названных союзов на своем пятом конгрессе в Вене перед объявлением войны в июне 1914 г. ознакомился и „принял к сведению" работу по организации льняного дела в тогдашней России. На нем было доложено о прохождении через Государственную Думу закона о торговле льном. По этому новому закону в добавление к правилам 1899 г. о борьбе с фальсификацией признана ответственность за доброкачественность льна не только со стороны торговцев, но и производителей, и предполагалось уменьшить вес связки льна ниже обычных 20 фунтов для облегчения осмотра его качества. Конгресс поддержал законопроект и принял пожелание о его скором проведении в жизнь.

Предположение созвать следующий конгресс в 1915 году в Москве отпало из-за военного времени [1].

В довоенной России изучение и интерес к льноводству долгое время стояли не на высоте значения этой отрасли сельского хозяйства и народного труда; стремление к организованности и общественности проявили сперва не разрозненные льноводы-крестьяне, а государственные учреждения и земства, затем предприниматели-льнопромышленники.

Выше мы указали, что еще в 40-х годах в связи с кризисом вывоза за границу льняных изделий была создана Мин. Гос. Имущ. и Финансов особая комиссия, изучавшая вопрос у нас и за границей.

Интерес к льноводству со стороны Мин. Госуд. Имуществ, Наркомзема того времени, позже преобразованного в Главное Управление Земледелия и Землеустройства, продолжался и в последующие десятилетия. В XX веке главная работа министерства направлялась на распространение среди льноводов лучших приемов обработки льна для повышения сортов волокна соответственно требованиям экспорта и довоенных русских фабрик. Для этой цели были созданы казенные льнодельные станции в Псковской, Тверской (Кашинская) и Вятской губерниях. Этими станциями принималась также льняная треста от крестьян для обработки улучшенными приемами, конечно, с оплатой расходов за эту работу. Помимо названных губерний, и в другие льноводные районы посылались специалисты и инструктора для лучшей постановки этого дела, рассылались семена псковского льна—долгунца и т. д. Перед войной опытной льняной станции при Московском сельскохозяйственном институте было уделено особое внимание, — Департамент земледелия ассигновал на это дело 175.952 р.

При Главном управлении в 1911 г. был организован Льняной Комитет,—странно, что значительно позже комитетов овцеводства, хлопководства (1907 г.) Комитет этот,

---

[1] Интересный отчет об этом конгрессе можно найти в австрийском журнале „Flachs und Leinen", 21 том, 1921 г.

кроме нескольких изданий по льняному делу, ничем себя не проявил; он должен был служить для согласования работ разных ведомств по льняному делу.

Главное управление содействовало субсидиями и другими мерами поддержки целому ряду начинаний в этой области со стороны земств отдельных губерний.

Земская деятельность в льняном деле проявила себя еще шире. С одной стороны, целый ряд общих агрономических мероприятий воздействовали также и на сельскохозяйственную культуру льна: они способствовали введению многопольных севооборотов с травосеянием, которые, как указано, имеют столь решающее значение в льноводстве, снабжению крестьян искусственным удобрением, введению усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин. Но, кроме этого, целый ряд мер, особенно в льноводных губерниях, непосредственно относится ко льну и его культуре: пропаганда льняных посевов, улучшение посевного материала, распространение лучших приемов первичной обработки волокна, на что было во многих местах обращено особое внимание; наконец, были попытки посреднической деятельности по сбыту льна.

Особенно деятельными выказали себя земства, главным образом, восточного района—Вятской, Пермской, Костромской, Ярославской, а также Псковской губерний. Вятское земство (как известно, наиболее крестьянское по составу) принимало деятельное участие в казенной станции, организовало при ней курсы по льняному делу. Оно имело штат разъездных инструкторов — „льняных старост", устроило ряд льнообделочных пунктов. В 1909 году, например, на станциии было обработано около 100.000 снопов льна (3/4 — баллонным способом, т.-е. мочкой), семян из земских складов было продано до 1.300 пудов, и т. д. Аналогичную деятельность с организацией курсов, пунктов и проч. развивали и другие земства; Костромское с участием правительства имело собственную станцию, в Псковском работала почвенная лаборатория по культуре льна. Это последнее земство учредило при губернской управе особый льноводный комитет для собирания сведений о состоянии рынка льна, запасах, вывозе за границу, ценах и т. д. Комитет организовал совещания по льняному делу, съезды и прочее. Ряд мероприятий для улучшения льноводства, льноторговли был проведен и в других губерниях — в земствах Вологодском, Тверском, Смоленском, а также и в ряде уездов.

Из непосредственно заинтересованных лиц первыми сорганизовались и проявили себя фабриканты. Они это сделали даже ранее, чем в других отраслях текстильной промышленности,—в 1906 году было основано Всероссийское общество льнопромышленников. В это время вообще поднялся интерес к льняному делу; и он нашел себе активное и разностороннее проявление во вновь открытом обществе. Прежде всего это выразилось в организации съездов по льняному делу. Первые местные съезды относятся еще к прошлому столетию, — в Смоленске в 1889 и 1891 г. г. Далее, в 1894 по инициативе местного земства в Пскове был созван первый съезд этого района; повторение его состоялось в 1900, 1909 и 1910 г.г. Несмотря на местный характер этих съездов, на них были подняты некоторые вопросы, представляющие общий интерес, что связало их с последующим развитием.

У председателя общества льняных фабрикантов известного льнопромышленника С. Н. Третьякова явилась мысль созвать всероссийский съезд представителей льняного дела, который должен был объединить льноводство, льноторговлю и льнопромышленность. В январе 1911 г. в Москве собрался первый съезд, за ним съезды собирались и в следующие годы. Они представляли собою действительно центр, на котором проявлялись все общественные силы, работавшие в той или иной отрасли льняного дела. До настоящего времени „Труды" этих съездов являются важным источником справок по многим вопросам льняного дела.

Среди членов одного из последних съездов 1916 г., кроме президиума проф. С. А. Федорова, В. Г. Шапошникова и секретаря Галецкого, присутствовали 56 представителей следующих учреждений и организаций: общества льнопромышленников

(14 чел.); центрального товарищества льноводов (4 чел.); кредитных товариществ, (6 чел.); представители обществ—комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах, общества для содействия развития мануфактурной промышленности, петроградского центрального общества сельского хозяйства, семенной контрольной станции, тверского общества сельского хозяйства (5 чел.); представители земств губернских и уездных — Тверской и Смоленской, Псковской, Ярославской и Московской (всего 8 чел.). Кроме того, командированные правительственными учреждениями—Главным Управлением и Мин. Торговли и Пром., Льняной опытн. станцией (7 чел.) и высш. учебн. завед.—сельскохозяйственным институтом и техническим училищем (9 чел.).

По этому составу членов съезда можно судить о главных организациях, работавших в деле развития и усовершенствования нашего льняного дела и их относительном значении и весе.

Съезды эти сыграли крупную роль в политике и культуре льна; изучение волокна и его обработка, организация и торговля льном, техника промышленной обработки, условия экспорта и многие другие стороны нашего льняного дела (смотри программу первого съезда в его „Трудах", часть I) всесторонне рассматривались на съездах, и по ним принимались соответствующие решения. Работа съезда была разбита на три основных секции: льноводство, торговлю льном и льняную промышленность. Ко второму съезду Совет съездов, учитывая гораздо более значительную роль льноводства, хотя и без соответствующей стройной организации полутора миллионов крестьянских хозяйств, возделывающих лен, признал необходимым повысить их вес в совете: число их представителей было увеличено до 12 человек—уравнено с представительством торговли и промышленности, взятых вместе. Но по составу прибывших на съезд 1916 г. членов видно, что крестьяне-льноводы на самые заседания съездов не посылали достаточного числа представителей.

В это время уже сорганизовалось центральное товарищество льняной кооперации—кооперации льноводов-крестьян. Остановимся вкратце на этой организации, имеющей крупное значение для льняного дела и в наше время („Льноцентр").

Возможная роль кооперации в льноводстве была осознана уже давно. В. Федоровский в докладе второму съезду льняного дела указывает, что еще в 1889 на съезде по сельскому хозяйству в Смоленске было предложено разработать вопрос об учреждении льноводных союзов. Долгое время проекты и планы льняной кооперации ставили задачи, для тогдашнего положения русского льноводства неосуществимые: они отличались „достаточной наивностью", и лишь постепенно „беспочвенность" их была доказана и, как часто в экономической политике, не логическим, а историческим путем.

Первые предположения об организации льноводов, как и во многих других отраслях народного хозяйства, делались с целью создать как бы производственную кооперацию: они предлагали организацию артелей для первичной обработки волокна. Чаянов объясняет это тем, что в „льняной общественности" того времени главную роль играли „промышленники, инженеры и техники". Нам кажется, что причина этого „максимализма" первых пропагандистов лежит не в их профессии, а в общей несколько отвлеченной тенденции общественных деятелей того времени. После неудачи производственных артелей половины прошлого столетия на Западе, казалось, трудно было надеяться на успех кооперативной обработки волокна. Это должно было быть ясным особенно для экономиста, который видел, что и в руках частного предпринимателя такая обработка не сулит выгод при крупном производстве, так как у нас почти не было заводов для первичной обработки льна. Не только на районных съездах в Пскове, но и на первом Всероссийском съезде в Москве в докладах о предполагаемых кооперативных организациях имелась в виду, главным образом, совместная первичная обработка волокна. Не изменилось отношение к этому вопросу и у членов комиссии, созданной Советом съездов льняного дела между первым и вторый съездом.

Действительное развитие льняной кооперации повело ее по линии экономической рациональности—почти исключительно кооперативной организации сбыта, а не первичной обработки; и проведение сбыта шло, главным образом, через кредитные и потребительные союзы, в значительно меньшем количестве через специальные общества по льноводству, что имелось в виду в прежних проектах.

Серьезная организация кооперативного сбыта льна относится к последним довоенным годам, хотя и указывают, что еще в 1912 г. отдельными кооперативами Псковской и Новгородской губерний были предприняты попытки этого рода; есть отрывочные сведения и из других губерний.

В начале войны, как сказано выше, было получено от Государственного Банка согласие предоставить значительный кредит (до 25 милл. руб.) для выдачи залоговых ссуд под лен через местные организации, земские и кооперативные. Для этого кредитные товарищества объединились в союзы: например, 17 товариществ Волоколамского уезда, Московской губернии, 44 товарищества в Тверской губернии (Ржево-Зубцовское объединение), в Смоленской губернии (Брянское объединение). Эта внешняя случайная операция — залоговое дело — создала толчок для льняной кооперации.

Вначале вопрос о непосредственном сбыте не стоял на очереди; но далее явилась необходимость реализовать залоговое волокно. Тогдашние русские фабрики отказались покупать лен, и товарный отдел Московского Народного Банка (кооперативный банк) взялся за это дело; он отправил волокно в агентуру сибирских маслодельных артелей в Лондон („Юнион"). Из-за транспортных осложнений военного времени отправки были очень затруднены, особенно первые через Финляндию и Норвегию; лучше морем из Архангельска.

По свидетельству проф. Чаянова, это были первые партии кооперативного льна на мировом рынке.

Но дело встало на твердую почву лишь со времени зарождения всероссийского центра льняной кооперации—Центрального Товарищества Льноводов. Эта организация, которая уже имеет большие заслуги перед льняной кооперацией в прошлом и, вероятно, сыграет серьезную роль и в будущем, получила свое зарождение на съезде представителей льняного дела в апреле 1915 года.

Докладчик-организатор Виленского Кредитного Товарищества Новгородской губернии Н. А. Меньшиков указал, что при существующих условиях необходимо одновременно: организовать новые кооперативные ячейки по льняному делу, расширять деятельность обществ общей и кредитной кооперации в сторону объединения льноводного дела по сбыту волокна, связывать их в союзы, и теперь же создать высшее объединение льняной кооперации. Последнее сделать необходимо, так как только такая центральная, сильная организация может правильно поставить продажу волокна, находить рынки сбыта и так далее, что трудно осуществить отдельным кооперативам или их небольшим союзам.

Съездом было принято постановление закончить выработку устава Центрального Товарищества Льноводов, провести его по инстанциям и открыть действия товарищества. Все это было быстро исполнено (министр Кривошеин утвердил устав, вопреки бюрократизму правительственных учреждений, в три дня). Осенью 1915 года Товарищество начало свои действия на следующих основаниях, отчасти содержавшихся в уставе:

1) Опираться на союзы местных кооперативов; где такие союзы отсутствовали—на отдельные кооперативы.

2) Главное содержание деятельности — организация сбыта льна в довоенной России и за границу; кроме того имелось в виду снабжение льноводов семенами и так далее.

3) Организация сбыта носит комиссионый характер,—лен не покупается у членов кооперации, а берется на продажу, хотя бы и с выплатой авансов.

4) Организация должна представлять интересы льноводов в правительственных и других учреждениях. Товарищество льноводов вошло и стало играть важную роль во всероссийских съездах представителей льняного дела.

В начале своей деятельности Товарищество, имея за собой некоторую руководящую роль, все же предоставляло местным союзам довольно большую самостоятельность даже в условиях сбыта волокна, как, например, при установлении цен, принятии или изменении других продажных условий Товарищества и прочее. Но это продолжалось недолго. Уже во второй год своей работы Товарищество увидело, что для торговой деятельности более целесообразным является проведение централизма во всех операциях и действиях. В сезон 1916—1917 года усиленная работа в объединении с крупной торговой фирмой (см. дальше) показала руководителям Товарищества, по признанию одного из них, на опыте отрицательные стороны федеративного начала в сравнении с возможностью быстрых и свободных решений у частных предпринимателей. Поэтому, а также в виду увеличений относительной роли и силы центральной организации по сравнению с местными союзами, второе очередное собрание принимает ряд постановлений, укрепляющих значение центра; согласно этим постановлениям, „местные союзы в своей работе по сбыту льна являются не более, как филиальными организациями „Центрального Товарищества Льноводов" (Чаянов).

Пользуясь обзором работы Товарищества за три сезона, с 1915 г. по 1918 г., написанной его председателем С. Л. Масловым, мы можем привести следующие данные о его развитии и составе его членов.

При учреждении на 15 сентября 1915 г. общее число членов, союзов и отдельных кооперативов было 43; далее, на конец первого, второго и третьего сезона (1915—1916, 1916—1917 и 1917—1918 г.г.) число это поднималось до 100, 172 и 208. При этом первая из этих цифр состоит из 18 союзов и 82 „кооперативов 1-й степени" (т.-е. первичных кооперативов); вторая—из 39 союзов и 134 кооперативов, третья—из 4 всероссийских объединений (Московский Народный Банк, Центральный Союз Потребительских Обществ, Центральный Кооперативный Союз Коноплеводов и Всероссийское Кооперативное Товарищество по производству и сбыту кустарных изделий), 54 союзных объединений районных и губернских и 150 отдельных кооперативов.

По расчету на конец 1918 года Маслов считал в союзных объединениях свыше четырех тысяч отдельных кооперативов; всего, следовательно, 4.143 кооператива. По приблизительному подсчету Экономического Отдела Товарищества Льноводов в эти его ячейки входило до двух миллионов крестьянских хозяйств. Надо лишь отметить, что часть кооперативов расположена на юге, где слабо развито волокнистое льноводство. Территориальное распределение льняной кооперации на 1 июля 1918 года показано в таблице на стр. 50.

На долю первых трех губерний приходилось, как видно из этих данных, более половины общего числа пайщиков с числом крестьянских хозяйств свыше полумиллиона. Среди местных союзных объединений главную часть составляют кредитные товарищества, которые при помощи своих средств развили посредническую деятельность со льном. Сравнительно небольшое число союзов и крестьянских хозяйств, входящих в Центральное Товарищество Льноводов в льноводной Псковской губ. объяснялось тем, что там в числе пайщиков т-ва совершенно не было кредитных товариществ, а только сельскохозяйственные общества.

Но при очень сильном развитии нашей сельской кооперации в последние годы, льняная кооперация захватила еще далеко не все союзы; в льноводных губерниях лишь около одной пятой всех союзов кооперативов примкнуло к Центральному Товариществу Льноводов. Вместе с тем среди первичных кооперативов лишь небольшой процент (около 11) непосредственно осуществлял сборку льна. Но Маслов, по этому поводу, указывает, что значительная часть хозяйств доставляет лен непосредственно льняным союзам, минуя кооперацию первой степени.

ГУБЕРНИИ	Общ. число пайщиков Ц. Т-ва Л-ов	В том числе пайщиков местных союзов	Число отдельных коопер. в этих союз.	Общее число хозяйств, входящих в кооперативы
Тверская	53	6	711	257.452
Смоленская	47	8	504	184.452
Ярославская	23	3	202	122.390
Вологодская	14	4	584	195.500
Псковская	12	4	111	32.529
Московская	11	3	321	174.300
Вятская	7	5	412	286.536
Костромская	6	4	168	85.389
Новгородская	4	3	182	79.373
Всего в 22 льноводных губерниях .	208	54	4.143	1.983.561

Главная часть деятельности льняной кооперации—сбыт льна. За три указанные сезона работа эта развивалась с исключительной прогрессией.

	Общий сбор волокна в районе деятельности Ц. Т. Л.	Количество собранного волокна Ц. Т. Л.	% к общ. кол.
1915—1916 г.г.	17.667.582,1 пуд.	102.814 пуд.	0,6
1916—1917 „	15.203.685,2 „	941.500 „	6,3
1917—1918 „	12.088.085,8 „	2.327.732 „	19,2

Рост оборотов шел так успешно, что за последний сезон около одной пятой сбора составлял кооперативный лен.

Наибольшее количество его было собрано, что и понятно, в тех же губерниях; по сезонам наибольшее количество было получено по губерниям:

	1915—1916 г.г.	1916—1917 г.г.	1917—1918 г.г.
Тверской	40.815 пудов.	257.000 пудов.	944.000 пудов.
Смоленской	20.596 „	247.700 „	549.500 „
Ярославской	12.529 „	199.000 „	236.000 „
Московской	16.370 „	75.000 „	135.000 „
Новгородской	12.079 „	48.000 „	103.000 „
Итого в 22 губерниях . .	102.814 пудов	941.500 пудов	2.285.000 пудов.

Одна Тверская губерния дала в последний сезон более 40% всего сбора, при чем по этой губернии один Ржевский союз собрал почти половину губернского сбора (406 тыс. пудов). Из других союзов большие количества отмечены за союзами: Бежецким (Тверск. губ., 381 тыс. пуд.), Сычевским (Смол. губ., 302½ тыс. пуд.), Рыбинским [1] (Яросл. губ., 152 тыс. пуд.), Волоколамским (Моск. губ., 135 тыс. пуд.); остальные менее чем по 100 тыс. пудов.

Главная работа Центрального Товарищества состояла в сбыте волокна, при чем значительная часть его шла за границу. Последнее объясняется, между прочим, тем, что наши фабрики, имея в значительной части собственный закупочный аппарат, не с большой охотой прибегали к посредничеству кооперации. На съездах представителей льняного дела промышленники приветствовали организацию кооперации; но позже, когда началась практическая работа, отношение фабрикантов изменилось. Им было выгодно получать через кооперацию доброкачественное, хорошо сортированное, не фальсифицированное волокно, но поскольку дело касалось цены, интересы покупателя-промышленника и продавца-кооператора столкнулись. Закупая через своих, обычно знающих товар и опытных, агентов непосредственно у крестьян по деревням или на базарах, они нередко платили разрозненным производителям чрезвычайно низкие цены. Эта борьба за цену, конечно, не исчезла с кооперативным сбытом. Как правильно писал уже названный председатель Центрального Товарищества льноводов С. Л. Маслов, „льновод, сдавши лен в кооператив, сам избегает непосредственной борьбы, но в действительности борьба, это столкновение производителя со скупщиком, не исчезает. Она в концентрированном виде переносится в другое место—на центральный рынок“... Поэтому-то отношение промышленности и льняной кооперации было доброжелательно на съездах, „сдержанно на первых порах, а впоследствии определенно враждебно“.

На внутреннем рынке кооперативный лен попадал на мелкие фабрики без собственного закупочного аппарата и на те джутовые, которые из-за отсутствия сырья перешли на обработку льняного волокна, главная же часть шла за границу. В сезон 1917—1918 г., по расчету Маслова, около ¾ общего вывоза за границу шло через кооперацию. Но, конечно, этот громадный % участия в экспорте объясняется особенностями того времени, в обычное же время кооперация не так быстро завоевала бы успех.

Внутренняя организация сбора и сбыта волокна Центральным Товариществом проводилась таким путем: крестьяне сдавали лен в кооперативные ячейки, откуда он шел в союзы и сортировался, далее партии волокна через Центральное Товарищество отправлялись за границу или на фабрики. Лен мог бы оставаться полностью какбы в собственности сдававших его льноводов, и расчет мог бы производиться лишь после продажи и получения денег. Но в виду обычной безденежности нашего крестьянства введен обычай выдачи ссуды (по существу, аванса) при сдаче волокна до трех четвертей его стоимости. Недостаточная сознательность населения вела иногда к необходимости еще более повышать ссуду и довести ее почти до 100 процентов оценки волокна. Первое время ссуды выдавались Московским Народным Банком, позже и эту операцию Центральное Товарищество организовало у себя.

Эта система сбыта льна, как бы специфически кооперативная, привела проф. Чаянова к утверждению, что „эти операции... ни в коем случае нельзя назвать торговыми операциями“, что „торговля есть операция двухсторонняя; торговля, это — покупка товара с целью продажи его в другие руки с прибылью“,—здесь же „односторонний процесс продажи, не знающий разницы между покупной и продажной стоимостью товара и стремящийся не к увеличению этой разницы, а к увеличению абсолютной высоты цен“.

---

[1] Ныне выделен в Рыбинскую губ.

Мы приводим эти утверждения, чтобы указать на некоторую их натянутость и на то, что они способны ввести в заблуждение. Дело в том, что торговлей называют, с одной стороны, профессиональное занятие скупкой и продажей товаров как промыслом, с другой—этим же словом именуют и одностороннюю продажу производителями своих продуктов или изделий, например, так называемая фабричная торговля—выражение, часто встречающееся в немецкой литературе. Деятельность кооперативов по сбыту льна несомненно выполняет „торговую функцию" и, с этой стороны, входит в торговлю в широком смысле этого слова; но в противоположность кооперации производственной или полупроизводственной, например со включением первичной обработки льна, наша кооперативная организация сбыта, т.-е. торговля и в более узком понятии, потому что ее комиссионный характер не меняет сущности дела: комиссионная торговля тоже торговля.

В 1916 году на наш льняной рынок, помимо описанных организаций самих заинтересованных лиц, сильное воздействие оказывала правительственная политика.

Мы уже отметили, что в 1915 г. вывоз волокна за границу и увеличившиеся требования со стороны тогдашних русских фабрик создали повышенный спрос и сильный рост цен. В первый год войны вывоз льна был совершенно свободен, опасность больших излишков не создавала поводов вводить ограничения. Но уже распоряжением от 15 июля 1915 г. лен вошел в список товаров, вывоз которых за границу был в связи с военными событиями запрещен. Правда, для льна было сделано исключение,—экспорт в союзные страны остался свободным (на русских или союзных судах).

Далее, из-за опасений усиленного вывоза и боязни нехватки сырья для выполнения казенных заказов, наша промышленность потребовала абсолютного ограничения вывоза. И тогда и позже эта политика промышленности связана была в значительной степени с желанием таким путем понизить цены на волокно, что, конечно, неблагоприятно отражалось на развитии льняной культуры и благосостоянии крестьян. В середине ноября вывоз был сперва совсем запрещен, затем было установлено количество в 2 милл. пудов для вывоза по 31 декабря 1915 г. Позже англичанам и французам было разрешено вывезти сверх контингента несколько сот тысяч пудов.

По ходатайству заинтересованных лиц и организаций 27 ноября 1915 г. был учрежден „Временный комитет по делам льняной и джутовой промышленности". Первоначально он должен был ведать вопросы снабжения сырьем фабрик для нужд армии, но вскоре же выяснилось, что и вопросы экспорта являются столь же важными. В первое время, что очень характерно, в комитет, кроме членов от разных министерств, входили представители только промышленности, и лишь позже были включены и представители льноводов.

Рассмотрев вопросы вывоза волокна, комитет этот решил допускать вывоз лишь по срочным вывозным свидетельствам и установил контингент его на время с ноября 1915 г. по ноябрь 1916 г. в 6 милл. пудов.

В Англии импорт льна получил в то время особую военную организацию. Ссылаясь на трудности в получении сырья, льняные фабриканты повышали цены на казенные военные поставки, и правительство решило урегулировать ввоз льна. В конце 1915 г. было проведено запрещение покупки и ввоза льна в Англию без особого на это разрешения военного министерства; а в начале следующего года, 31 марта, военное министерство передало в исключительное ведение четырех крупных фирм право ввоза в Англию тогдашнего русского льна—Малькольм, Бетт, Вишау и Престон. К ним присоединились французы, и был образован так называемый „франко-британский комитет", который имел как бы монополию вывоза нашего льна и ввоза его в Англию и Францию.

Понятно, что в царской России такой оборот дела возбудил большие опасения. Это положение могло, с одной стороны, дезорганизовать и подавить распыленную льняную торговлю, которая, как мы уже видели, и до этого находилась наполовину

в руках иностранцев. Кроме того, были опасения, что монопольный экспортер, воздействуя на спрос, может понижать цены на вывозимое волокно, а так как вывоз составлял и во время войны значительную часть сбыта, то это могло пагубно отразиться на положении льноводов.

Все это заставило тогдашнюю русскую торговлю и кооперацию обратиться к правительству с требованием оказать противодействие. Правительство пошло навстречу, и совет министров поручил только-что организованному комитету по льняной и джутовой промышленности урегулировать вопросы экспорта, передав исключительное право на вывоз льна определенным фирмам и организациям по его выбору. Этим имелось в виду против монополии франко-британского комитета противопоставить как бы монополию по экспорту нашего льна.

После долгих совещаний и обсуждений в комитете по делам льняной и джутовой промышленности, право вывоза льна из военной России за границу было предоставлено льняной кооперации в лице Центрального Товарищества Льноводов и торговой фирме „Русскому Льнопромышленному Акционерному Обществу" („Рало"). Эти учреждения должны были составить так называемую „Объединенную организацию", которая в своей работе находилась под контролем комитета.

Эта политика правительства для регулирования льняной торговли и вывоза волокна за границу не внесла ясности и порядка в это дело. Против этих мер, кроме франко-британского комитета, который и вызвал их проведение, восстал ряд лиц и организаций в самой военной России. Торговцы льном, которые должны были действовать через „Рало", стремились сами попасть в „Объединенную организацию"; тогдашние русские льнопромышленники боялись повышения цен на волокно, и создали собственное объединение для скупки льна; в него входил ряд крупных льняных фабрикантов. Все эти противоположные интересы сталкиваются на льняном рынке и стараются обойти друг друга.

Сезон 1916—1917 г. проходит в напряженной борьбе. Франко-британский комитет вначале отказался входить в соглашение с „Объединенной организацией" и, рассчитывая добиться согласия русского правительства на вывоз, стал через имеющийся у него аппарат самостоятельно скупать лен. Часть местных торговцев, не сговорившаяся с „Рало", пристала к иностранцам. Само „Рало" вело скупку неэнергично и не могло бы удовлетворить полностью потребностей экспорта. Как уже упомянуто, контингент вывоза был определен комитетом по льняной промышленности в 6 миллионов пудов на сезон 1916—1917 года.

Франко-британский комитет подавал протесты через своих дипломатических представителей на решение русского льняного комитета, указывая, что „Рало" и Центральное Товарищество Льноводов, как организации молодые, не смогут обеспечить иностранцев даже принятым контингентом волокна. Он предлагал собрать своим аппаратом 4 милл. пудов, остальные приобрести у „Объединенной организации". Определенного решения правительством принято не было, и борьба велась на рынке. По данным льняных фабрикантов, осенью 1916 г. намечалось соглашение между тремя главными организациями—иностранцами, русской „Объединенной организацией" (из которой они почему-то упоминают „Рало" и упускают Центральное Кооперативное Товарищество Льноводов) и тогдашней русской промышленностью.

Льноводные районы были распределены между ними. Но это соглашение, в которое вошли не все скупщики как из торговцев, так и из фабрикантов, распалось: каждый участник боялся, что он не скупит достаточного количества волокна.

В декабре иностранцы, до тех пор сдержанные в ценах, стали усиленно скупать, платя выше других, и в значительной степени обеспечив себя волокном. Лишь позже, уже в 1917 г., особенно после февральской революции, они стали более сговорчивыми в приобретении недостающего им волокна у „Объединенной организации".

В общем, надо определенно сказать (что признавали наши льнопромышленники, а с оговорками и льняная кооперация), что борьба в сезоне 1916—1917 г. окончилась

победой франко-британского комитета; им было собрано около 4 милл. пудов волокна, и лишь остальные 2 милл. добавила „Объединенная организация".

Летом 1917 г. льняной комитет созвал на 15 июля съезд представителей льняного дела. Были предложения провести государственную льняную монополию. Еще ранее в льняном комитете предполагалось установить твердые цены на волокно. Но последнее было отклонено, особенно усилиями льноводов, которые понимали, что фиксация цен менее всего в интересах производителя-крестьянина. Монополия также не соответствовала ни интересам торговцев, ни промышленников; последние не могли в то время надеяться на проведение монополии в своих интересах.

Льняным комитетом все же была выработана система скупки и вывоза льна на сезон 1917—1918 г., схожая с предыдущей. Вместо „Рало" образовалось соглашение крупных торговцев под названием „Эксолен", т.-е. Экспортный Союз Льноторговцев.

Но дальнейшие события политические и военные резко изменили все хозяйственное положение, в том числе и льняное дело.

С почти полной потерей экспорта в следующие три сезона, льноводство еще более чем во время войны стало зависеть от льнопромышленности С.С.С.Р. Наша фабричная обработка льняного волокна претерпела во время войны серьезные изменения, хотя, вероятно, менее резкие, чем многие другие отрасли, более связанные с военным снаряжением и внешним товарообменом. В противоположность промышленности хлопчатобумажной и шерстяной, главная часть льняных фабрик находилась в центральной части С.С.С.Р.; занятие неприятелем пограничных местностей уменьшило число льняных веретен процентов на 10. Были заняты пять льнопрядилен в Польше и Прибалтике с общим количеством около 36 тысяч веретен.

Это уменьшение не сократило выработки, так как увеличилась суточная работа машин и понизился номер пряжи. До войны среднее общее количество вырабатываемой пряжи было $3^1/_3$ милл. пудов, в 1916 слишком 4 милл.; мы уже отмечали, что потребление волокна увеличилось на $1—1^1/_2$ милл. пудов.

Отрицательно отразилась война, особенно же послевоенное время гражданской войны и блокады, на оборудовании фабрик. Невозможность возобновления и трудности ремонта машин, которые выписывались преимущественно из Англии, сильно влияли на понижение производительности и ухудшали качество изделий.

Менее чем в других отраслях промышленности война изменила состав рабочих. Мы видели, что и перед войной женщины составляли на льняных фабриках до 50% общего числа рабочих; но все же и здесь число женщин, равно как и подростков и малолетних, значительно увеличилось.

Революционные годы сильно дезорганизовали льнопромышленность, но все же менее глубоко, чем многие другие производства. Здесь сказался органический характер этой отрасли промышленности, работавшей исключительно из местного сырья на удовлетворение потребностей, которые и заграничным привозом не могли бы удовлетвориться много дешевле. Уже в 1917 году главным недугом льнопромышленности было падение производительности фабрики. По данным анкеты комитета по делам льняной и джутовой промышленности к началу февральской революции падение производительности составляло несколько менее 10%, в сентябре же 1917 г. уже от 30—35%; часть этого падения относится на сокращение рабочего дня, остальные же на понижение интенсивности труда.

Из отдельных отраслей промышленности сильнее других пострадала в 1917 г. ткацкая, в которой летом работало лишь 2,9 милл. станко-часов, против 5,9 милл. в 1916 г.

Производство пряжи хотя упало в 1917 г. по сравнению с 1916 г., но не ниже довоенного времени. По официальным данным, если принять выработку 1914 г. за 100, то в 1916 году она поднялась до 135, в 1917 г. упала до 100, а в 1918 составляла уже всего 50.

Для льноводства сезоны 1917—1918, 1918—1919 и 1919—1920 г.г. дали мало утешительного. Мы уже указали на резкое падение посевной площади, которая понижалась из года в год и в 1919 г. составляла лишь половину довоенной; при низшей урожайности этих лет падение добычи льняного волокна было еще значительнее. Причиной были продовольственные затруднения, невозможность экспорта, а также все другие условия политические и экономические, как гражданская война, расстройство денежного обращения и так далее.

В январе 1918 г. открылся первый „Всероссийский съезд текстильщиков" (профессиональных союзов рабочих), и по его решению В.С.Н.Х. через месяц организовал Центротекстиль, высшее учреждение по делам всей текстильной промышленности Советского Союза. Комитет по делам льняной и джутовой промышленности был уничтожен, и его место заняла льно-пенько-джутовая секция Центротекстиля. Вместо всех заинтересованных в льняном деле лиц, во главе секции встала рабочая группа из трех человек.

Секция эта по поводу заготовки волокна совещалась с льняной кооперацией, но к соглашению не пришла. Центральное Товарищество Льноводов, не имея средств и будучи, с ликвидацией банков и кредита, не в состоянии их получить, требовало аванса на заготовку, секция же считала, что если деньги будут, то сами фабрики могут закупить лен. Кроме того, цены, заявленные кооперацией льноводов, были признаны чрезмерными.

В последующее время разногласия между льноводами в лице льняной кооперации и льнопромышленностью в секции Центротекстиля (далее сменившего ее в данном вопросе льно-джутового подотдела отдела снабжения и закупочного льнобюро) были очень остры и часто неразрешимы. Рабочая группа нередко, особенно в тяжелые моменты военного коммунизма, считала льноводов-кооператоров „кулаками", Центральное же товарищество, борясь за трудовой доход своих членов, видело в политике Центротекстиля, особенно в низких ценах, как выразился один из видных кооператоров, „странное сочетание крайних стремлений общественного утопизма и вожделений прежнего синдиката промышленников".

Весной 1918 г. вышел декрет о монополии внешней торговли, но для льняного дела он в это время значения не имел, в виду полного почти прекращения вывоза из-за гражданской войны и блокады.

Летом запасы льна на фабриках пришли к концу, сами фабриканты из-за проводимой в это время национализации промышленности не интересовались закупками сырья.

Президиум Центротекстиля принял в октябре 1918 г. постановление об организации Центрального закупочного бюро по льну, что явилось по существу введением льняной монополии. Льнобюро должно было иметь ряд районных бюро соответственно главным местностям производства волокна, из которых каждая имела свои особенности. Было намечено 8 районов: Северо-Двинский, Костромской-Ярославский, Бежецкий, Ржевский, Владимиро-Нижегородский, Смоленский, Вятский, Моченцевый (приозерн. губ.), позже, с освобождением территории немцами, создался девятый район с Витебской и Могилевской губ. и десятый—Минский; последний не был использован. Из центрального бюро инспекторско-контрольный отдел, в который вошли позже и представители льняной кооперации, посылал специалистов для ревизии и инструктирования местных бюро. Кооперация в это время должна была выполнять роль „рабочего аппарата" закупочного льнобюро Центротекстиля.

В сезон 1918—1919 г. считалось возможным собрать около 12 милл. пудов волокна. Но с началом скупки сильно опоздали, так как ассигновка на эту операцию прошла необходимые инстанции лишь через 53 дня. Хотя за годы войны и революции и вообще сезон скупки волокна все более и более отодвигался к зиме, все же начало скупки лишь в декабре было опозданием. Вместе с принятием уже учтенного льна весь сбор дал в сумме $5^1/_3$ милл. пудов.

Главным недостатком всей операции, которая поэтому и не дала желаемого результата, были чрезмерно низкие цены. Большая часть льняного района не обходится без покупки хлеба, если же перевести лен на цену ржи, то соотношение твердых цен на лен и вольных цен на рожь было таково: до войны за пуд льна крестьяне покупали 3—5 пудов муки, в сезоне же 1918—1919 г. за пуд муки надо было отдать 5—6 пудов льна. Указывали, что часто крестьяне оставляли лен в поле или употребляли солому на починку дорог, крыш и на топку (Отчет Гл. Пр. Текст. предпр. Р.С.Ф.С.Р. 1920 г.).

Все это вело к большому недовольству крестьян-льноводов; делу не помогли и добавления к цене, так как мера эта запоздала (проведена в марте 1919 г.).

В этом сезоне была, между прочим, проделана серьезная работа по выработке льняного стандарта (сортомера). Сортировка льна была чрезвычайно сложна и несовершенна; льны отличались по местностям („кряжам“) и по сортам, но эти различия без однообразного признака сортировки давали возможность практиковать фальсификацию и другие злоупотребления. Особая комиссия В.С.Н.Х., образованная для выработки стандарта, положила в основу работы В. С. Казанского. Главным признаком для распределения льнов по сортам был принят общий средний номер пряжи льняной и очесочный, который получится из данного волокна. Под этот стандарт можно было подвести все торговые льны по кряжам и сортам. Применительно к этому стандарту цены на волокно могут указываться за пудономер (при установлении его бежецкий лен ценой в 50 р. определился номером 15 и, следовательно, пудономер 3 р. 33 к.).

Но эти работы по стандарту в первые годы не могли применяться в широком масштабе, потому что 1920 и 1921 г.г. были и в отношении льняного дела самыми упадочными. Точных данных об урожае и сборе волокна за эти сезоны не существует. Имеется подсчет количества полученного на фабриках волокна, который приводится, как общая сумма урожая. Конечно, такие подсчеты дают сумму менее фактического сбора. Последний трудно поддается учету, потому что в эти годы крестьяне, боясь реквизиций, конфискаций и простого отобрания волокна, не склонны были давать верные сведения.

Центральное статистическое управление определяет посевную площадь на 1919 и 1920 г.г. в 558 и 557 тыс. дес. Урожайность по этим же сведениям была в среднем 15,4 и 11,3 пуда (против 27,4 пудов в 1905—1914 г.г.) Уменьшение этих цифр дает приблизительный урожай для первого года в 8,6 милл. пудов, для второго—6,3 милл. Но эти цифры неточны. Данные о получении льна фабриками приводились в разных подсчетах—за 1919 г. в 5,7 милл. и в 6,1 милл. пудов, за 1920 г.—2 милл. и 2,6 милл. пудов.

Не лучше был и 1921 г., когда влияние новой экономической политики еще не проявилось.

ГЛАВА VII

ЛЬНЯНОЕ ДЕЛО ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ НА ЗАПАДЕ И В С.С.С.Р.

Для нашей Республики, поставщицы льняного волокна на мировой рынок, наиболее важное значение в изменениях льняного дела на Западе во время войны и в послевоенные годы имеет положение льнообрабатывающей промышленности и потребность ее в нашем сырье.

Из всего предшествовавшего изложения вытекало, что льноводство представляет собою для значительной части С.С.С.Р. очень важную и выгодную культуру сельского хозяйства. Временный разрыв международных экономических связей и внутренние политические и экономические сдвиги нарушили равновесие между западной промышленностью и нашим льноводством. Возможность довольно быстрого восстановления нашего льноводства и вывоза волокна—не подлежит сомнению. Каково положение на Западе: не заменен ли наш лен сырьем из другого источника, и сохранилась ли потреблявшая его промышленность?

Сопоставим наш вывоз льна за последние десять лет с предшествовавшим десятилетием.

Вывезено льна по всем границам:

	В тыс. пуд.
Среднее за пятилетие 1902—1906 г.г.	12.833
„ „ „ 1907—1911 „	13.522
За 1912 год	19.313
„ 1913 „	16.664
„ 1914 „	12.485
„ 1915 „	4.846
„ 1916 „	7.394
„ 1917 „	5.842
„ 1918 „	235
„ 1919 „	—
„ 1920 „	90
„ 1921 „	685
„ 1922 „	2.153
„ 1923 „	2.061

Как повлияло это падение вывоза, начавшееся с первого года войны и достигшее своего предела в 1918 и 1919 г.г., на западное льноводство и промышленность? Выше мы видели, что производство льна на Западе не развивалось, а даже падало. Но во время войны почти все страны, добывавшие лен, сочли необходимым принять меры для расширения этой культуры; поощрение льноводства имело успех, хотя только временный. Само повышение цен на волокно, помимо правительственной регламентации и воздействия на увеличение засева, толкало сельских хозяев на усиление запашек.

В странах, подвергнувшихся неприятельскому нашествию, льноводство пострадало от разрушений, но и здесь уже вскоре после заключения мира оно было восстановлено. В 1920 г. в связи с вышеуказанными мероприятиями и причинами как площадь посева, так и урожай во всех главных западно-европейских странах превысили довоенные цифры.

Рост посевной площади виден из следующих цифр:

	В гектарах		Увеличение посевной площади, считая 1903—1913 г.г. за 100.
	Среднее 1903—1913 г.г.	1920 г.	
Франция	25.432	28.200	110
Голландия	18.607	24.400	131
Бельгия	19.700	50.700	257
Великобритания и Ирландия .	21.313	61.200	287
Германия	13.100	80.000	610
Италия	8.667	20.000	230

Мы видим, что производство льна чрезвычайно повысилось, — увеличившись на 10% во Франции, посевная площадь возросла в других государствах еще много больше, дойдя в Германии до более чем шестикратного довоенного.

Прежде чем рассматривать изменения льноводства на Западе в последние два года, выясним в общих чертах вторую сторону, влияющую на конъюнктуру льняного дела,—спрос на льняное волокно. Спрос этот определялся, главным образом, развитием и работой фабричной льняной промышленности, т.-е. льнопрядением, льноткачеством и отделкой льняных изделий.

Хотя значительная часть льняного волокна, особенно в С.С.С.Р., как мы видели, идет в домашнюю переработку на полотно, холст и другие изделия для собственных потребностей, все же для мировой конъюнктуры часть эта не была определяющей. Она из года в год понижалась, на рынки спроса, понятно, не поступала и на них непосредственно не отражалась. Таким образом, главным элементом в установлении цен на лен на международном рынке Запада является крупная фабричная обработка льна.

Мы уже говорили о сравнительно слабом развитии льноводного дела в течение XIX века, особенно из-за трудности борьбы льна с хлопком.

В текущем столетии наблюдалось некоторое оживление и в льнопромышленности Запада, но небольшое.

Влияние войны и положение с обработкой льна в послевоенное время всего целесообразнее рассмотреть отдельно по главнейшим льнопромышленным странам, спрос которых и определяет мировую конъюнктуру и потребность в нашем льне.

Первой страной по обработке льна является Соединенное Королевство, главным образом Ирландия. Бельфаст это—Манчестер льнопромышленности. В Англии перерабатывались как грубые, так и самые тонкие сорта — довоенные русские льны и бельгийский „Куртрэ“. Пряжа вывозилась, но и ввозилась, премущественно грубые номера. Основная же масса вывоза льняных изделий состояла из готовых тканей. Главным рынком сбыта этих изделий была, продолжает быть и до настоящего времени Северная Америка. Поэтому можно считать, что от положения дел в Соединенных Штатах через оживление или застой английской льнопромышленности зависит в значительной степени и спрос на русский лен. За последние два года, в 1922 и 1923 г.г., туда было вывезено около 45 милл. кв. ярд в первом и 52 в следующем году, т.-е. 58% и 57% английского экспорта льняных изделий. Начало войны не отразилось отрицательно на промышленности. Военные заказы повели даже к некоторому увеличению числа веретен. Но позже дала себя знать трудность получения

сырого льна из царской России, а в 1918 г. положение сделалось критическим. Хотя правительство и приняло меры для увеличения засевов льна в Ирландии, но и увеличенная площадь не дала много больше волокна из-за пониженной производительности. Цены возросли чрезвычайно, а вместе с тем пало потребление. В 1918 г. расход льна понизился до 53% нормального; в 1919 г. до 32%. Во второй половине 1919 года фабрики работали лишь по 20 часов в неделю.

Вот как изменилось производство и потребление льняного волокна в Англии, если сравнить 1919 г. с 1913 годом:

Трепаный лен и кудель.

	1913 г.	1919 г.
	Ввоз.	
Из России	81.577 тонн	3.895 тонн [1]
„ Бельгии	18.006 „	545 „
„ Голландии	1.668 „	2.880 „
„ других стран	1.202 „	3.788 „
Общий ввоз	102.453 „	11.108 „
Местный лен:		
Ирландский	13.439 „	17.900 „
Английский	153 „	3.000 „
	116.045 „	32.008 „
Вывоз	8.787 „	983 „
Потребление	107.258 „	31.025 тонн [2]

Таким образом, общая обработка 1919 г. была менее 1/3 довоенной.

Уже это соотношение показывает, что наш лен, после потери С.С.С.Р. места первого поставщика для английской промышленности, в противоположность другому сырью и, главным образом, продуктам питания, особенно зерновым хлебам, не был замещен волокном другого происхождения. На это надо обратить особое внимание, так как этим обстоятельством облегчается возможность для нас вернуть свои прежние позиции на мировом рынке льна.

Второй страной льнопрядения и вообще обработки льна является Франция. Центром производства является здесь город Лилль и его окрестности, где находилось до 4/5 всех веретен. Как раз перед войной во Франции наблюдался подъем льняной промышленности вопреки пессимистическим предсказаниям проф. Автальона, о котором упомянуто выше. Число веретен поднялось здесь с 448 тыс. в 1901 г. до 498 тыс. в 1907 г. и до 577.300 в 1913 г. (по данным „Industrie textile“ № 440/41— значительно больше).

---

[1] Россия в прежних территориальных границах, т.-е. с окраинными государствами.

[2] Мы пользуемся здесь некоторыми данными нового труда о „Льняном деле в Западной Европе“ Н. А. Лазаркевич. Лондон, 1921 г. Но к его экономической части надо относиться критически: например, нам бросился в глаза такой недосмотр. На стр. 184 указаны цифры посевной площади урожая в 1909—1913 г.г. в разных странах: Франция помечена 24.536 гектар и 18.426 тонн волокна. На стр. 196 в общем итоге роста посевов вместо гектар взята цифра тонн: высчитано увеличение к 1920 году, но вместо 10% получилось, из-за этого недосмотра, 153%.

Во Франции производилось и до войны довольно много собственного льна, но он большею частью вывозился, а промышленность работала, главным образом, на привозном нашем волокне.

До войны производство, обороты и потребление волокна были таковы:

ВВОЗ:	1913 год.
Из довоенной России	95.938 тонн.
„ Бельгии	14.152 „
„ других стран	2.023 „
	112.113 тонн
Местный лен	21.970 „
	134.083 тонны
ВЫВОЗ:	
Главн. образом тресты, выраженной в волокне	23.853 „
Потребление	110.230 тонн

Франция вывозит значительное количество пряжи, тканей же сравнительно немного, меньше чем ввозит, но вывоз состоит из наиболее ценных и тонких сортов. В общем же Франция, в противоположность Англии, снабжает внутренний рынок, и поэтому спрос на выработку изделий ее промышленности связан с ее собственным благосостоянием.

Война внесла во французскую льняную промышленность гораздо большее потрясение и даже разрушение. В военные годы во Франции работало лишь около 60.000 веретен, т.-е. около 10% всей льнопрядильной промышленности, остальные предприятия были в руках немцев или в районе фронта. После перемирия началась усиленная работа по восстановлению промышленности. В конце 1919 года работало около 100.000 веретен, к началу 1921 года—около 200.000, в 1922—1923 г.г.—275.000; полное же восстановление льнопромышленности будет осуществлено лишь через несколько лет.

Недостаток сырья сказался во Франции во все это время еще сильнее, чем в Англии, так как то, что проникало из С.С.С.Р., оседало в Англии. Даже в 1920 г. Франция получила из-за границы лишь 9.217 тонн (главным образом из Бельгии, после возобновления мочки льна в реке Лисе). Французское льноводство стало давать значительно больше волокна,—например, в 1920 г.—37.640 тонн.

Третьей страной по потреблению льна является Бельгия. Здесь центром промышленности является округ Гента. Сырье для промышленности получалось из следующих источников:

ВВОЗ: 1913 год.	Трепаный лен и кудель.	
Из довоенной России	90.971	тонна
„ других стран	11.905	„
	102.876	тонн
Льняная треста из Франции и Голландии дала	25.200	„ волокна
	128.076	тонн
Местный лен	17.888	„
	145.964	тонн
Вывоз	55.578	„
Потребление	90.386	тонн

Значительную часть вывоза составлял лен из довоенной России, для которого Бельгия была лишь посредницей. Вообще, льняное дело в Бельгии носит еще более, чем в Англии, международный, если можно так выразиться, характер. Громадный процент пряжи вывозится за границу (от 70 до 85%); с другой стороны, и ввоз прежде был значителен. Тот и другой определялся временным спросом на разные сорта в Бельгии и за границей. Например, в 1913 г. Бельгия вывезла более 33,5 тысяч тонн и ввезла около 13 тысяч тонн пряжи; как во ввозе, так и в вывозе мы находим Англию, Францию, Италию.

Понятно, что война почти совершенно парализовала также и льнопромышленность Бельгии. Хотя прядильни в значительной части и не были разрушены, но медные части машин были сняты, моторы увезены. Все это пришлось восстанавливать, но исправления шли очень быстро, и уже в апреле 1920 г. были готовы к работе 280.000 веретен.

Нехватка сырья сказалась, конечно, и здесь. Частью удачно, наш лен заменялся примесью к местному льну итальянской пеньки. Но еще в 1919 г. производство было очень незначительно: всего переработано 5.819 тонн, из коих 2.052 тонн ввезено. В 1920 г. производство собственного бельгийского льна сильно повысилось и дало 69.320 тонн, при ввозе в 22.790 тонн. Вывоз составлял 9.492 тонны и чистое потребление фабриками 82.618 тонн.

Промышленность также быстро восстанавливалась, но общий промышленный кризис 1920—1921 года сильно ударил и по льнопромышленности, заставив сократить производство.

Германская промышленность потребляла до войны подавляющий процент перерабатываемого ею волокна в виде нашего льна—до 95%. Льняная промышленность не была в Германии промышленностью экспортной,—вывозилось менее 10%. Во время войны правительство целой системой мер побуждало повысить льноводство, чего и достигло. В 1914 г. было всего около 10.000 гектаров посевов льна, в 1919 г. около 65.000, а в 1920 г. около 80.000. Здесь мероприятия правительства были наиболее целесообразны и поэтому увенчались успехом. Было создано, как для других видов сырья, „государственное установление для льна“ („Reichsstelle für Flachs“), которое вошло в контакт с общественным учреждением—„Германским обществом льноводства“. Им удалось системой мер, принудительных но выгодных для льноводов, побудить их к увеличению посевов, что дало, как указано, блестящие результаты. Одним из главных стимулов была организация так называемого „обратного получения“ предметов и изделий льняного производства, начиная от полотна и кончая жмыхами из-под семян, и все это по фабричной себестоимости. В противоположность другим странам, это расширение льноводства носит в Германии, повидимому, довольно устойчивый характер, хотя все же местного льна Германской промышленности не хватает.

Подавляющая часть довоенной австро-венгерской промышленности находилась в теперешней Чехо-Словакии. Правительственные меры Австрии (во время войны государственная монополия и твердые цены) не были удачны: засев льна сократился с 56.000 гектаров в 1909—1913 г.г. (в среднем) до 20.000 в 1916 г. Чехословакия со времени выделения стремится поднять льноводство, но без особого успеха,—площадь посева увеличилась с 1919 г. до 1920 г. с 15.000 до 20.000 гектаров.

В прежних пределах Австро-Венгрия перерабатывала до 70.000 тонн волокна, половина которого ввозилась: так, в 1913 г. на 32 тысячи местного было ввезено 36 тыс., главным образом, из довоенной России (95%).

Чехо-Славакия имеет около 95% всех австро-венгерских веретен, но льноводство ее прежде было много меньше — около 20.000 тонн. Теперь оно сократилось вдвое.

Таким образом, Чехо-Словакия будет нуждаться в значительном ввозе льна, который мог бы ей доставить С.С.С.Р.

Италия и Швеция, имеющие небольшое число веретен, также ввозили некоторое количество льна из довоенной России и, вероятно, и в будущем явятся потребителями нашего льна.

Из внеевропейских стран, рынком сбыта льна, производимого С.С.С.Р., могут сделаться Соед. Штаты и Япония. Та и другая не имели до сих пор сколько-нибудь значительной льнопромышленности.

Северная Америка засевала большую площадь под льняную культуру, но лен возделывался там почти исключительно для семян. Как уже сказано, Соед. Штаты являются главным рынком для английской льняной промышленности. Но правительство проектирует создание собственной льнопромышленности, и Бюро внешней и внутренней торговли подсчитало, что, для минимального удовлетворения спроса по обработке волокна, его потребовалось бы около 80.000 тонн в год [1].

Льняная промышленность Японии, в противоположность другим отраслям текстильного дела, находится в зачаточном состоянии. Но и Япония встает на путь расширения льняной промышленности. В ней наблюдается некоторое развитие и собственного льноводства. В 1910 г. было собрано всего 8.585 тонн льняного волокна, а в 1917 г. это количество дошло до 46.010 тонн. Но все же как Япония, так и Соед. Штаты, при вероятном развитии собственной льняной промышленности, неизбежно должны будут ввозить значительное количество льняного волокна, которое мог бы дать С.С.С.Р.

Рассмотрение положения льноводства и льнопромышленности в главных странах, кроме С.С.С.Р., показывает, что перспективы для вывоза нашего волокна довольно благоприятны.

Выход нашего Союза с мирового рынка совпал или сопровождался в ряде стран резким понижением работы льняной промышленности; в одних, как Франция и Бельгия, причиной были военные разрушения, в других же, как в Англии, главной причиной была нехватка сырья за сокращением вывоза из С.С.С.Р.

Хотя при помощи чрезвычайных мер, а также из-за резкого повышения цены (о чем ниже), во многих из западно-европейских государств посевная площадь, а кое где и сбор волокна, и увеличились, но это не может сделаться для нас угрожающим. С одной стороны, это увеличение не так значительно, как некоторым представляется. Лазаркевич подсчитал, что по сравнению с довоенным временем сбор волокна в Западной Европе поднялся в 1920 г. более чем вдвое (с 110 до 240 тыс. тонн). Нам думается, что данные эти преувеличены,—точных цифр о всех странах получить невозможно, так как статистика льняного дела, особенно сборов, очень несовершенна, и разные источники расходятся между собой. Но даже если льноводство за время отсутствия на мировом рынке нашего волокна несколько и развилось, все же этот рост носил временный и случайный характер и связан с чрезмерным повышением цен; уже за три последние года льноводство резко сократилось во многих государствах.

По данным Международного Института Сельского Хозяйства в Риме, в ряде стран посевная площадь подольном была в 1.000 акров:

	Среднее за 1916—1920 г.г. или в 1920 г.	1921 г.	1922 г.
Англия	126,4	48,1	43,7
Бельгия	89,6	37,2	43,7
Франция	69,2	43,2	45,4
Италия	45,7	53,6	51,9
Голландия	33,3	21,5	22,4

[1] На съезде льняного дела в 1916 г. (см. „Труды") знаток торговли Д. И. Зубков в небольшом докладе указал на Америку, как на возможный рынок для нашего льна.

Мы, видим что льноводство в трех первых странах резко сократилось в течение двух последних лет, в следующих менее определенно; в общем ясно, что наивысшая точка расширения западно-европейского льноводства уже пройдена.

Таким образом, конъюнктура международного рынка льна со стороны спроса и предложения определяется такими моментами: промышленность постепенно восстанавливается, спрос на льняное волокно растет. Западно-европейское льноводство с сокращением вывоза из С.С.С.Р. пыталось возместить наш ввоз повышением посевов; к 1920 году эти устремления достигли предела, за три же последние года посевы и сборы вновь сокращаются.

Английский „Экономист" пишет в обзоре 1923 г.: „В результате прядильная промышленность не сможет вернуться к довоенному производству, пока Россия не будет в состоянии повысить продукцию своего льноводства, так как этот именно источник является самым главным в смысле возможного увеличения льняных запасов для удовлетворения требований мирового рынка".

Общая конъюнктура мирового рынка является для нашего льна вполне благоприятной. Некоторое количество посевов льна осталось в самостоятельных государствах, образовавшихся на территории бывшей Российской империи: в Польше, Литве, Латвии и Эстонии; для 1922 г. отмечено у них 101,8; 41,0; 38,0 и 23,9 тысяч гактаров, со сбором в 3,1; 1,3; 1,0 и 0,6 милл. пудов. Но в Польшу отчасти вошли посевы, принадлежавшие раньше Германии и Австро-Венгрии, которые не могут увеличить общего количества западно-европейского урожая. В общем эти страны имеют относительно бо́льшее значение для мирового рынка из-за кризиса нашего льноводства.

К этому можно добавить, что падение льняной промышленности Запада, чего некоторые опасаются, является невероятным, хотя бы из-за заинтересованности в этом деле значительных капиталов, которые в нее вложены.

Говоря о перспективах льняного дела, можно, между прочим, отметить попытки последних лет с так называемой „котонизацией" льна; это есть химическая обработка льняного волокна, после которой он получает свойства, дающие возможность его механической обработки наравне с хлопком. Работа над этой проблемой еще не закончена. Как за границей, так и у нас (Новицкий, Шевелин и друг.) еще до войны были произведены довольно удачные опыты котонизации. В 1918 г. в Петрограде была образована особая комиссия, чтобы двинуть это дело [1], которая, к сожалению, распалась. Работа Московской комиссии под руководством проф. Федорова также не была закончена. Осуществление котонизации открыло бы льну совершенно новые горизонты; этим открытием было бы уничтожено главное преимущество хлопка, и борьба между ними вступила бы в новую фазу.

Переходя к выяснению современного положения льняного дела в С.С.С.Р., остановимся вкратце на вопросе о ценах; понятно, что конъюнктура данного времени тесно связана с этим вопросом, которого мы пока специально не касались.

На западной европейском рынке обращались льны, с одной стороны, местного происхождения, идущие на тонкие номера пряжи, выше №№ 60—80, с другой—довоенные русские для грубой и средней пряжи — обычно до № 30. Цена на те и другие сильно разнилась,—разница доходила до 100 и более %%.

По данным английского исследователя Картера [2]), средняя рыночная цена льна до войны в Англии была такой:

	За англо-тонну.
Голландский голубой лен	60 фун. стерл.
Ирландский	48,50 „ „
Лен из Брюгге (Бельгия)	50 „ „
Балтийский лен (Рига)	25 „ „

[1] При опытах этой комиссии удалось примешивать к хлопку до 30% котонизированного льна.
[2] H. R. Carter „Flax and its products".

Изменение цен на лен в XX веке шло в направлении их повышения. Так, по французским данным, средняя цена льна во Франции изменялась так:

	Во франках за 100 *кг.*
1901 год	61,4
1904 „	105,68
1907 „	123,41
1910 „	115,31
1911 „	128,82

Наш лен расценивался в Англии с конца прошлого столетия до войны:

	Рублей за пуд.	
	Бежецкий.	Бывш. Лифляндский.
1893—1897 г.г.	4,64	2,81
1898—1902 „	5,23	3,91
1903—1907 „	5,87	4,99
1908—1912 „	6,15	5,02

Это повышение цен, особенно в первое десятилетие текущего века, было всеобщим и коснулось почти всех товаров; оно создало так называемую „дороговизну жизни", злободневный вопрос того времени.

Цены на лен повысились за этот период в довоенной России в наибольшем процентном отношении по сравнению с другими текстильными товарами. По данным Билимовича (в его книге „Подъем товарных цен в России") цена льна-стланца в Петербурге поднялась: считая 1890—1899 г.г. за 100, в 1900—1904, 1906 и 1907 г.г.— до 129; 126,2; 126. Это свидетельствует об определяющем влиянии для довоенной России заграничной цены на лен потому, что в общем товарные цены поднялись у нас не так высоко, как на Западе.

Абсолютно же цены на наш лен были всегда, как сказано, много ниже, чем на западно-европейский, особенно бельгийский лен—он был грубее, часто плохо сортирован и нередко в засоренном виде.

Во время войны и после нее рынок льна в отношении цен испытал чрезвычайные изменения. Первый год войны дал небольшое падение цен, как и по многим другим товарам, но в 1915 и 1916 г.г. цены поднялись, сперва немного, но далее, с истощением запасов и трудностью привоза из тогдашней России, все резче. После перемирия, с промышленной горячкою двух первых лет, подъем льняных цен был для Зап. Европы совершенно невероятный. Лучшие сорта бельгийского льна „Куртрэ", стоившие не более 150 франков, поднялись в 1920 г. до 4,5 тыс. франков, хотя качество волокна и упало. Голубой бельгийский лен поднялся до 3,5 тыс. франков. Бывали сделки с французским льном до 6 тыс. франков. В Англии за русский лен платили до 400 ф. стерлингов за тонну (вместо 25 довоенных).

Общее движение цены на наш лен в Англии в военное и послевоенное время видно из таблицы на стр. 65.

Движение цен на лен (Riga Z. K.) в Англии (по данным „The Economist").

ВРЕМЯ	Абсолютные данные в ф. стерл. за англо-тонну.	Относительные данные.	Общий товарный индекс.
Средняя цена за 1901—1905 г.г. .	35	100	100
Конец 1913 года	$32^3/_4$	93	—
„ 1915 „	36	103	165,1
„ 1917 „	147	420	263,2
„ 1918 „	177	505	277,0
„ 1919 „	230	658	334,7
„ 1920 „	150	428	269,3
„ 1921 „	115	328	198,0
„ февраля 1922 г.	100	285	193,6
„ мая 1922 „	79	225	198,7
„ сентября 1922 „	94	269	190,4
„ 1922 года	89	255	198,7
„ января 1923 г.	86	246	196,5
„ февраля 1923 „	82	234	200,1
„ апреля 1923 „	84	240	201,8
„ декабря 1923 „	85	243	178,6
„ января 1924 „	91	260	181,8
„ апр.-май 1924 „	132	377	178,7
„ июля 1924 „	135	386	176,6

Англия является главным рынком сбыта льна, производимого С.С.С.Р., и вообще льняного дела, поэтому и цены в Англии наиболее важны и интересны. Параллельный общетоварный индекс дает представление об относительном росте или подъеме цены на лен.

Мы видим значительное несовпадение в изменениях цен на лен и на другие товары. В 1915 г. общетоварный индекс поднялся на 65%, льняной—всего на 3%. Но с 1917 года картина меняется в противоположном направлении. Цены на лен растут много быстрее общетоварных: к концу 1917, 1918 и 1919 годов товарный индекс составлял: 263,2; 277,0 и 334,7; льняные цены показывали: 420; 505 и 658. Конец 1919 г. и, особенно, весь 1920 год стояли под знаком несомненного „льняного голода". Высшая точка подъема скрывается при рассмотрении средних годовых цифр. Приведя прилагаемую таблицу обозреватель „Торгового Бюллетеня предст. Р.С.Ф.С.Р. Центр. Европы" (майский № 12 1923 года) ошибочно относит наивысший уровень цен на лен к 1919 г. Действительно, по таблице конца года наивысший индекс—659 был в 1919 г.; но и в 1920 г. до ноября месяца цена продолжала быстро повышаться, и в апреле 1920 г. индекс показывал 1.036, в октябре — 1.093. Только к концу года, в декабре, она вновь упала до указанной в таблице цифры 428.

Падение цены к 1921 году определенно зависело от общехозяйственного кризиса 1921 г. Но, как видно из сравнения с общетоварным индексом, цена на лен упала далеко не так низко, как общий товарный индекс, несмотря на появление на рынке первых партий нашего льна.

При наибольшем падении общетоварного индекса в сентябре 1922 г. до 190,4, индекс на лен в мае также наинизший, все же составлял 225. К концу года он повышается и за весь 1922 г. составлял все же 255 против 193,8 общетоварного индекса.

С конца 1922 года, когда, в связи с общим улучшением экономического положения и некоторым оживлением промышленности, общий товарный индекс стал, хотя и медленно, подниматься, индекс на лен, наоборот, проявил понижательную тенденцию, при чем наинизшая точка была в феврале прошлого года.

Дальнейший чрезвычайный рост цены текущего года связан с ростом оценки хлопка. Сопоставление цен на лен и конкурирующие с ним другие сорта текстильного сырья дают такую таблицу:

Движение индексов английских цен на текстильное сырье.

ВРЕМЯ	Хлопок американский.	Лен.	Пенька.	Джут.
Среднее за 1901—1905 г.г.=100.				
1914 г. 1 января	130	93	76	238
1916 „ 1 „	140	103	134	181
1917 „ 1 „	124	260	172	289
1918 „ 1 „	419	420	241	286
1919 „ 1 „	404	505	286	287
1920 „ 1 „	560	658	171	406
1921 „ 1 „	186	428	166	256
1922 „ 1 „	215	328	110	108
1922 „ 1 августа	240	264	89	217
1922 „ 1 декабря	266	269	93	240
1923 „ 1 января	279	255	94	243
1923 „ 1 февраля	289	246	100	220
1923 „ 1 декабря	399	226	93	180
1924 „ 1 января	386	250	100	185
1924 „ 1 февраля	357	269	99	176

Изменение индексов с начала войны показывает, что лен, особенно в период полной изоляции нашего волокна от мирового рынка, испытал относительно наивысший подъем цены. Он конкурировал в этом с хлопком. В 1923 г. цены, отчасти из-за ошибок в политике нашего вывоза, проявили тенденцию итти на снижение, но с начала текущего года они вновь дали резкий скачок вверх. И здесь мы видим, что хлопковая расценка, которая была ниже льна еще в декабре 1922 года, стремительно пошла вверх, что, конечно, не могло не отразиться на цене за лен.

Но одна эта связь с хлопком не объясняет роста цен на льняное волокно. Наш лен испытал в течение текущего сезона (1923—1924 г.) нередко относительно более быстрый подъем цен, который и начался на наших базарах ранее, чем на английском рынке. Цены поднялись у нас с сентября по февраль—март почти в полтора раза, например, пудономер базисного сорта (по стандарту) стоил в сентябре 47,5 коп., в начале февраля 73,7 коп., в конце марта 66,9 коп.

При этом, по замечаниям О. Л. Чижикова, который дал в нескольких статьях („Известия Льноцентра“) наиболее интересный анализ движения льняных цен текущего сезона, изменение цен по месяцам отличалось от обычного. В связи с ходом сезона по предложению и скупке льна (см. выше), начало льняных продаж дает относительно высокие цены (октябрь), далее они обычно несколько снижаются до января—февраля; последние же партии в марте—апреле продаются вновь по более высоким ценам, хотя по количеству партии эти, наравне с первыми, невелики. В последнем сезоне 1923—1924 г. этой последовательности, правда, не было, с октября по ноябрь цены немного сдали, но уже в декабре они стали расти.

Для понимания конъюнктуры льна в настоящее время, необходимо коснуться нашего льноводства и льнопромышленности.

После прекращения вывоза льна в 1919 году и общего упадка льняного дела, в течение двух-трех последних лет мы наблюдаем некоторый, пока еще небольшой, сдвиг в сторону улучшения.

Новая экономическая политика, начало которой, как известно, относится к весне 1921 г., дала право и возможность мелкому сельскому хозяйству, в том числе

и льноводу-крестьянину, распоряжаться результатом своего труда. Хотя общее расстройство в торговле вообще, особенно же неналаженность внешней торговли—все еще сдерживают крестьян от быстрого возвращения к количеству довоенных льняных запашек, все же в 1922 и 1923 г.г. как производство, так и вывоз льна сдвинулись с мертвой точки.

Произошло это, как сказано, от того, что было признано, что „одной из серьезных мер для поднятия льноводства, что, впрочем, одинаково относится к другим промышленным культурам (да и ко всему народному хозяйству в целом. *В. Л.*), является создание для крестьянства достаточных стимулов к посеву льна" (Матер. к XI парт. съезду Р.К.П. Промышленности и Торговли В.С.Н.Х., 1922.).

Конечно, разобщение с внешним рынком и неорганизованность торговли льном препятствовали быстрому увеличению производства, но все же с 1921 года мы видим, хотя и медленный, рост посевной площади.

Она составляла за последние два года по данным Центрального Статистического Управления (в льноводных губерниях льна-долгунца) 1922 г. — 546.400 десятин и в 1923 году—581.300 десятин [1]. По оценке Наркомзема и Льноцентра в 1922—1923 г. только в 18 губерниях волокнистого льноводства, посевная площадь равнялась 390.200 и 403.600 десятин (против 700.000 десятин в 1915 году). В названном комиссариате предполагали, что в текущем сезоне (1923—1924 г.) площадь эта должна еще увеличиться процентов на 25 и достичь приблизительно 500.000 десятин [2].

Относительно вывоза волокна цифры уже даны. Конечно, вывоз невелик—за три последних года всего не более 5 милл. пудов, тогда как до войны в один год отправлялось более 15 милл. пудов. Но все же, особенно в глухой сезон 1921—1922 г. лен являлся наиболее важной статьей экспорта. Сыграла роль громадная разница в высоте цен между внутренним и внешним рынком. Лен был одним из самых выгодных товаров—например, в 1921 г. цена на лен в Англии была 125 ф. стерл. за тонну, т.-е. около 20 р. за пуд. В С.С.С.Р. же в то время лен стоил, в переводе на золото, всего 2 р. пуд. Но и при начавшемся вывозе разницу эту получил не льновод-крестьянин, а пошла она частью в кассу таможенного ведомства (вывозная пошлина), главною же частью—в счет накладных расходов, высота которых достигла весьма значительных размеров.

После декрета 22 апреля 1918 г. о монополии внешней торговли до новой экономической политики никаких существенных изменений в эту область внесено не было. Первое время монополия большого значения не имела в виду невозможности вывозить кому бы то ни было, отчасти из-за незаинтересованности отдельных правительственных организаций в ведении этого дела. Но с весны 1921 г., в связи с переходом казенных предприятий и учреждений на так называемый „хозяйственный расчет", положение изменилось. Прорыв блокады и постепенное прекращение гражданской войны дали возможности вывозить. Так как дело это, что можно видеть из вышеприведенного сопоставления цен на лен у нас и на Западе, сулило крупные барыши, то и интерес к нему сразу возрос. Монополия первое время как бы разрешила всем государственным хозяйственным организациям производить торговые операции с заграницей. Всевозможные главки и торги, центральные органы и отдельные предприятия, в которых находилось то или иное лицо или группа лиц, умевших завязать связь с заграницей или быть посредниками по внешней торговле, бросились на это дело. Одним из объектов нашей спекулятивной торговли для промышленных предприятий, получавших по товарообмену с деревней льняное волокно, и был этот самый лен.

---

[1] Как неточно сообщаются данные о положении льноводства, видно хотя бы по цифрам об этих годах в „Известиях Льноцентра" № 6, 1924 г., где дано за 1922 г. количество в 473.400 без оговорки, что это относится, как видно, лишь к части губерний.

[2] На сезон 1924—1925 г. Льняной комитет дает цифру 650 т. дес.

Но довольно скоро монополия стала проводиться строже, и декретами от осени 1922 г. до весны 1923 г. право внешней торговли или, как говорят, право выхода на внешний рынок было урезано и предоставлено, кроме Внешторга, небольшой части „хозорганов", имеющих особую в этом потребность и соответствующую внешней торговле организацию. Но развитие еще не закончилось и еще теперь мы видим сомнения в политике и борьбу разных органов.

Что касается специально вывоза льна, то еще весной было проведено постановление Совета Труда и Обороны о предоставлении лишь пяти организациям права заготовки и экспорта льна („вся государственная заготовка льняного сырья как для экспорта, так и для промышленности должна производиться только следующими организациями"), а именно: Госторгу, Льноцентру, Центросоюзу, Льноторгу и Хлебопродукту.

Положение Госторга, как центральной торговой организации Внешторга, ясно. О Льноцентре мы дали исчерпывающие сведения в предшествующей главе; эта центральная кооперативная организация льноводов, вновь возрожденная к работе с новой экономической политикой (официально с 1 сентября 1922 г.) под названием „Центральный Кооперативный Союз льноводов и коноплеводов", имеет для нашего льноводства громадное значение. Восстановление льняной кооперации шло быстро. Уже на 1 января 1923 года Льноцентр простирает свою деятельность на 20 губерний; он опирался на 34 вторичных кооперативных союза, которые объединяли 2.052 первичных кооператива. В отдельных районах в эти кооперативы входит очень большой процент всех крестьянских хозяйств,—например, Кимрский союз объединяет свыше 50%, Ярославский, Костромской и некоторые другие—от 25 до 50% крестьянских хозяйств своих районов. Уже за первый год работы, с 1 сентября 1922 г. до августа 1923 г., Льноцентр собрал более полумиллиона пудов волокна[1]. Как и прежде, лен собирался обычно по рыночной цене; после операции льноводы получают в благоприятном случае „додачу", которая за прошлый сезон составила около 200.000 р. золотом. Значительность операций Льноцентра видна из его баланса, который имеет общую сумму более 5 милл. рублей; из них около 50% составляют основной, паевой и производственный капиталы. В настоящее время Льноцентр занят развитием, улучшением и удешевлением своей организации, особенно первичных кооперативов, увеличением самодеятельности отдельных членов, укреплением финансов, добавлением льняных станций и попытками организации заводов первичной обработки, а также общим углублением кооперативной работы. Им издается с января текущего года свой ежемесячный орган „Известия Всероссийского Центрального Кооперативного Союза" с №№ 7/8 под названием „Лен-пенька", где освещаются все текущие вопросы льняного дела, вернее—кооперации производителей льна. Работа Центросоюза в области сбора и вывоза льна еще моложе, чем деятельность Льноцентра. Зарождение этой работы можно отнести к началу 1919 года, когда был образован сырьевой отдел Центросоюза, в список товаров которого рядом с пушниной, кожсырьем и др. входило и льняное волокно. Но до новой экономической политики Центросоюз действовал по договору с Наркомпродом; деятельность эта, выразившаяся в заготовке около 1/4 милл. пудов волокна из 28 губерний, имела лишь подсобный для комиссариата характер.

Но и с осени 1921 года заготовочная работа велась не вполне самостоятельно. Центросоюз взялся заготовить 1.000.000 пудов льна для Внешторга на комиссионных началах. Всего количества Внешторг не взял, но работа Центросоюзом велась энергично, и за 1922 г. было заготовлено и привезено на комиссию 794.138 пудов льна и кудели, из которых на сезон 1921—1922 г. падает 597.690 пудов (по отчетной статье в „Вестнике льняного дела" за июль 1924 г.). С апреля 1922 г. по 1 января 1923 г. было вывезено около ½ милл. пудов (как и вообще вся заготовка имела в виду экс-

[1] По докладу на собрании уполномоченных в апреле 1925 г. за сезон 1923—1924 г. оборот по волокну составил уже 944 т. пудов (и 523 т. пуд. посевных семян).

порт волокна). Главная часть вывоза шла через Петроградский порт, где был организован контроль сортировки и подбирались партии.

На сезон 1922—1923 г. был разработан широкий план заготовки, но из-за отсутствия имевшегося в виду кредита,—сокращен до 850 тыс. пудов. К октябрю 1923 г. предположения были осуществлены на 98,7%. Значительная часть волокна была предоставлена русской льнопромышленности (первому Льноправлению 140 тыс. пудов и Укртекстильтресту 90 тыс. пудов). Первый трест давал на товарообмен льняные изделия, что облегчало сбор (прием заготовки, схожий с германским во время войны).

За 1922 г. и первые $^3/_4$ 1923 г. из общего вывоза сырья Центросоюзом лен составил солидную сумму в 10 слишком милл. рублей, или 40%.

Центросоюз является в настоящее время очень важной организацией по сбору льна. Наличие работы двух кооперативных объединений только желательно, конкуренция в кооперации в данное время не вредна, так как она может, как нам кажется, противодействовать бюрократизации в работе.

Центросоюз является объединяющей организацией общей кооперации.

Льноторг и Хлебопродукт представляют собою акционерные общества, но без участия частных капиталов. Преимущество первого—в его специализации по торговле льном, второго—в большей финансовой и организационной мощности.

Но государственному аппарату по скупке льна в значительной мере приходится пользоваться, особенно в непосредственной скупке у крестьян, посредничеством старых торговцев-прасолов, от которых они и получают волокно. Например, из одного из наиболее известных районов, Бежецкого, прошлой зимой сообщалось, что „весьма окреп частно-посреднический аппарат; на самом базаре почти две трети льна скупаются скупщиками, а потом уже они передают свой лен льнозаготовительным организациям. В отличие от прошлого сезона, этот скупческий аппарат располагает теперь не только авансовыми суммами, но и имеет собственный капитал". („Изв. Льноцентра", 1924 г. № 2).

В газетных корреспонденциях также нередко сообщают о нездоровых отношениях госторговли к мелким скупщикам. В одной указывалось, что она „основную массу льна принимает от перекупщиков" („Экон. Жизнь" № 104). Может быть, без этого метода и нельзя обойтись, но оказывается, что „перекупщики покупают тут же на базаре, в нескольких шагах от многочисленных лавок и складов льноторгов, авансируются льноторгами и работают таким образом на государственные средства". В противоположность этому кооперация, не имея средств, часто бездействует.

Эти отрицательные стороны современной организации заготовки льна особенно вредны льноводам и дальнейшему развитию культуры льна.

Для согласования политики отдельных льнозаготовительных организаций созданы особые объединенные „Бюро по продаже льна", под председательством представителя от Наркомвнешторга. Такие бюро организованы за границей—в Лондоне (центр.), Берлине и Риге. В С.С.С.Р. намечены центры („бюро") по закупке и реализации разных экспортных товаров. По льну была намечена Москва, но льно-бюро действует также с лета 1923 года при Ленинградской Торговой Палате.

Помимо экспорта, для льноводства большое значение имеет наша льнопромышленность. После прекращения гражданской войны и введения новой экономической политики и фабричная обработка льна стала развиваться.

Управление льняными фабриками претерпело за время с 1917 г. целый ряд переорганизаций.

При Центротекстиле, о котором уже была речь, существовал льняной подотдел технического отдела; он нес консультационную работу, почти не располагая распорядительными функциями. После национализации осенью 1918 года был организован производственный отдел, который должен был взять в свое ведение само производство.

В ноябре из производственного отдела было организовано, как бы самостоятельное, „Главное правление текстильных предприятий", которое и должно было непосредственно управлять фабриками. Далее в этом управлении обособились основные отделы—хлопчатобумажный, льняной и так далее по отраслям текстильного дела. Но они были чисто производственными, техническими органами, без административных, учетных, товарных и вообще экономическо-коммерческих функций. Но все же льняной отдел „имел главной своей задачей управлять льняной промышленностью".

В отделе работа разбилась на подотделы—технический, прядильный, ткацкий, кустарный (мелкие ткацкие фабрики). Но непосредственно управление фабриками в это время еще не осуществлялось. Первая половина 1919 года прошла в подготовке к управлению фабриками и в намечании кандидатов в „Групповые Правления". В льняной промышленности значительное число членов этих правлений были прежними деятелями льнопромышленности.

Соединение отдельных фабрик в общие управления („Групповые" объединения) имело основой замкнутость производства и территориальную близость между предприятиями.

Весной 1919 года было создано 6 льняных „кустов"—Костромской, Ярославский, Вязниковский, Муромский, Нижегородский, Волжский; кроме того льно-пенько-джутовый (Ленинградский) и пеньковый (Горбатовский). Организация кустов, выборы правлений и т. д. были проведены конференцией с участием Главного Правления, Союза Текстильщиков и местных Советов Народного Хозяйства. Помимо кустовых правлений, на отдельных фабриках устанавливаются „заводоуправления" с меньшим, чем прежде, числом членов. Организация всего управления страдала тем, что в крупных объединениях власть ускользала от Льняного отдела, в мелких также не укреплялась. Важным условием было то, что сырье кусты получали от другого отдела—Снабжения. Лучше связь установилась с тех пор, как в Льняном отделе в коллегию вошли представители Льнобюро, собственно слившись с работой этого бюро. Коллегия же стала организовывать снабжение топливом. Все это улучшило положение, и можно было пустить остановленные фабрики: в июле 1919 года работало лишь 39 фабрик из 71, в ноябре—58.

Но все же это были лишь внешние достижения. Детальное управление целой отраслью промышленности из общего центра, без достаточной самостоятельности отдельных частей и, главное, без глубокой всеохватывающей заинтересованности их в работе и достижениях, бюрократизировало промышленное дело, понижало производительность, делало работу, с экономически-коммерческой точки зрения, — невыгодной и даже убыточной.

„Майская партийная конференция 1921 г. пришла к необходимости „раскрепощения" нашей крупной государственной промышленности от мертвящих форм централизованного управления наших Главков и Центров, в котором промышленность пребывала". („Матер. к IX парт. съезду".) Начиналась линия „трестирования" промышленности. Происходить это должно было по определенному, заранее выработанному плану, но сделать это не удалось, и трестирование протекало в значительной мере стихийно, в связи с приспособлением отраслей промышленности в отдельных местностях к условиям самостоятельного хозяйственного расчета и общения с нарождающимся вольным рынком.

Интересно и показательно, что как сама идея трестирования зародилась среди деятелей льняной промышленности (например, статьи на эту тему А. А. Нольде в „Эконом. Жизни"), так и первое осуществление ее было проведено там же.

Первым по времени был организован осенью 1921 г. льняной трест — „Первое льноправление", в который вошли фабрики Муромские и Костромские.

Из отчета этого треста видно, что работа фабрик к июлю — августу 1921 г. совсем замирала, и лишь новая организация дела приостановила этот процесс и повела сперва к медленному, далее ускорившемуся, развитию.

Например, месячный рост выработки пряжи и тканей в этом тресте со времени его организации дает такие цифры:

	1921 г.				1922 г.		
	Июль—Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль
Пряжи льняной в пудах. .	347	2.881	2.963	25.714	40.817	40.337	40.938
Тканей в тыс. кв. арш. . .	147,6	369,3	915,6	22.63,5	3.451,8	3.431,6	3.631,9

Главная трудность работы треста лежала в финансовой слабости, недостатке средств.

Вторым было намечено к организации „Второе льноправление", но дело затянулось из-за противодействия Владимирского Губэкосо.

После образования этих трестов подавляющая часть льняной промышленности сделалась хозяйственно самодовлеющей:

	Фабрик	Веретен	Крутильных	Станков
В Первое льноправление входило	16	134.000	12.600	4.614
Во Второе „ „	18	82.928	13.457	2.324

Хотя работали и не все эти веретена и ткацкие станки, все же за хозяйственный 1921—1922 г. (октябрь 1921 г.—сентябрь 1922 г.) в среднем действовало 198.811 веретен и 4.690 станков. Это составляет увеличение по сравнению с предшествовавшим годом по веретенам на 129%, станкам—на 49%, т.-е. в $2^1/_3$ и в полтора раза. Увеличение производительности было также значительным: пряжи больше на 114%, тканей на 84%, ниток на 167%.

Стоимость выработки готовых изделий поднялась с 28,1 до 55,3 милл. рублей (довоенных), что равнялось 40 — 45% довоенной выработки[1]. Качественно произошли также серьезные улучшения. За первые годы Революции белильные фабрики почти совсем прекратили работу, вырабатывался один суровый товар. Новая экономическая политика повела к спросу на белый товар; уже за этот первый год работы трестированных фабрик была восстановлена отбелка, а также выработка пестротканых товаров.

Рост продукции по пяти последним календарным годам можно усмотреть из след. цифр, согласно данным В.С.Н.Х.[2] и Ц.С.У:

Выработка.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Льняной пряжи в тыс. пудов .	947,0	800,0	511,5	12.68,0	19.38,8
Готов. товар в милл. кв. арш. .	69,5	45,3	39,6	99,4	164,3

Росту производительности соответствовал также и рост потребления волокна.

Потребление это выразилось за 1921 г. около 800 тыс. пудов, 1922 г. около 2 милл. пудов. По другим источникам—в хозяйственном 1922—1923 г. около 2,5 милл. пудов и в 1923—1924 г. около 3,5 милл. пудов.

Несмотря на рост льноводства, эти количества составляют и в настоящее время довольно значительный % всего производства льна, в противоположность довоенному времени, и все еще превышают процент, идущий на иностранный рынок.

В течение двух-трех последних лет, когда вновь открылась граница, и часть льна стала вывозиться, приобрели серьезное значение вопросы распределения волокна,

---

[1] По данным ЦОС'а ВСНХ стоимость продукции льняной промышл. составила в 1922—23 г.—73,710 т. р., в 1923—24 г.—96,477 т. р. по довоен. ценам.

[2] По тем же данным за 1922—23 и 1923—24 гг. пряжи выработано 29,4 и 37,9 т. тонн; суровой ткани 78,775 и 107,044 т. кв. метров.

попадающего на рынок, между экспортом и русскими фабриками С.С.С.Р. Конечно, как упомянуто, получить сырье для льнопромышленности не составляло первое время больших затруднений, например, при начале новой экономической политики в 1921 г. (по данным проф. С. А. Федорова, „Труды Госплана“ кн. I) на фабриках был запас льна на два года. Но позже, в настоящее же время особенно, на нашем рынке льна вновь сталкиваются интересы разных групп и организаций, связанных с той или иной стороной льняного дела.

Уже в сезоне 1922—1923 г. было обращено внимание на сокращение количества организаций по экспорту льна. После сильного понижения цен в Англии в конце 1922 г., что было связано отчасти с большими отправками туда нашего льна без соответствующих заказов, с февраля 1923 года цены на наших рынках значительно поднялись, и увеличившийся спрос служил стимулом для новых посевов. Расценка сортов изменилась по сравнению с довоенным временем в том отношении, что высшие сорта стали дороже, низшие—относительно дешевле.

Уже в этом сезоне сказалась конкуренция между экспортными и фабричными заготовителями. Первые, связанные с мировыми рынками, могут платить не выше цены, которая даст прибыль по сравнению с ценами заграницы; так как накладные расходы, как сказано, чрезмерно велики, то при таких относительно низких ценах в Англии, преимущество в покупках получают скупщики фабрик С.С.С.Р., которые в этом отношении свободнее. В сезон 1922—1923 г. для них, между прочим, значительные заготовки делал Льноторг.

В заканчивающемся сезоне 1923—1924 г. вся конъюнктура рынка и переплетение разных интересов были особенно сложными и запутанными. Количество собранного льна оказалось значительно меньшим, чем предполагали. Вместо 12 и более милл. пудов, в начале льняной кампании, Комвнуторг определил урожай в 9,5 милл. пудов, из которых на рынок могли попасть 7—7,5 милл. пудов.

„Всероссийский (теперь „Всесоюзный“) Текстильный Синдикат“ — организация, объединяющая всю союзную текстильную промышленность, главным образом, по продаже изделий и закупки сырья и материалов — подает в высшие органы Союза докладную записку, в которой, оценивая урожай в 7 милл. пудов, считает, что 4 милл. нужны льнопромышленности, остальные же 3 милл. будут использованы крестьянством для кустарной обработки. Промышленники требовали, чтобы правительство временно воспретило вывоз волокна. Кроме того, Синдикат предлагал лен, находящийся у экспортных организаций, передать льняным фабрикам.

Оценка и возможные последствия такой политики были рассмотрены в прошлом году в „Известиях текстильной промышленности“ (Изд. Всер. текстильн. синдиката, № 2), где вот в каких выражениях характеризовалось создавшееся положение: „Мы видели следующее: льняная промышленность требовала сырья, грозила остановить фабрики, требовала запрещения вывоза и установления контингента. Контингент был установлен, вывоз стеснен и даже запрещен, цены на лен упали на внутреннем рынке, льноводы перестали сеять лен, страна лишилась больших доходов, но льняная промышленность не могла закупить лен из-за отсутствия средств и попрежнему не имеет достаточных запасов льна для нормальной работы“.

Докладная записка предполагала поручить льнозаготовки особой объединенной организации, которая должна быть составлена из представителей В.С.Н.Х. и Наркомвнешторга.

Совет Труда и Обороны образовал для выяснения и решения всех спорных вопросов по льну особую комиссию междуведомственного состава из председателя Комвнуторга, представителей В.С.Н.Х., Наркомвнешторга, Наркомфина и Госплана.

После детального обсуждения положения дела с правлением заинтересованных организаций, комиссия приняла целый ряд важных решений, которые почти целиком были утверждены Советом Труда и Обороны и постановлением от 5 февраля 1924 года проведены в жизнь.

Это постановление „о мерах к упорядочению льняного рынка и обеспечению льняной промышленности сырьем" наметило основную линию льнозаготовительной политики, которая, обеспечив фабрики сырьем, не мешала бы экспортным организациям проводить скупку льна в интересах вывоза, сообразуясь с мировым рынком.

Фабрикам предложено прекратить заготовку льна помимо прилегающих к фабрикам районов. Позже районы эти были точно определены. В них входят во-первых, местность, непосредственно прилегающая к фабрике радиусом в 25 верст [1], далее, для отдельных трестов перечислены базары, которые намечаются специально для фабричных заготовок, например, для первого льноправления 11 пунктов Костромской и 12 Ярославской губерний. Торговые организации на этих базарах скупки производить не должны. На нескольких центральных базарах допущена заготовка как промышленных, так и торговых скупщиков. Кооперация имеет право заготовки во всех местностях, но „не путем покупки на базарах, а путем приемки волокна от производителей — членов кооперативных товариществ" (4-й циркул. Комвнуторга). Это же решение было закреплено приказом по В.С.Н.Х. от 18 февраля 1924 г., где оно мотивируется „критическим состоянием льняного заготовительного рынка" и „нецелесообразной и недоброкачественной конкуренцией между государственными и кооперативными заготовляющими лен организациями". Здесь проведено радикальное средство — запрещено Всеросс. Текстильн. Синдикату и трестам финансировать льнозаготовки фабрик, кроме разрешенных.

В противоположность настояниям промышленности, постановление в пункте 3-м определенно решает: „Признать, что в целях сохранения внешних рынков экспорт льна прекращен в настоящее время быть не может".

Государственная заготовка льна предоставляется пяти организациям, уже указанным выше. Для нужд льнопромышленности, организации эти должны заготовить в текущем сезоне 1.400.000 пудов волокна, Государственный же банк обязан эту операцию кредитовать (8,7 милл. нерв. рубл.).

Для решения всех вопросов по льняным заготовкам постановлено образовать при Внешторге особую комиссию в составе двух представителей льноэкспортных организаций, двух — от промышленности (по назначению В.С.Н.Х.) и представителя Наркомзема. Высшей инстанцией для решений комиссии является председатель Комвнуторга.

Эта комиссия ведет в дальнейшем всю политику по льнозаготовкам, поэтому ее работы имеют большое значение. В нее при организации вошли следующие лица: Белоусов, Нольде, Зотов, Лурье, Кушнер, Климович, Пищулин и Лиманов.

Было установлено календарное распределение поставок льна фабрикам.

Чрезвычайно важным явилось решение установить и ввести в жизнь минимальные цены, обязательные для всех государственных и кооперативных заготовителей льна и их контрагентов. Первоначально цены эти определены, начиная с 50 к. для кудели, 55 к. для моченца и от 59 до 70 черв. копеек за пудономер для стланца. Представители кооперации протестовали против чересчур низких цен. Распределение заготовки для фабрик между организациями установлено по следующей разверстке: Льноторг — 34%, Льноцентр и Центросоюз — по 18%, Госторг — 16% и Хлебопродукт 14%. Средний № поставки должен быть 11,5, и ни в коем случае не ниже 11-го [2].

На местах было решено организовать 18—20 контрольных комиссий, приурочив их к Губернским Внуторгам или большим льноцентрам. Позже комиссия расширила заготовку на несиндицированную промышленность, которой должно было быть предоставлено 100.000 пудов из общего количества, и добавочно 100.000 сверх 1.400.000 пудов.

---

[1] Предлагается увеличить его до 50 верст (проф. Линник в „Экон. Жизни" 11/IV 1925 г.).

[2] Общий заготовительный план на 1924—1925 г. дает такое распределение: Льноторг 29,8%; Госторг—20%; Хлебопродукт—15,2%; Мясоцентр—15,8%; Центросоюз—14,9%.

Но уже вскоре промышленность признала количество в 1,4 милл. пудов для себя недостаточным, и оно было в дальнейшем увеличено еще на 400.000 пудов, которые должны быть сданы к 1 октября 1924 года [1].

Относительно лимитных цен надо указать, (и многочисленные свидетельства подтверждают), что они не соблюдались и что базарные цены превышали их на $1^1/_2$—2 р. за пуд [2]. Но все же некоторое понижательное значение они имеют и с этой стороны известную роль сыграли.

Сезон 1923—1924 года стоял, как уже упомянуто, особенно после января, под знаком высоких цен на волокно: с октября до марта цены поднялись до 50%.

Одной из основных причин поднятия цен большинство об этом писавших признает нездоровое денежное обращение, господствовавшее до валютной реформы. Крестьянин не хотел брать обесценивающиеся денежные знаки и продавал лен лишь непосредственно перед необходимостью иметь наличные деньги; лен являлся для него как бы запасным денежным капиталом, устойчивой валютой, которую он хранил. Кроме того, относительно высокой ценой в совзнаках он как бы страховал себя от потери на курсе.

Эта сдержанность предложения в связи с ростом мировых цен и низким урожаем и сделала подъем цен на наших базарах столь значительным. Конкуренция заготовителей вряд ли имела при этом то решающее значение, которое ей иногда приписывают. Были указания, что цены на волокно чрезмерны и что высота их не имеет оправдания; с другой стороны, из многих районов сообщалось, что крестьяне лимитные ставки определенно считают для себя убыточными, при их проведении от продажи отказываются.

Выяснение этого противоречия имело бы большое значение. Чрезвычайно интересный результат получается при сличении роста цен на волокно с ценами на рожь за последний сезон. Большой процент хозяйств льноводной полосы прикупает значительное количество хлеба, и продажа льна служит отчасти для этой цели. В обзоре внутреннего рынка журнала „Лен-пенька“ (статья О. Ч.) приводятся очень показательные таблицы, дающие сопоставление цен на рожь и лен и покупательную способность льна, выраженную в пудах ржи.

Автор приводит изменение цен на рожь в разных районах, моченца и отдельных групп стланцев и устанавливает параллелизм этого изменения с ростом цен на волокно. Вот его главные выводы:

Дата	В копейках: Цена пуда льна	Цена пуда ржи	На один пуд льна можно купить пуд. ржи
1923			
Сентябрь	570	83	6,9 [3]
Октябрь	532	77	6,9
Ноябрь	507	88	5,8
Декабрь	619	94	6,6
1924			
Январь	796	104	7,6
Февраль	842	119	7,0
Март	800	121	6,6

Сопоставление это ясно показывает, что в переводе на рожь рост льняных цен был очень невелик. Быстро падающий курс совзнаков мог еще более понизить количество ржи, покупаемой крестьянином за пуд льна.

[1] На следующий сезон 1924—1925 г. количество необходимого для промышленности волокна установлено в 4,5 милл. пудов. 19 авг. 1924 г. цифра эта Промпланом В.С.Н.Х. утверждена.

[2] То же наблюдается и в 1925 г. „Установленные НКВнуторгом лимитные цены цены сплошь и рядом не соблюдаются“ („Эк. Жизнь“ 8/IV—25).

[3] Нами исправлены неточности в расчете этих относительных чисел.

До войны за пуд льна можно было в среднем получить около 5 пудов ржи, теперешнее соотношение—1:6—как будто в пользу льна. Но, как правильно отмечается автором указанного очерка, урожайность на десятину упала в прошлом 1923 году по сравнению с 1913 годом с 34,5 пудов до 16,1 пудов с десятины. Принимая это во внимание, крестьяне при реализации всего своего льна получили бы в 1923 г. лишь 55% того количества ржи, которое они получили бы в довоенное время.

Вопросы, связанные с высотой льняных цен, очень сложны, и политика в сторону их снижения должна проводиться осмотрительно, без ущерба для льняной культуры.

То же отношение цен внутреннего и внешнего рынков было бы в довоенное время вполне благоприятным для успешного вывоза. В настоящее же время накладные расходы, о чрезмерной высоте которых уже была речь, так давят на внутренние цены, что наш крестьянин-льновод недополучает за свой труд значительные суммы.

Между накладными расходами, которых ранее не было, один может быть защищаем. Мы говорим о вывозной пошлине на лен и кудель.

Пошлина на вывоз, до войны почти отсутствовавшая, пережила в наше время свое возрождение. Введенная между другими товарами (с резкой разницей в цене у нас и за границей) и на лен, она сохранилась и до настоящего времени, хотя на нее ведется энергичная атака со стороны экспортирующих организаций и учреждений. В противоположность многим резолюциям, мы считали бы возможным защищать сохранение небольшой пошлины. Если вести активную таможенную политику, то некоторые пошлины на вывоз сырья из стран, имеющих в мировой торговле этим сырьем особо большое значение, вполне рациональны. Они могут дать значительный доход, в смысле же отрицательного влияния на внутреннее экономическое положение роль их нередко менее ощутительна, чем некоторых ввозных пошлин. Они, конечно, могут понизить цену, которую получил бы производитель, так как пошлина действительно является как бы накладным расходом вывоза. Но этот недобор касается только непосредственно производителей данного сырья; при ввозных же пошлинах повышается цена также и на весь товар внутреннего производства и, если оно находится в частных руках, то в пользу этих частных лиц.

Политика вывозных пошлин должна проводиться очень осторожно, чтобы не вредить экспорту. Но все же обусловливать вывозную пошлину положением „поскольку разница цен внутреннего и внешнего рынков делает выгодным экспорт этого сырья даже при наличии вывозной пошлины“ (по резолюции совещания Уполномоченных Н.К.В.Т. янв. 1924 года, Бюлл. № 6—7) вряд ли правильно. Пошлину на то или иное сырье можно признать твердо установленной, и можно лишь стараться влиять на мировой рынок в том направлении, чтобы он оплатил этот налог. Желательно, чтобы таможенный доход шел на нужды льняной культуры—научных исследований, курсов и пр.

Прежде чем перейти к текущему положению льняного дела и вывести заключения, отметим еще современное положение семенного вопроса.

Из мероприятий, необходимых для здорового развития льноводства, вопрос этот занимает очень важное место.

До войны наши семена, несмотря на их плохую очистку и сортировку, пользовались, как подробно изложено выше, большим спросом на Западе. Но за последние годы и в самом С.С.С.Р. многие районы страдают от плохих семян или не имеют их вовсе. На севере, как упомянуто, семя обычно не дозревает; оно может дозреть, если его оставить в коробочках: это проводилось в моченцовом районе, меньше в стланцевом. Из наших семян особенно хорошими считались псковские; но за последнее десятилетие качество семян у нас ухудшилось из-за расстройства севооборота, недоурожая последних лет и т. д.

В 1923 году был произведен опыт с разными семенами в отношении их доброкачественности. В Клинском уезде с помощью Льноцентра гр. Волков засеял в одинаковых условиях семена разных районов. Конечно, опыт одного года еще не

является окончательным, но приведем его как последнее исследование, произведенное после изменений военных и революционных лет (по статье И. Пищулина в № 4 „Вестника Льняного Дела“):

Сорт семян	Урожай соломы	Урожай семян	Высота стеблей	Урожай волокна	Средний № волокна
Вятские	150 п.	20 п. 37 ф.	69,3 см.	31 п. 20 ф.	11,3
Селекционные	130 „	19 „ 16 „	75,3 „	27 „ 04 „	11,3
Витебские	128 „	17 „ 32 „	66,6 „	25 „ 21 „	9,0
Местные	126 „	18 „ 24 „	60,6 „	21 „ — „	9,0
Псковские	107 „	15 „ 28 „	71,6 „	29 „ — „	11,0

Этот опыт показал, что псковские семена понизились качеством.

Наркомзем обратил внимание на недостаток в получении семян, и в 1924 году было распределено в ссуду 320 тыс. пудов семян из наиболее известных по качеству семенных районов Псковской, Витебской, Вятской губерний. Семена выдавались на льготных условиях (12% на себестоимость) и в хорошо очищенном виде.

Для будущего года уже приняты меры заготовки семян из тех же районов.

Кроме этого Наркомземом разработан план развития семяноводства вообще, среди которого и лен-долгунец занимает видное место. Для объединения всех культур семяноводства предполагается организовать специальное „Центральное общество семяноводства“.

В отношении распространения льна-долгунца в настоящее время, мы даем следующую таблицу посевной площади и сбора льна за 1923 год по материалам Центрального Статистического Управления (приведено в „Известиях Льноцентра“, № 2).

Посевная площадь льна-долгунца и его валового сбора за 1923 год.

ГУБЕРНИИ	Посевн. площадь в 1.000 дес.	Сбор льна в 1.000 пуд.
Тверская	59,1	1.695,7
Смоленская	53,5	1.803,0
Вятская	45,9	817,0
Псковская	36,9	715,9
Гомельская	29,7	1.009,8
Ярославская	23,4	468,0
Пермская	23,2	504,0
Нижегородская	21,5	337,5
Калужская	19,0	552,9
Свердловская	17,4	440,2
Витебская	15,9	316,4
Новгородская	15,8	356,4
Вотская область	15,5	323,4
Белорусская республика	15,4	623,7
Владимирская	12,4	411,7
Московская	11,2	298,3
Вологодская	10,6	235,3
Костромская	9,7	204,7
Иваново-Вознесенская	9,2	228,2
Череповецкая	8,2	219,5
Ленинградская	6,1	130,5
Сев.-Двинская	5,0	104,5
Марийская обл.	3,9	101,8
Архангельская губ	0,4	9,8

Если не считать ставших самостоятельными прибалтийских республик и Польши, что, конечно, очень чувствительно для общей производительности нашего льноводства остальные губернии в общем сохранили свое относительное значение в общей культуре льна [1].

Как бы на место западного моченцового района за последние несколько лет выдвигается льняной район Сибири.

Уже до войны из Сибири лен попадал на тогдашние русские фабрики, но в очень незначительных количествах.

В начале войны заготовленный лен был впервые вывезен за границу через Ледовитый океан. В Сибири с 1912 г. существует фабрика (в Бийске) для очеса и низких мешечных сортов льна. С 1915 года было открыто сибирское представительство Центрального Товарищества Льноводов и в следующие годы проделана большая организационная работа. Лен продавался в Америку через Владивосток. Позже кредитная кооперация слилась с потребительской и вошла в Центросоюз.

В сезон 1921—1922 г. Сибцентросоюзом собрано за свой счет около 100.000 пудов, из которых 1/4 отправлена за границу с Карской экспедицией. В сезон 1922—1923 г. — 25.000 пудов: проданы Бийской фабрике, а также и в Европейскую часть С.С.С.Р.

Урожай на десятину колеблется в Сибири от 7 до 16,5 пудов (Томская и Алтайская губ.).

Волокна собрано со всех губерний в 1923 году—765.830 пудов (семян 1.574 тыс. пудов).

Провоз от Новониколаевска до Ленинграда обходится 80 коп., до Владивостока—2 р. 91 к.

Данные Сибирского Статистического Управления о посевной площади подо льном до мировой войны, во время нее, во время гражданской войны и в последние годы таковы:

ГУБЕРНИИ	Посев льна (в десятинах)				
	1914 г.	1917 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.
Алтайская	17.007	22.112	16.227	10.287	17.588
Енисейская	4.131	5.130	6.784	3.980	3.838
Иркутская	650	1.032	609	677	751
Омская	14.919	12.285	12.010	7.461	12.780
Новониколаевская	12.524	14.749	12.916	9.756	14.589
Томская	7.476	10.037	8.073	6.513	11.807
Якутская	—	—	—	—	—
Ойратская обл.	—	—	—	—	420
По Сибири	56.707	63.345	56.619	38.674	61.773

[1] А. А. Нольде („Текстильные проблемы", 1924 г.) дает такие цифры урожая этих „окраинных" государств: Эстония—0,6, Латвия—1,0, Литва—1,3 и Польша—3,1, всего 6,0 милл. пудов. Но надо иметь в виду, что в Польшу, как известно, вошла значительная часть бывшей Австрии, а также Пруссии

Если площадь в 1917 г. взять за 100, то относительные числа за пятилетие таковы (по статье Е. Селиванова „Вестник Льняного дела", № 4, июнь):

1914 г.	87,7
1917 г.	100,0
1920 г.	86,6
1922 г.	59,1
1923 г.	94,4

Эти данные показывают, что сибирское льноводство как раз за последние годы обнаружило сильный подъем: посевная площадь увеличилась почти на 25 тыс. десятин. Конечно, общее количество засеянных десятин невелико,—одна Тверская губ. дала почти столько же (59,1), но, принимая во внимание громадные возможности Сибири в будущем, рост этот следует признать отрадным симптомом. В Сибири играет большую роль переложная и подсечная система сельского хозяйства, которая имеет, как мы знаем, особое значение для льна, но в Европейской части С.С.С.Р. уже уходит в прошлое.

Представляя себе во всей совокупности современное положение льняного дела в С.С.С.Р., можно сказать, что, несмотря на очень многие недочеты, на громадный „шаг назад", сделанный по многим сторонам этого дела за последние годы, все же будущее его вне опасности [1].

Особенно это можно сказать относительно льноводства, которое, поскольку оно остается выгодным сотням тысяч мелких крестьян-льноводов, своими внутренними органическими силами должно восстановиться и развиваться дальше. Главным условием для этого должно быть полное возвращение связей с мировым рынком, содействие самодеятельности льноводов через кооперативные организации и привлечение капиталов для расширения и лучшей постановки кредита.

Из конкретных мер наибольшее значение имеет вопрос семянной, а также меры пропаганды лучших приемов в системах хозяйства и первичной обработки волокна. Для последней цели имеют важное значение и заводы первичной обработки, но предположение пропускать все производимое волокно через эти заводы вряд ли осуществимо технически и несомненно не окупится экономически. С этой стороны, увлечения исследователей, вроде И. И. Рябова, должны быть проверены критикой экономистов, что и делается, например, В. С. Клубовым, отчасти Н. Лямкиным и другими.

В скупке и вообще торговле льном далеко не все обстоит благополучно. Борьба на рынке льна между разными организациями, как указано, часто имеет нездоровый характер. Назначение хорошо организованной торговой деятельности—быть наиболее дешевым посредником между производителем и потребителем—редко осуществляется как в госорганах, так и в кооперативных организациях по скупке льна: чрезмерность накладных расходов и развитие в ряде районов отрицательных явлений спекулятивной скупки прасолами при допущении и даже поощрении государственных торгов—на эти явления, объясняющиеся, конечно, общими экономическими причинами, должно быть обращено серьезное внимание. О сокращении расходов льняной кооперации было помещено несколько статей в органе Льноцентра.

В вопросе о льнопромышленности задачи современной экономической политики также довольно сложны. Имея у себя под руками столь значительные количества сырья, эта отрасль текстильного дела располагает одним из главных условий для

---

[1] Текущие вопросы льняного дела были вновь пересмотрены на состоявшемся в конце декабря 1924 г. всесоюзном съезде по льняному делу в Москве.

быстрого развития. Но сложность правильной постановки административной и коммерческой организации, техническая отсталость фабрик, в значительной мере объясняющаяся финансовыми трудностями, падение производительности, все это ставит фабричной обработке льна серьезные задачи в вопросах сбыта и цен. Опережая другие отрасли текстильного дела в выработке, льнопромышленность не может еще „овладеть рынком". Реализация льняных изделий была в последний год серьезно затруднена.

Общая же трудность политики в льняном деле заключается особенно в правильном разрешении и согласовании интересов льноводства, экспорта волокна и его обработки внутри страны.

Понятно, что первое, льноводство, связанное с наибольшим числом непосредственно заинтересованных и со всей будущностью льняного дела, должно стоять в центре внимания.

Но для развития льноводства необходимо содействовать экспорту, для чего мировой рынок в общем открывает благоприятные перспективы.

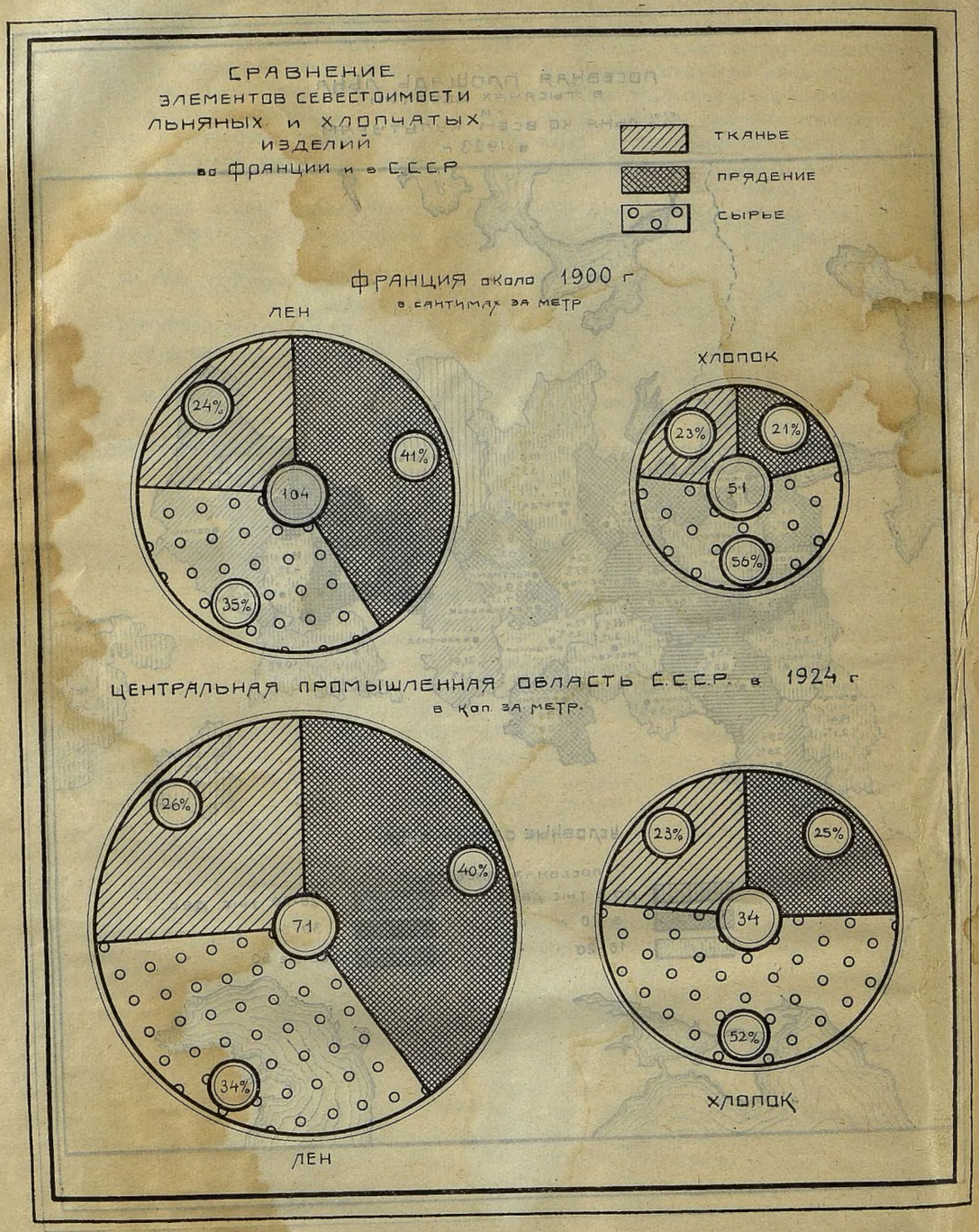
Льняная промышленность должна охраняться, как одна из наиболее исконных и по существу здоровых отраслей фабричного производства; но это не должно делаться в ущерб льноводству и экспорту волокна за границу.

Для того, чтобы полностью использовать богатство, которое С.С.С.Р. имеет во льне, необходима упорная и осмысленная работа крестьянина-льновода, деятеля торговли и льнопромышленности, правильно согласованных экономической политикой государства.

Т 37—38 вып. VII

ДИАГРАММА 1

ДИАГРАММА 2


СРАВНЕНИЕ
ЭЛЕМЕНТОВ СЕБЕСТОИМОСТИ
ЛЬНЯНЫХ и ХЛОПЧАТЫХ
ИЗДЕЛИЙ
во ФРАНЦИИ и в С.С.С.Р
ТКАНЬЕ
ПРЯДЕНИЕ
СЫРЬЕ
ФРАНЦИЯ около 1900 г
в САНТИМАХ ЗА МЕТР
ЛЕН
24%
41%
104
35%
ХЛОПОК
23%
21%
51
56%
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ОБЛАСТЬ С.С.С.Р. в 1924 г
в Коп. ЗА МЕТР.
26%
40%
71
34%
ЛЕН
23%
25%
34
52%
ХЛОПОК

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Довоенного времени:

Современное состояние льноводства в 25 губ. Европ. России. Стр. 336, СПБ., 1912.
Сборник лекций, читанных на курсах по льняному делу. Стр. 477. Москва. 1915.
Труды съездов представителей льняного дела в Москве; первого—часть I и II, Москва, 1911 г., второго—ч. I и II, Москва, 1913 г.; очередного 1915 г. и очередного 1916 г.
Автальон. Борьба хлопка и льна. Пер. с франц. Изд. Всеросс. Общ. Льнопром. Стр. 222. Москва, 1909.
Итоги деятельности ведомств, земств и общественных сил в области льноводства. Гл. Упр. з. и земл. Стр. 177. СПБ., 1912.
Историко-статист. обзор промышленности России. Под. ред. Тимирязева. Т. II, вып. I, СПБ., 1883 г.
Исследования о состоянии льняной промышленности в России. СПБ. 1847 г. Изд. М. Г. Им.
Нольде, А. А. Краткий обзор льноводства и льняной промышленности в России. Москва. 1908.
Ферле, Ф. А. Льноводство. Рига. 1914.

Последних лет (вышедшие после 1914 г.):

Чаянов, А. Русское льноводство, льняной рынок и льняная кооперация. Стр. 177. Центр. Пов. Льновод. М. 1918.
Чижиков, О. Л. Льноводство и льняная кооперация. Стр. 76. „Льноцентр", Москва, 1924.
Лазаркевич, Н. А. Льняное дело в Зап. Европе. Изд. центр. тов. льновод. Стр. 291. Лондон, 1921.
Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М. 1915, т.т. II и III.
Труды секции Промышленности и товарообмена. Т. I. НКФ., М. 1920.
Краткий отчет главного правления текстильных предприятий. М. 1920.
Маслов, С. Л. Льняная кооперация, ее итоги и перспективы в 1918 г. Ц. тов. льнов. М. 1918, стр. 83.
Нольде, А. А. Русская льняная промышленность во время войны и Революции. М. 1918, стр. 24.
Монахов, А. Д. Обработка льна. Пград. 1923, стр. 61.
Прянишников. Растения полевой культуры. Вып. III. Лен, конопля и хлопчатник. Стр. 107. Госизд. 1921.
Нольде, А. А. Европа и СССР. Текстильные проблемы Всеросс. Т. Синд. М. 1924.
Коварский, Б. И. Текстильное сырье на мировом рынке. Изд. НКВТ. М. 1923.
Сырьевые проблемы текстильной промышленности Всеросс. Т. Синд. М. 1923.

Справочники и периодические издания:

„Народное Хозяйство" (Ежегодник) в 1913, 14, 15 г.г., изд. м. фин., за 1916 г. Инст. экономических исследований.
„Труды Госплана".
„Вестник льняного дела". Ежемес. 1915—18 г. Возобновлен с 1/I 1924 г.
„Известия центр. тов. льноводов", 1917—18 г.г. Возобн. под названием —„Известия всеросс. центр. кооп. союза льноводов и конопл." 1924, 1—6. С № 7 заглавие Лен-пенька". М. изд. „Льноцентра".
„Известия текстильной промышленности", 1923/24.
„Внешняя торговля" (еженедельн.). НКВТ. М. с 1923 г.
„Аркос". Коммерч. бюлл. 1922, 23 г.г, с 1929 г. „Иностранное торговое обозрение". Орган торг. орг. СССР в Англии. Лондон.
Торговый бюллетень торг. предст. СССР в Германии. Берлин, 1924.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение. Лен в мировом текстильном деле и в народном хозяйстве СССР . 3

Глава I. История льноводства в довоенной России 8

Глава II. Возделывание льна и его первичная обработка 15

Глава III. Лен в строе крестьянского хозяйства 20

Глава IV. Льнопромышленность в довоенной России 26

Глава V. Торговля льном в России и вывоз до войны 35

Глава VI. Положение льняного дела в царской России во время войны и в первые годы Революции 41

Глава VI. Льняное дело последних лет на Западе и в СССР 57

Диаграммы:

1. Посевная площадь льна в тысячах десятин и % льна ко всем культурам в 1923 году . . 81
2. Сравнение элементов себестоимости льняных и хлопчатых изделий во Франции и в С.С.С.Р. 82

Источники 83